

2500-347X



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (852)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

2500-347X



MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

3

Issue (852)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023





ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3(852)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор

Ответственный редактор
М. В. Пупышева

кандидат политических наук

Ответственный секретарь
А. А. Азаренкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденоко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Лапшов В. А.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, доцент (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)



VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3(852)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
V. K. Belozyorov

Executive Editor
Maria V. Pupysheva

Executive Secretary
Alina A. Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor

PhD (Political Sciences)

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (Saint Petersburg State University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Lapshov Valery	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (MSLU)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Внешняя политика США в отношении современной Ливии ДЕМКИН И. Л.	9
«Российская угроза» в военно-доктринальных документах Польши и Украины ЗАБУЗОВ О. Н.	14
Магистральные тренды в геополитической картине мира КИСЕЛЕВ С. Г.	24
Большие стратегии: западная парадигма и официальные доктринальные документы КОЖУХОВА К. Е.	31
Влияние парламентских партий ФРГ на формирование российско-германских отношений в современных условиях РУКАВИЦЫН П. М.	37
Гуманитарная безопасность в теории и практике международных отношений СМИРНОВА А. С.	45

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Страны Прикаспия как субъекты международных отношений на евразийском пространстве: историческая эволюция и современное состояние ГАДЖИЕВ М. М.	52
Проблемы зеленого пояса Москвы в советский период ГОРЛОВ В. Н.	57
Опыт борьбы войск ВОХР-ВНУС с бандитизмом на территории Украины в годы Гражданской войны ЗАБРОДЧЕНКО Г. Е., КЛИМОВ А. А.	65
Внешняя политика Австрии при Себастьяне Курце (2013–2021 годы): страна диалога НОВИКОВА И. Н., СМИРНОВА А. Н.	71
К вопросу о религиозных девиациях православного приходского духовенства пореформенного времени (на примере Казанской губернии) ХОХЛОВ А. А.	79

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Динамика ценностного профиля студентов (по результатам социологического мониторинга МГЛУ)	
БЕССОНОВА М. О.	87
Концептуальные положения культуры управления сквозь призму умеренного холизма	
МОРЯКОВ С. В.	96
Социально-психологический климат организации: опыт диагностики	
САБЛУКОВ А. В.	103
Эволюция идей этничности в социологической науке	
СОГОМОНЯН А. С.	110
Женщины Таджикистана в науке: социально-статистический анализ	
ХУШКАДАМОВА Х. О.	117
Субъектность социально адаптирующихся на рынке труда российских агломераций: синтетический переход «субъект–объект»	
ШИШКОВ И. В.	125

POLITICAL SCIENCES

U.S. Foreign Policy towards Modern Libya DEMGIN I. L.	9
«The Russian Threat» in the Military Doctrinal Documents of Poland and Ukraine ZABUZOV O. N.	14
Main Trends in the Geopolitical Picture of the World KISELEV S. G.	24
Grand Strategies: the Western Paradigm and Official Doctrinal Documents KOZHUKHOVA K. E.	31
Influence of Parties in German Parliament on Current Russia-Germany Relations RUKAVITSYN P. M.	37
Human Security in Theory and Practice of International Relations SMIRNOVA A. S.	45

HISTORICAL SCIENCES

The Caspian Countries as Subjects of International Relations in the Eurasian Space: Historical Evolution and Current State GADZHIEV M. M.	52
Problems of Moscow's Green Belt in the Soviet Period GORLOV V. N.	57
The Experience of the VOHR-VNUS Troops Fighting Banditry on the Territory of Ukraine during the Civil War ZABRODCHENKO G. E., KLIMOV A. A.	65
Austrian Foreign Policy under the Rule of Sebastian Kurz (2013–2021): a Country of Dialogue NOVIKOVA I. N., SMIRNOVA A. N.	71
On the Question of Religious Deviations of the Orthodox Parish Clergy of the Post-Reform Period (on the example of Kazan province) KHOKHLOV A. A.	79

SOCIOLOGICAL SCIENCES

The Dynamics of Students' Value Profile (based on the results of the MSLU sociological monitoring) BESSONOVA M. O.	87
The Conceptual Provisions of Management Culture through the Prism of Moderate Holism MORYAKOV S. V.	96
Socio-Psychological Climate of the Organization: Experience in the Diagnostics SABLUKOVA A. V.	103
The Evolution of the Ideas of Ethnicity in Sociological Science SOGOMONYAN A. S.	110
Women of Tajikistan in Science: Socio-Statistical Analysis KHUSHKADAMOVA H. O.	117
Agency of Socially Adjusting People at Russian Megalopolis' Labour Market: Synthetical Transference "Subject–Object" SHISHKOV I. V.	125

Научная статья

УДК 327.3

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_9



Внешняя политика США в отношении современной Ливии

И. Л. Демкин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ilya.demkin94@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется современная политика США в Ливии после свержения режима М. Каддафи. Затрагивается проблема оценки эффективности инструментов внешней политики, применяемых Вашингтоном по отношению к странам Ближнего Востока. В работе применены методы общенаучного и политического анализа. Эмпирической базой исследования выступили официальные документы органов государственной власти США. Автором обосновывается вывод о провальной внешнеполитической деятельности США на ливийском треке.

Ключевые слова: США, Ливия, конфликт, переговоры, терроризм

Для цитирования: Демкин И. Л. Внешняя политика США в отношении современной Ливии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 9–13. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_9

Original article

U.S. Foreign Policy towards Modern Libya

Il'ya L. Demkin

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ilya.demkin94@mail.ru

Abstract. The paper examines modern U.S. policy in Libya after the overthrow of the regime of M. Gaddafi. The problem of assessing the efficiency of foreign policy instruments used by Washington in relation to the countries of the Middle East is touched upon. The methods of general scientific and political analysis are applied in the work. The empirical basis of the study was the official documents of the US government authorities. The article justifies the author's conclusion about the failure of U.S. foreign policy in Libya.

Keywords: USA, Libya, conflict, negotiations, terrorism

For citation: Demkin, I. L. (2023). U.S. Foreign policy towards modern Libya. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 9–13. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_9

ВВЕДЕНИЕ

В период «Арабской весны» события в Ливии заняли центральное место в Северной Африке. Для США сложившаяся политическая ситуация стала одной из возможностей реализации концепций гуманитарной интервенции и ограниченного суверенитета.

Однако свержение ливийского лидера М. Каддафи не принесло в страну демократических изменений, как это декларировалось Западом. Политика США в последующий после свержения М. Каддафи период требует изучения как в контексте неудачи «Арабской весны», так и для понимания продолжающейся политики и стремления проводить гибридные войны против своих противников.

Актуальность исследования обуславливается резко обострившимися отношениями между США и их союзниками, с одной стороны, США и Россией, с другой. Обе стороны рассматривают друг друга как противников, и изучение американской внешней политики в условиях нарастания конфликтного потенциала вызывает интерес как с теоретической точки зрения осмысления процессов, так и с прикладной точки зрения под углом выработки конкретных практических рекомендаций.

Цель работы состоит в анализе политики США в отношении Ливии с 2011 г. по настоящее время. Исходя из данной цели можно сформулировать основные задачи работы, к которым относятся анализ политики США в отношении Ливии в период «Арабской весны», а также по отношению к посткаддафийской Ливии.

ИНТЕРЕСЫ И ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ЛИВИИ В ПЕРИОД «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

«Арабская весна» стала новым этапом внешнеполитической стратегии США. Впервые Вашингтон попытался изменить геополитическую карту целого региона Ближнего Востока и Северной Африки.

Президент США Барак Обама озвучил идеи перехода к инклюзивной демократии как один из приоритетов в отношениях со странами региона. В своей программной речи 19 мая 2011 года, которая позднее получила название доктрина Обамы, он отметил, что США прилагают усилия для проведения демократических реформ и либерализации политической обстановки в странах Северной Африки, поскольку Тунис стал первой страной новой «демократической волны». Обама подчеркнул, что другие государства могут подать положительный пример развития гражданского общества посредством создания свободных демократических институтов, проведения свободных и справедливых

выборов. При этом поддержка США будет распространяться на те страны, в которых «демократический переход» еще не произошел (*The White House. Office of the Press Secretary. 19.05.2011*)¹.

Означенную политику США полностью поддерживал Европейский Союз, чья консолидированная позиция определялась как географической близостью к региону, так и наличием в ряде европейских стран относительно крупных американских диаспор.

Американский внешнеполитический курс прочно утвердился в общественных и научных кругах Запада. Так, словарь Коллинза предлагает следующее определение: «Арабская весна – это период времени 2011–2012 годов, во время которого люди на Ближнем Востоке и в Северной Африке пытались добиться демократических реформ»². Словарь Макмиллана добавляет, что «демократия, верховенство закона, социальная справедливость и равноправие стали универсальными требованиями арабского народа в ходе этой арабской весны»³.

В таких условиях позиция Запада относительно начавшейся гражданской войны в Ливии была предсказуемой. В феврале 2011 года начались первые волнения, и уже 18 марта 2011 года в создавшуюся политическую ситуацию вмешался Совет Безопасности ООН, который принял специальную резолюцию, устанавливающую над Ливией «бесполетную зону» [Archick, Mix, 2013].

Указанная резолюция Совбеза ООН дала возможность США и их союзникам по НАТО вмешаться в гражданскую войну в Ливии под предлогом сохранения «бесполетной зоны» и устремления к гуманитарным целям. Вмешательство США и их союзников во внутренние дела Ливии происходило в форме все более активной поддержки антиправительственных сил. В частности, был потоплен военно-морской флот правительственных сил Ливии, постоянно осуществлялись авианалеты на вооруженные силы, верные ливийскому лидеру М. Каддафи.

На завершающем этапе вторжения в Ливию США и НАТО осуществляли воздушные налеты на любые военные колонны сторонников М. Каддафи, фактически предоставив боевикам оппозиции возможность физически расправиться с ливийским лидером.

Вмешательство США и НАТО в конфликт в Ливии было основано на произвольно трактуемой резолюции Совета Безопасности ООН, в силу чего США поддерживали одну из сторон конфликта, прямо

¹ URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/05/19/remarks-president-middle-east-and-north-africa>

² URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/arab-spring>

³ URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/the-arab-spring>

оказав содействие свержению режима М. Каддафи и физической расправе над ним. Указанные противоправные деяния символизировали отказ от традиционной политики Вашингтона на Ближнем Востоке и в Магрибе, которая была сосредоточена в основном на обеспечении стабильности и безопасности.

Заявленной цели вмешательства во внутренние дела суверенного государства, а именно пособничества проведению демократических реформ и либерализации, невозможно было достигнуть только лишь силовым свержением политического руководства страны. Очевидно, что стране, существовавшей более 40 лет без значимых изменений во внутреннем политическом устройстве, не подошел бы шаблонный вариант принудительной демократии. Следовательно, интервентам, желающим произвести благоприятное впечатление на мировое сообщество, необходимо было бы сосредоточить усилия не на убийстве М. Каддафи, а на оказании помощи Ливии в проведении демократических реформ. Однако вся последующая деятельность США в Ливии не соответствовала изначально заявленным целям. Сущность силового вмешательства США во внутренние дела другого государства заключалась в устранении неугодного Вашингтону лидера Джамахирии, стремящегося реализовывать независимый внешнеполитический курс.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ ЭКСПОРТ НЕСТАБИЛЬНОСТИ?

Вмешательство США и НАТО во внутренние дела Ливии привело к изменению хода политического конфликта между сторонниками и противниками действующего политического режима и к свержению М. Каддафи.

В ходе кризиса и после его окончания администрация президента Барака Обамы подчеркивала, что ливийский народ вправе самостоятельно выбирать свое правительство и решать свою судьбу. Однако прозападного режима, способного эффективно управлять страной, не оказалось. В результате сформировалось хрупкое и полулегитимное правительство, которое было неспособно контролировать всю территорию государства, разделенного на две части – восточную и западную.

США и НАТО не удалось получить мандат СБ ООН на продолжение военных операций. В военно-политическом смысле свержение Муаммара Каддафи ознаменовало не победу Запада, а новую фазу военного конфликта, в котором политика трансатлантистов оказалась несостоятельной.

Неспособность завершить конфликт и сформировать демократическое и прозападное правительство привело к постепенному охлаждению интереса Белого дома к Ливии. Об этом свидетельствует демонстративный отказ США от прямого вмешательства во внутренние дела Ливии. Имеет место лишь словесная поддержка демократических реформ, переговоров между правительством и оппозицией, призывы к прекращению насилия, к борьбе против терроризма и ограниченный масштаб гуманитарной помощи [Blanchard, 2022].

Политика активной поддержки демократии со стороны США и ЕС опиралась на общие для них ценности и была направлена на завершение переходных периодов в странах Ближнего Востока и Магриба созданием «более открытых и демократических правительств». Последние создавали бы больше экономических возможностей и долгосрочной стабильности по аналогии с тем, как США и Западная Европа содействовали процессам демократизации в Центральной и Восточной Европе после завершения холодной войны.

Вашингтон и Брюссель оказывали масштабную разностороннюю поддержку процессу осуществления демократических реформ. Однако медленные темпы преобразований побудили их пересмотреть рамки своей экономической помощи, в то время как слабость номинального ливийского правительства свидетельствовала об осуществлении декларируемых США и ЕС политических целей.

США не выступили с непосредственной вооруженной поддержкой правительства Ливии даже после непосредственно эскалации гражданской войны в 2014 году. К этому времени пассивность Вашингтона сказалась не только на ситуации в самой Ливии, фактически завершив период надежд на построение либеральной демократии, но и на региональном балансе сил. Он существенно изменился. Эскалация конфликта в 2014 году привела к фактическому распаду правительства и его «переходных» структур [Хлопов, 2021].

При посредничестве ООН в 2015 году было заключено новое мирное соглашение и сформировано Правительство национального согласия (ПНС) со столицей в Триполи. Однако временное правительство в Бенгази отказалось признавать данное соглашение, и опираясь на поддержку сил Ливийской национальной армии / Ливийских арабских вооруженных сил (ЛНА) (Libyan National Army/ Libyan Arab Armed Forces), возглавляемых Халифой Хафтаром, продолжили борьбу [Хлопов, 2021].

Таким образом, гражданская война в Ливии переходила из одной фазы в другую, изменяя баланс сил внутри страны и соотношения между

основными политическими акторами. Самоустрашение США привело к усилению позиций в Ливии Турции, которая, опираясь на свою экономическую мощь крупнейшей экономики Ближнего Востока, относительно развитые вооруженные силы и идеологию неоосманизма, согласно которой территории бывшей Османской империи, куда входила и Ливия, рассматривались Турцией как зона ее особых интересов, стала активным актором ливийского конфликта [Maziad, Sotiriadis, 2020].

По мере углубления ливийского внутриполитического конфликта Турция непосредственно ввела войска в Ливию, однако, как и США, оказалась не способна достичь своих стратегических целей из-за переоценки собственных возможностей и недооценки противников [там же].

ВОЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО США В ЦЕЛЯХ НИВЕЛИРОВАНИЯ УГРОЗЫ ТЕРРОРИЗМА КАК ПОПЫТКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ЛИВИИ

Все администрации США заявляли о стремлении предотвратить превращение Ливии в источник региональной террористической угрозы. Так, у администрации Барака Обамы возникла необходимость противодействовать укреплению в Ливии позиций террористической организации Исламского государства, которое угрожало превратиться в глобальную структуру.

Соединенные Штаты поощряли усилия Турции и Египта по урегулированию внутриполитического конфликта в Ливии, стремились использовать правительственные или оппозиционные силы для борьбы против транснациональных террористических групп, в том числе, Исламского государства (*Congressional Research Service. 07.03.2023*)¹.

Угроза со стороны Исламского государства и его союзников вынудила США вновь принять непосредственное участие в гражданской войне в Ливии. Данное политическое решение было принято в 2015 году, и его результатом стали антитеррористические операции, которые проводились США в сотрудничестве с местными силами.

Так, в период с августа по декабрь 2016 года силы АФРИКОМ (Африканское командование вооруженных сил США) предприняли серию масштабных авиаударов по позициям Исламского государства, благодаря чему правительственные

ливийские войска смогли освободить ряд городов и другие населенные пункты, занятые террористическими структурами. В 2018 году США осуществили еще одну масштабную операцию в Ливии, направленную против региональной структуры организации «Аль-Каида» [Blanchard, 2022].

Таким образом, Белый дом вынужден был принять меры по решению проблемы безопасности в Ливии, связанной с распространением террористической угрозы. Данная проблема явилась следствием непоследовательной и деструктивной внешней политики США, которая характеризовалась расхождением декларируемых целей и усилий, принимаемых для их достижения.

Новый виток эскалации конфликта наступил в 2019 году. Его спровоцировали действия Х. Хафтара, который предпринял попытку взятия Триполи и объединения страны. Развернувшиеся масштабные военные действия привлекли внимание Турции, России, ОАЭ, Египта, в результате чего возникла угроза нового затратного и бесперспективного (со стратегической точки зрения) вовлечения Вашингтона. В этой связи администрацией Д. Трампа было принято решение осуществить полный вывод американского военного контингента из Ливии. При этом посольство США в Ливии было временно переведено в Тунис [там же].

После того, как наступление Х. Хафтара на Триполи завершилось провалом, в 2020 году развернулась широкая международная дипломатическая активность в Ливии, которую обнаруживали и Соединенные Штаты. Ими был поддержан план мирного урегулирования, предложенный в рамках мандата ООН по Ливии (МООНПЛ), в том числе, трехмесячное перемирие и созыв Ливийского форума политического диалога (ФПДФ). В ФПДФ была достигнута договоренность о проведении в 2021 году новых выборов, которые повлекли бы за собой создание легитимного правительства Ливии. Политическая поддержка, которую США оказывали ФПДФ, была выражена посредством визита в западную Ливию посла США Ричарда Норланда в сопровождении главы АФРИКОМ [там же].

В настоящее время США продолжают оказывать Ливии разнообразную помощь. В период с 2011 по 2022 год ее объем составил свыше 900 млн долл. США, из которых 275 млн поступило в Ливию в виде гуманитарной помощи. Помимо этого, двусторонний товарооборот, по данным на 2019 год, составил 1,1 млрд долл. США (*United States Department of State. 05.01.2021*)².

¹ URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11556>

² URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-libya/>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Активное вмешательство США в конфликт в Ливии в 2011 году привело к целому ряду негативных последствий как для этой страны, так и региональной безопасности Северной Африки и Средиземноморья. Декларируемые цели вмешательства во внутренние дела Ливии не были подтверждены соответствующими усилиями и остались лишь на уровне деклараций. Более того, продолжение конфликта после свержения Муаммара Каддафи побудило Вашингтон

к ослаблению его участия в разрешении проблем Ливии.

На современном этапе главной национальной задачей США остается борьба против терроризма, в рамках которой осуществлялся ряд военных интервенций в период с 2015 по 2019 год. Снижение угрозы терроризма соответственно понижает уровень ливийских интересов США и обуславливает относительно пассивную роль Вашингтона в процессе урегулирования конфликта. Она особенно различима на контрастном фоне активности других внешнеполитических сил.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Archick K., Mix D. The United States and Europe: Responding to Change in the Middle East and North Africa // Congressional Research Service (USA). 2013, June 12. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43105.pdf>
2. Blanchard Ch. M. Libya: Transition and U.S. Policy // Congressional Research Service. 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/RL33142.pdf>
3. Хлопов О. А. Политика США в отношении урегулирования конфликта в Ливии // The Scientific Heritage. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-v-otnoshenii-uregulirovani-konflikta-v-livii>
4. Maziad M., Sotiriadis J. Turkey's Dangerous New Exports: Pan-Islamist, Neo-Ottoman Visions and Regional Instability // MEI. 2020. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-dangerous-new-exports-pan-islamist-neo-ottoman-visions-and-regional>

REFERENCES

1. Archick, K., Mix, D. (2013, June 12). The United States and Europe: Responding to Change in the Middle East and North Africa. Congressional Research Service (USA). <https://fas.org/sgp/crs/row/R43105.pdf>.
2. Blanchard, Ch. M. (2022). Libya: Transition and U.S. Policy. Congressional Research Service. <https://sgp.fas.org/crs/row/RL33142.pdf>.
3. Khlopov, O. A. (2021). Politika SSHA v otnoshenii konflikta v Livii = U.S. policy toward a Resolution of the conflict in Libya. The Scientific Heritage, (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-ssha-v-otnoshenii-uregulirovani-konflikta-v-livii> (in Russ.).
4. Maziad, M., Sotiriadis, J. (2020). Turkey's Dangerous New Exports: Pan-Islamist, Neo-Ottoman Visions and Regional Instability. MEI. <https://www.mei.edu/publications/turkeys-dangerous-new-exports-pan-islamist-neo-ottoman-visions-and-regional>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демкин Илья Леонидович

аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demkin Ilya Leonidovich

postgraduate student of the Department of International Relations
St. Petersburg State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

26.05.2023
01.06.2023
07.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 323.2+327.8

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_14



«Российская угроза» в военно-доктринальных документах Польши и Украины

О. Н. Забузов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
zabuzov@mail.ru

Аннотация. Исследование военно-доктринальных документов Польши и Украины сосредоточено вокруг анализа их текстов, ключевому смыслу которых соответствует концепт «российская угроза». Основными методами исследования выступили PEST-анализ и сравнительный анализ. В военно-доктринальных документах обоих государств нашли отражение сходные тезисы. Концентрация «российской угрозы» в украинском документе значительно больше, чем в польском военно-доктринальном документе.

Ключевые слова: безопасность, военная политика, военно-доктринальный документ, Польша, «российская угроза», Россия, Украина

Для цитирования: Забузов О. Н. «Российская угроза» в военно-доктринальных документах Польши и Украины: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 14–23. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_14

Original article

«The Russian threat» in the Military Doctrinal Documents of Poland and Ukraine

Oleg N. Zabuzov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, zabuzov@mail.ru

Abstract. The study of the military-doctrinal documents of Poland and Ukraine is focused on the analysis of their text, the key content of which is the concept of “Russian threat”. The main research methods were PEST-analysis and comparative analysis. Similar theses were reflected in the military-doctrinal documents of both states. The concentration of the “Russian threat” in the Ukrainian document is much greater than in the Polish military-doctrinal document.

Keywords: military doctrinal document, military policy, Poland, Russia, «Russian threat», Security, Ukraine

For citation: Zabuzov, O. N. (2023) «The Russian threat» in the Military Doctrinal Documents of Poland and Ukraine. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 14–23. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_14

ВВЕДЕНИЕ

Определенной исследовательской сложностью выступает разработка методологии анализа военно-доктринальных документов различных государств. Что является главенствующим для определения содержания таких документов? Как определить в них общее и особенное? Каким образом обосновать и сформулировать критерии для сравнения сходных документов различных государств? Много определяется той целью, которую ставит перед собой исследователь, теми частными задачами, которые ему необходимо решить.

Определенный интерес представляет собой позиция Польши в развивающемся украинском кризисе и тот особый статус, который приобретают польские граждане на Украине¹. Не стоит думать, что это односторонняя позиция украинских властей. Со стороны Польши для граждан Украины упрощено получение PESEL². Несомненно, это только лишь элементы социально-гражданского взаимодействия. Военная помощь Польши Украине не может быть не замеченной.

Цель исследования – сравнительный анализ отражения «российской угрозы» в военно-доктринальных документах Польши и Украины.

В соответствии с целью поставлены две исследовательские задачи.

1. Разработать методологию исследования качественного содержания военно-доктринальных документов иностранных государств в контексте «российской угрозы».

2. Дать качественную характеристику и провести сравнительный анализ военно-доктринальных документов Польши и Украины для выявления концепта «российская угроза».

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Перечень и характер военно-доктринальных документов у различных государств, безусловно, различен. В некоторых государствах его составляют в чистом виде документы, аналогичные российской Военной доктрине. Иногда они представлены симбиозом взглядов на вопросы обороны и международного развития, военными аспектами отстаивания национальной безопасности, стратегией национальной обороны и др. Для анализа отобраны документы, в которых отражены

военно-доктринальные взгляды Польши – Konceptja obronna rzeczywospolitej Polskiej³ (Концепции обороны Республики Польша) и Украины – Стратегія воєнної безпеки України 2021⁴ (Стратегия военной безопасности Украины 2021).

2. В соответствии с целью исследования, рассмотрение военно-доктринальных документов будет сосредоточено вокруг анализа их текстов, ключевым содержанием которых выступает словосочетание «российская угроза» или близкие по смыслу семантические словосочетания. В них под угрозой вообще понимается совокупность потенциала и намерений. Вместе с тем анализируемые документы вышеозначенных государств приняты до начала проведения специальной военной операции России на Украине. Следовательно, они непосредственно не связаны с ее проведением.

3. Отобранные словосочетания будут классифицированы с опорой на метод PEST-анализ и его классические политические, экономические, социальные и технологические аспекты [Политические институты... 2021]. В современном мире вопросы безопасности и обороны не ограничиваются строгой военной сферой. Политическая и военная сферы, очевидно, взаимосвязаны. Известный тезис К. Клаузевица заключается в том, что военная политика не может формироваться в отрыве от политических целей [Клаузевиц, 1934]. Показательны также размышления Х. Хофмайстера о том, что «политическая власть изначально была властью военной» [Хофмайстер, 2006].

Социальная, экономическая и технологическая сферы также играют немаловажную роль в военной политике. Например, демографические тенденции есть не что иное, как проявление социальной сферы. Они напрямую связываются с ростом населения и в результате формируют мобилизационный резерв. Социальной сфере во многом принадлежит формирование духовных ценностей, воли и решительности при защите своей страны. В свою очередь развитие социальной сферы не может быть продуктивным при экономическом упадке, политической нестабильности. Технологический аспект увязан со всеми остальными аспектами социального бытия. Так, уровень развития ВВСТ коррелирует с развитием технологической, производственной базы социума, с уровнем образования инженерного и производственного персонала. Примеров таких переплетений различных сфер общества существует множество.

¹ Про прийняття за основу проекту Закону України про встановлення правових та соціальних гарантій для громадян Республіки Польща, які перебувають на території України URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2430-20#Text> (accessed: 23.01.23).

² Сайт для громадян України URL: <https://www.gov.pl/web/ua> (accessed: 23.01.23).

³ Konceptja obronna rzeczywospolitej Polskiej. URL: <https://www.gov.pl/attachment/78e14510-253a-4b48-bc31-fd11db898ab7> (accessed: 23.01.23).

⁴ Стратегія воєнної безпеки України 2021. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/121/2021#Text> (accessed: 23.01.23).

Учитывая, что проводится исследование военно-доктринальных документов, то логичным дополнением к категориям PEST-анализа будет выступать прилагательное «военный», ввиду этого будет добавлен военный аспект.

4. Если для традиционного PEST-анализа являются устоявшимися содержание политического, экономического, социального и технологического аспектов, то для военного аспекта такого ряда не выработано. Размышляя над наполнением военной составной части, предполагается обращение к таким категориям как «военная сила» [Герасимов, 2019, с. 6], «военная сфера» [Ольшевский, 2010; Золотарев, 2004], «военный фактор» [Захаров, 1993, с. 20; Клименко, 2004, с. 56], «военная деятельность» [Белозёров, 2009, 53; Загорин, Комаров 1998, с. 52; Лисовой, 2002, с. 40] с целью уяснения и вычленения составляющих военной сферы. Проведенный анализ содержания вышеназванных категорий позволяет определить несколько составляющих военной сферы. К ним относятся отражение агрессии, изменение окружающего мира с помощью военной силы, инструмент реализации политики принуждения, военная деятельность государства вообще, поддержание требуемого военного потенциала, стратегическое развертывание вооруженных сил, наращивание военного потенциала на стратегических направлениях, активизация проведения военных учений, развертывание зарубежных военных баз и т.п.

5. Немаловажной особенностью анализа качественного содержания и концепта «российская угроза» будет являться дискретность при отнесении вычленяемых словосочетаний к тому или иному аспекту социального бытия. К примеру, такая гипотетическая качественная характеристика угрозы, как «финансирование дезинформации с целью формирования требуемого образа у населения противника», будет отнесена к экономическому аспекту международных отношений, хотя с большой долей вероятности ее можно отнести и к социальному, и к технологическому аспектам военно-государственной сферы.

6. Качественный анализ содержания военно-доктринальных документов будет базироваться на частотно-ранжированном анализе. Ему будет предшествовать лемматизация, т. е. процесс приведения словоформ анализируемого текста к нормальному (словарному) виду. Для визуального отображения полученных результатов помимо представления в табличном виде воспользуемся облачным предоставлением данных.

«РОССИЙСКАЯ УГРОЗА» В ПОЛЬСКОМ ВОЕННО-ДОКТРИНАЛЬНОМ ДОКУМЕНТЕ

В предисловии министра национальной обороны к Концепции обороны Республики Польша отмечено, что события последних лет, такие как агрессия России против Украины, дестабилизация Ближнего Востока и Северной Африки или последующие теракты, показывают, что Польша находится под угрозой. Как показывает стратегический анализ, заключают авторы концепции, масштаб угроз, исходящих от российской агрессивной политики не был адекватно оценен в прошлом.

В документе отмечено, что РФ стремится усилить свое положение в мировом сообществе, используя различные средства. К ним относятся нарушения международного права, обычное использование силы, а также различные попытки дестабилизировать западные интегрированные структуры. Они представляют угрозу главным образом для Польши и других стран региона, а также – для всех других стран, стремящихся к стабильному международному порядку. Россия открыто объявляет НАТО главной угрозой своей безопасности, несмотря на многочисленные действия Альянса, подчеркивающие его оборонительный характер. Это особенно тревожно в условиях постоянно растущих военных расходов и модернизации вооруженных сил России.

По мнению авторов документа, конечной целью России является создание нового международного порядка, основанного на так называемом «концерте сил». Авторы концепции исходят из того, что к 2032 году Россия сохранит агрессивную позицию в своей внешней политике и безопасности. Принимая во внимание асимметрию военных возможностей России, авторы документа заключают, что такая ситуация создает непосредственные угрозы Польше.

Источник особого беспокойства польской стороны – использование ВС РФ для достижения политических целей: в 2008 году агрессия против Грузии, незаконная аннексия Крыма, агрессия против Украины в 2014 году. Россия является готовой дестабилизировать состояние, а также территориальную целостность Украины, открыто нарушая международное право. Действия России проходят довольно часто замаскированными, а также проводятся ниже порога вооруженного конфликта, что создает угрозы развития конфликта, а также втягивания в него одной или нескольких стран НАТО.

Военно-политическое руководство Польши считает, что Россия является способной к провоцированию прокси войны в различных частях мира, чтобы оказать давление на западные страны. В то

же время Россия проводит обширную программу технического перевооружения своих ВС, проводит интенсивные военные учения и продолжает милитаризировать свое общество.

В документе отмечено, что оборонные расходы России рассматриваются как приоритетные и будут устойчивы даже в периоды ее экономического застоя. Эта политика тесно скоординирована с операциями российских спецслужб, включая использование таких инструментов, как кампании по дезинформации. Москва использует инструмент кибератак или угрозы применения силы против отдельных государств, включая угрозу применения тактического ядерного оружия против неядерных стран.

Как отмечают авторы документа, многие внешние игроки, особенно РФ, продолжают свои действия, направленные на разжигание внутренних

конфликтов внутри НАТО и ЕС с целью ослабления их слаженности. Эти усилия будут очевидны в попытках уменьшения трансатлантического сотрудничества и сокращения военного присутствия США в Европе.

На основании ранее предложенной методологии исследования военно-доктринальных документов сформирована табл. 1, дискретно отражающая содержание военно-доктринального документа Польши.

В соответствии с результатами лемматизации качественного содержания аспектной принадлежности, получен ранжированный ряд с числом повторений слов больше одного, который отчасти дает представление о частотном распределении слов, относящихся к концепту «российская угроза» из анализа содержания польского документа (табл. 2).

Таблица 1

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША ОТНОСИТЕЛЬНО КОНЦЕПТА «РОССИЙСКАЯ УГРОЗА»

Название аспекта	Качественное содержание аспектной принадлежности
Политический	• нарушения международного права • незаконная аннексия Крыма • РФ продолжит действия, направленные на разжигание внутренних конфликтов внутри НАТО и ЕС с целью ослабления их слаженности • угрозы применения силы против отдельных государств
Экономический	• постоянно растущие военные расходы • обширная программа технического перевооружения своих вооруженных сил
Социальный	• действия России проходят довольно часто замаскированными, а также проводятся ниже порога вооруженного конфликта, что создает угрозы для развития конфликта • продолжает милитаризировать свое общество • кампании по дезинформации против других стран
Технологический	• инструмент кибератак
Военный	• обычное использование силы • модернизации вооруженных сил России • в 2008 г. агрессия против Грузии • агрессия против Украины в 2014 г. • Россия является способной к провоцированию прокси войны • проводит интенсивные военные учения

Таблица 2

ЛЕММАТИЗИРОВАННЫЙ РЯД ИЗ АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ОБОРОНЫ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША ОТНОСИТЕЛЬНО КОНЦЕПТА «РОССИЙСКАЯ УГРОЗА» (ЧИСЛО ПОВТОРЕНИЙ СЛОВ БОЛЬШЕ ОДНОГО)

Сила	Против	Конфликт	Россия	Вооруженный	Угроза	Продолжать	Действие	Военный	Агрессия
4	4	3	3	3	2	2	2	2	2

Полную визуализированную картину можно представить в виде облака слов (рис. 1).

Делая выводы из анализа содержания Концепции обороны Республики Польша, относящегося к концепту «российская угроза», отметим ряд обстоятельств.

1. В исследуемом военно-доктринальном документе присутствуют все выделенные нами аспекты.
2. Максимальным по объему является политический, социальный и военные аспекты.
3. В полученном лемматизированном ряду (см. табл. 2), стоит выделить слова, которые нашли наибольшее частотное проявления, а именно: «сила», «против», «конфликт», «Россия» и «вооруженный». Таким образом, польское руководство рассматривает Россию как страну, инициирующую вооруженный конфликт.

«РОССИЙСКАЯ УГРОЗА» В УКРАИНСКОМ ВОЕННО-ДОКТРИНАЛЬНОМ ДОКУМЕНТЕ

Указом президента Украины 25 марта 2021 года введена в действие Стратегия военной безопасности Украины 2021. Относительно анализа в контексте «российская угроза» в документе отмечено несколько существенных положения. В частности,

защита суверенитета и территориальной целостности Украины – важная функция государства, дело всего украинского народа. Реализация этой нормы Конституции Украины в условиях экзистенциальной военной угрозы национальной безопасности, роста дефицита финансовых ресурсов и дисбаланса военных потенциалов Украины и РФ обуславливает необходимость разработки новой стратегии военной безопасности, базирующейся на всеобъемлющей обороне Украины.

По взглядам украинской стороны, на региональном уровне наиболее угрожающим аспектом является вероятность дестабилизации ситуации на Балканах, в Балтийском и Черноморском регионах, на Кавказе и в Восточной Европе вследствие:

- временной оккупации РФ части территории Грузии и Украины;
- милитаризации РФ временно оккупированной территории Автономной Республики Крым и города Севастополь;
- препятствование РФ свободному судоходству в Черном и Азовском морях;
- попытки РФ сохранить в сфере своего политического влияния Белоруссию, использование в собственных интересах конфликта в Приднестровье и других «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве;

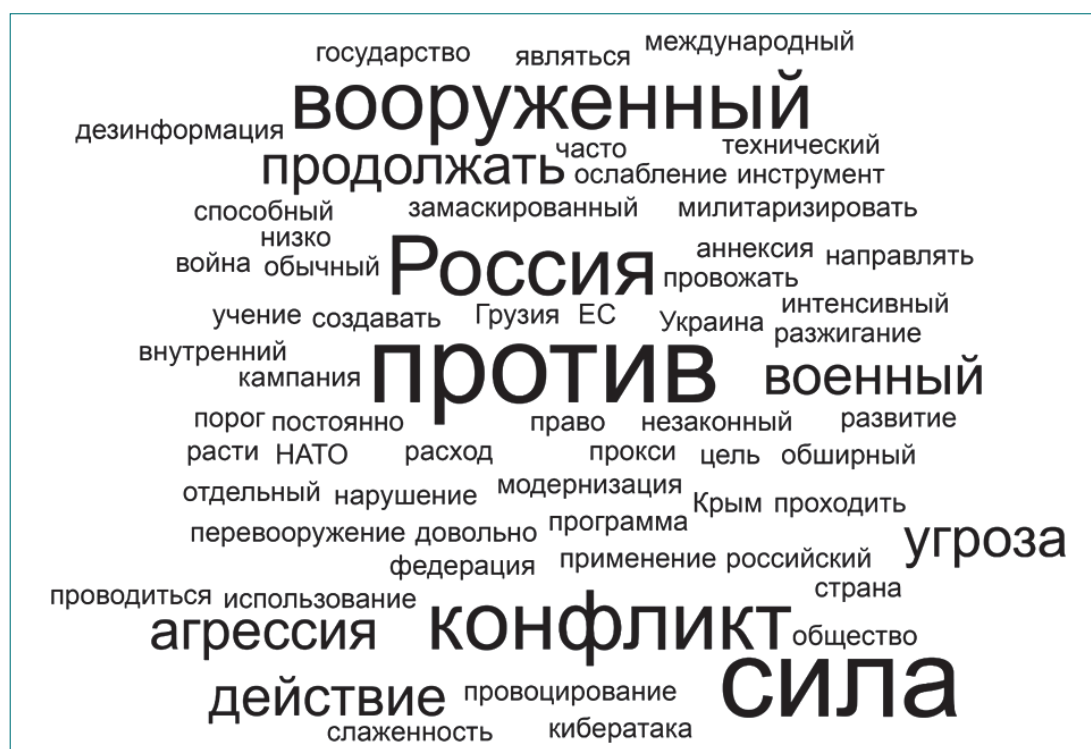


Рис. 1. Облако слов на основе анализа содержания Концепции обороны Республики Польша, выражающее концепт «российская угроза»

- наращивание РФ наступательных группировок войск, развертывание нового ракетного оружия и проведение масштабных военных учений на своих западных границах и на временно оккупированных территориях Украины.

По мнению украинской стороны, такая агрессивная внешняя и военная политика РФ угрожает национальной безопасности Украины и других государств Балтийского и Черноморского регионов, она может привести к дальнейшей эскалации вооруженной агрессии против Украины и спровоцировать международный вооруженный конфликт в Европе.

Как отмечено в документе, на национальном уровне РФ остается военным противником Украины, который осуществляет вооруженную агрессию против Украины, временно оккупировал территорию АР Крым и города Севастополь, территории в Донецкой и Луганской областях, системно применяет военные, политические, экономические, информационно-психологические, космические, кибер- и другие средства, угрожающие независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности Украины.

Военно-политическое руководство Украины считает, что главной угрозой безопасности в военной сфере на национальном уровне остается развязанная РФ гибридная война против Украины. Она ведется в форме комбинации различных действий по скрытому применению регулярных войск (сил), незаконных вооруженных формирований и террористических организаций, использования пропаганды, саботажа, совершение диверсий, умышленного причинения вреда гражданам, юридическим лицам и объектам государственной собственности на Украине.

По украинским взглядам, подготовка и ведение всеобъемлющей обороны Украины будут осуществляться с учетом нескольких условий, к ним относятся:

- концентрация населения в городах, большое количество потенциально опасных

промышленных объектов и значительные площади загрязненных взрывоопасными предметами территорий в районах осуществления мероприятий по обеспечению мер национальной безопасности и обороны, предоставление отпора и сдерживания вооруженной агрессии РФ против Украины в Донецкой и Луганской областях, что может привести к значительным человеческим потерям и чрезвычайным ситуациям в случае полномасштабной войны;

- противоправные действия РФ в акваториях Азовского и Черного морей, препятствующие судоходству и требующие применения Украиной комплекса косвенных действий, пересмотра двусторонних соглашений и имеющихся форматов сотрудничества, используемых РФ с целью нанесения ущерба национальным интересам Украины;
- наличие неконтролируемых участков государственной границы Украины с РФ, которые используются последней для поставки на временно оккупированные территории Донецкой и Луганской областей вооружения, военной и специальной техники, наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров скрыто или под видом оказания гуманитарной помощи.

Как отражено в украинском документе, вооруженная агрессия РФ, временная оккупация территорий Донецкой и Луганской областей, АР Крым и города Севастополя, отвлекающие ресурсы, необходимые для ускорения социально-экономического развития Украины, ограничивают возможности ее сил безопасности и обороны и затрудняют обретение Украиной членства в НАТО.

На основании предложенной методологии сформирована таблица 3, в которой нашло дискретное отражение содержания военно-доктринального документа Украины.

Таблица 3

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ СТРАТЕГИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО КОНЦЕПТА «РОССИЙСКАЯ УГРОЗА»

Название аспекта	Качественное содержание аспектной принадлежности
Политический	временная оккупация РФ части территории Грузии и Украины; попытки РФ сохранить в сфере своего политического влияния Беларусь, использование в собственных интересах конфликта в Приднестровье и других «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве; агрессивная внешняя и военная политика РФ угрожает национальной безопасности Украины; Россия системно применяет политические средства, угрожающие независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности Украины; развязанная РФ гибридная война против Украины

Название аспекта	Качественное содержание аспектной принадлежности
Экономический	препятствование РФ свободному судоходству в Черном и Азовском морях; Россия системно применяет экономические средства угрожающие независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности Украины
Социальный	Россия системно применяет информационно-психологические средства угрожающие независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности Украины
Технологический	милитаризации РФ временно оккупированной территории АР Крым и г. Севастополь; Россия системно применяет космические, кибер- и другие средства, угрожающие независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности Украины
Военный	наращивание РФ наступательных группировок войск, развертывание нового ракетного оружия и проведение масштабных военных учений на своих западных границах и на временно оккупированных территориях Украины; наличие неконтролируемых участков госграницы Украины с РФ, которые используются последней для поставки на временно оккупированные территории Донецкой и Луганской областей вооружения, военной и специальной техники, наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров скрыто или под видом оказания гуманитарной помощи; Россия системно применяет военные средства угрожающие независимости, государственному суверенитету и территориальной целостности Украины

Согласно результатам лемматизации качественного содержания аспектной принадлежности получен ранжированный ряд с числом повторений слов больше одного, который дает представление о частотном распределении слов, относящихся к концепту «российская угроза» из украинского военно-доктринального документа (см. табл. 4).

Полную визуализированную картину можно представить в виде облака слов (см. рис. 2).

Подытоживая анализ содержания Стратегии военной безопасности Украины, относящегося к концепту «российская угроза», подчеркнем ряд обстоятельств.

1. В исследуемом военно-доктринальном документе присутствуют все выделенные нами аспекты сферы международных отношений.
2. Максимальным по объему является военный и политический аспект.

3. В полученном лемматизированном ряду (см. табл. 4) присутствует лексика, связанная с концептом «российская угроза». Авторы украинского документа отождествляют «российскую угрозу» с такими словоформами как «государственный», «средство», «независимость». Немаловажным является и своего рода обеспокоенность украинской стороны, выраженная такими словоформами, как «угрожающий», «применять», «системно». Авторы документа усматривают в этих словах явно системную угрозу со стороны России суверенитету и территориальной целостности Украины.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Нами не ставилось цели провести всеобъемлющий количественный анализ содержания военно-доктринальных документов Польши

Таблица 4

ЛЕММАТИЗИРОВАННЫЙ РЯД ИЗ АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ СТРАТЕГИИ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО КОНЦЕПТА «РОССИЙСКАЯ УГРОЗА»

Украина	Российская Федерация	Государственный	Средство	Независимость	Угрожающий	Применять	Системно	Россия	Суверенитет	Территориальный	Целостность	Территория	Военный	Оккупировать	Временно	Конфликт	Политический	Граница
10	8	6	6	5	5	5	5	5	5	5	5	4	4	3	3	2	2	2



Рис. 2. Облако слов на основе анализа содержания Концепции обороны Республики Польша, выражающее концепт «российская угроза»

и Украины, но стоит отметить несколько любопытных обстоятельств.

Объем Концепции обороны Республики Польша (версия на англ. языке) составляет порядка 9400 слов, объем Стратегии военной безопасности Украины – порядка 5800 слов. Иными словами, объем польского документа больше украинского более чем в 1,5 раза. Вместе с тем проведенный качественный анализ содержания военно-доктринальных документов Польши и Украины, в которых присутствует слосочетание «российская угроза», дает значения для польского документа в 416 слов, для украинского – 692 слова. То есть разница в объеме составила такую же разницу – более чем в 1,5 раза, но уже с противоположной переменной: объем «российской угрозы» в украинском документе больше польского. Анализ качественного содержания документов по аспектной принадлежности дает превышение более чем в два раза. Иными словами, концентрация «российской угрозы» в украинском документе более чем втрое превышает ее концентрацию в польском документе.

Переходя к качественному сравнительному анализу польского и украинского военно-доктринальных документов, отметим несколько важных обстоятельств с привязкой к аспектной принадлежности. И в польском, и в украинском документах нашли свое отражение все пять выделенных нами аспектов международных отношений.

Наибольшими по объему являются военный и политический аспекты.

При сравнении военно-доктринальных документов Польши и Украины по политическому аспекту выявляется их сходство по множеству политических позиций. Среди характерных примеров стоит назвать т.н. «незаконную аннексию Крыма», «оказывание политического давления на замороженные конфликты», «угрозы применения силы против других стран».

Если для экономического аспекта, по взглядам польской стороны, свойственно возрастание российских расходов на армию, то для украинской стороны – препятствие свободного судоходства и применение экономических средств, угрожающих суверенитету Украины.

Социальный аспект международных отношений как для Польши, так и для Украины показывает обеспокоенность обеих стран милитаризацией РФ и отдельных ее территорий. Немаловажной является, как заявляют авторы и польского, и украинского документов, угроза с российской стороны, вызванная проведением информационно-психологических и дезинформационных кампаний, угрожающих независимости и территориальной целостности обеих стран.

Касаясь технологического аспекта международных отношений, нашедшего отражение в военно-доктринальных документах Польши и Украины, наибольшую угрозу со стороны России они видят

в применении ею киберсредств. В украинском документе такой угрозе сопутствуют «космические и другие средства».

Касаясь военного аспекта международных отношений, целесообразно отметить такие словосочетания, которые наиболее часто встречаются в украинском документе: «агрессия», «военные учения» и «модернизация вооружения».

Завершая краткий сравнительный анализ военно-доктринальных документов Польши и Украины, сделаем один обобщающий вывод,

с учетом оговорок, относительно разноплановости политических систем, социального устройства, места в различных международных организациях, уровне экономического развития этих стран и др. На наш взгляд, в польском и украинском военно-доктринальных документах находят свое отражение сходные тезисы, относящиеся ко всем пяти аспектам международных отношений. Однако в украинском документе все эти тезисы гипертрофированы как количественно, так и качественно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Политические институты, процессы и технологии: теория и кейсы / С. А. Мельков и др. М.: КНОРУС, 2021.
2. Клаузевиц К. О войне. М.: Государственное военное издательство, 1934.
3. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: Гуманитарная Академия, 2006.
4. Герасимов В. В. Развитие военной стратегии в современных условиях. Задачи военной науки // Вестник Академии военных наук. 2019. № 2. С. 6–11.
5. Ольшевский В. Г. Военная сфера в гуманитарной картине мира, или военная безопасность в системе ценностей современного общества // Система ценностей современного общества. 2010. № 16. С. 32–36.
6. Золотарев В. А. Проблема государственного управления военной сферой: заметки по поводу монографии Кокошина А. А. «Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России». М.: УРСС, 2004.
7. Захаров А. Н. Военный фактор в концепции глобальной безопасности // Военная мысль. 1993. № 9. С. 18–22.
8. Клименко А. Ф. Эволюция военного фактора и его влияние на систему международно-политических отношений в Восточной Азии // Военная мысль. 2004. № 4. С. 56–68.
9. Белозёров В. К. Политический феномен военной деятельности: монография. М.: Издательский дом «АТИСО», 2009.
10. Загорин Н. Д., Комаров М. П. Категория «деятельность» в военной науке // Военная мысль. 1998. № 6. С. 52–55.
11. Лисовой В. М. Теоретические основы развития военной деятельности. М.: ВАГШ, 2002.

REFERENCES

1. Mel'kov, S. A. et al. (2021). Politicheskie instituty, protsessy i tekhnologii: teoriya i keisy = Political institutions, processes and technologies: theory and case. Moscow: KNORUS. (In Russ.)
2. Klauzevits, K. (1934). O voine = About the war. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Khofmaister, Kh. (2006). Volya k voine, ili Bessilie politiki. Filosofsko-politicheskii traktat = The Will to War, or the Impotence of Politics. Philosophical and political treatise. St.Petersburg: ITs «Gumanitarnaya Akademiya». (In Russ.)
4. Gerasimov, V. V. (2019). Development of military strategy in modern conditions. Tasks of military science. Vestnik Akademii voennykh nauk, 2, 6–11. (In Russ.)
5. Ol'shevskii, V. G. (2010). Voennaya sfera v gumanitarnoj kartine mira, ili voennaya bezopasnost' v sisteme cennostej sovremennogo obshchestva = The military sphere in the humanitarian picture of the world, or military security in the system of values of modern society. Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva, 16, 32–36. (In Russ.)
6. Zolotarev, V. A. (2004) Problema gosudarstvennogo upravleniya voennoi sferoi: zametki po povodu monogr. A.A. Kokoshina «Strategicheskoe upravlenie. Teoriya, istoricheskii opyt, sravnitel'nyi analiz, zadachi dlya Rossii» = The problem of state management of the military sphere: notes on the monograph. A. A. Kokoshin "Strategic management. Theory, historical experience, comparative analysis, tasks for Russia". Moscow: URSS. (In Russ.)
7. Zakharov, A. N. (1993). Zakharov A. N. Voennyi faktor v koncepcii global'noj bezopasnosti = Military factor in the concept of global security. Voennaya mysl', 9, 18–22. (In Russ.)
8. Klimenko, A. F. (2004). Ehvoluciya voennogo faktora i ego vliyanie na sistemu mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij v Vostochnoj Azii = The evolution of the military factor and its influence on the system of international political relations in East Asia. Voennaya mysl', 4, 56–68. (In Russ.)
9. Belozarov, V. K. (2009). Politicheskii fenomen voennoi deyatel'nosti = The political phenomenon of military activity: monograph. Moscow: ATISO. (In Russ.)

10. Zakorin N. D., Komarov M. P. (1998). Kategoriya deyatelnosti v voennoj nauke = Category "activity" in military science. Voennaya mysl', 6, 52–55. (In Russ.)
11. Lisovoi V. M. (2002) Teoreticheskie osnovy razvitiya voennoi deyatelnosti = Theoretical foundations for the development of military activity. Moscow: VAGSh. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Забузов Олег Николаевич

кандидат политических наук, доцент

доцент кафедры информационно-аналитической деятельности

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zabuzov Oleg Nikolaevich

PhD (Political Science), Associate Professor

Associate Professor of the Department of Information and Analytical Activities

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.03.2023
24.04.2023
30.05.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_24



Магистральные тренды в геополитической картине мира

С. Г. Киселев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ksg56@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка выделить и рассмотреть основные тренды мирового развития, характеризующие геополитическую картину мира. Автор приходит к выводу, что мир вступает в тревожное время. Геополитические и межкультурные противоречия обострились до опасных значений, мироустройство вступило в период решительных перемен, поскольку современный глобальный человеческий проект не вполне отвечает вызовам времени и требует кардинальной перестройки.

Ключевые слова: трансформация; миропорядок; тренды; геополитическое соперничество и противоборство; межкультурные вызовы; геоэкономические тренды; медийные тренды; трансформация геополитической модели; мировое и региональное лидерство

Для цитирования: Киселев С. Г. Магистральные тренды в геополитической картине мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 24–30. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_24

Original article

Main Trends in the Geopolitical Picture of the World

Sergej G. Kiselev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia
ksg56@mail.ru*

Abstract. The article attempts to identify and consider the main trends of world development that characterize the geopolitical picture of the world. The author concludes that the world is entering an alarming time when geopolitical and intercultural contradictions have escalated to dangerous values, the world order has entered a period of decisive changes, since the modern global human project does not fully meet the challenges of the time and requires a radical restructuring.

Keywords: transformation; world order; trends; geopolitical rivalry and confrontation; intercultural challenges; geo-economic trends; media trends; transformation of the geopolitical model, global and regional leadership.

For citation: Kiselev, S. G. (2022). Main trends in the geopolitical picture of the world. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 24–30. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_24

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность постановки вопроса, подразумеваемого темой статьи, обусловлена вступлением мироустройства в новую геополитическую эпоху. Как отмечается в новой Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, «человечество переживает эпоху революционных перемен» [Концепция внешней политики, 2023].

Мир-система меняется буквально на наших глазах, причем меняется стремительно, ускоряя ритм изменений и усложняя их проявления в различных сферах жизнедеятельности. Безусловно, преждевременно говорить о формировании и, тем более, о закреплении новых закономерностей мирового развития, по крайней мере, до завершения процесса формирования нового миропорядка. И однако повсеместно наблюдается складывание магистральных трендов как взаимосвязанных событийных последовательностей, характеризующих мировые и региональные процессы и определяющих векторы переформатирования геополитической картины мира.

Автором применяется геополитический подход к исследованию международных явлений. Он позволяет представить многостороннюю геополитическую картину мира, исследовать геоэкономический срез мировых и региональных процессов. В статье применяется также метод геоцивилизационного анализа. Он способствует оценке состояния и перспектив межцивилизационного взаимодействия, противостояния и столкновения локальных миров. Параллельно в данной работе используются методы контент-анализа государственных и блоковых доктринальных документов (стратегий, концепций и т. п.), сравнительного анализа и историко-контекстного анализа мировых процессов.

К основным трендам современного мирового развития следует отнести следующие: трансформация мирового порядка; формирование новой геополитической модели мира; обострение глобального и регионального лидерства; обострение проблемы международной безопасности; возрастание силового фактора; милитаризация планеты, государств и регионов; трансформация блоковых стратегий, создание новых блоков; геоцивилизационные тренды; геоэкономические тренды; медийные тренды.

Вкратце охарактеризуем вышеперечисленные тренды.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Вопрос о формировании нового варианта мирового устройства стоит необычайно остро.

Человечество пережило четыре геополитических эпохи [Саямов, 2018], олицетворением которых были Вестфальская, Венская, Версальская, затем – Ялтинско-Потсдамская системы международных отношений. Последняя из них в силу ряда причин подошла к завершению, а новая не оформилась. Во многом потому, что различия в позициях по оформлению новой архитектуры мироустройства настолько существенны, что принимают все более необратимый характер. Однако должного обсуждения, проработки вариантов, совместного поиска и проектирования идейной основы будущего мироустройства не наблюдается. Коллективному Западу недостает должного понимания ценностных смыслов перспективного российского проекта мироустройства.

На нынешнем этапе не все государства устраивает миропорядок, основанный не на четком следовании международному праву, соблюдению принципов международного права, утвержденных ООН, а «на правилах», т. е. согласованных, консенсусных позициях отдельной группы стран, включающей, прежде всего, государства коллективного Запада, в частности «присвоившие» себя «право» накладывать санкции на других. Далеко не все страны согласны с тем, что США могут произвольно, не спрашивая других, «нарезать» зоны своих геостратегических и геоэкономических интересов (см. для примера «обозначенный» ими Индо-Тихоокеанский мегарегион и принятую соответствующую Стратегию США в ИТР¹).

Стремление США к глобальному лидерству и гегемонии сохраняется, настойчивость усиливается, арсенал применяемых средств расширяется, о чем свидетельствует принятая 12 октября 2022 года новая Стратегия национальной безопасности США². При этом интересы многих стран и регионов мира игнорируются в угоду модели *Pax Americana*. Вышеуказанные явления свидетельствуют о том, что вновь наступает время идеологического противоборства Америки и государств, которые являются ее антагонистами.

В новой Концепции внешней политики Российской Федерации определенное место уделено формированию «справедливого и устойчивого мироустройства», системы международных отношений, способной обеспечивать «надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их

¹ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. The White House, Washington. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf>

² Стратегия национальной безопасности США 2022. URL: <https://inosmi.ru/20221014/strategiya-256796876.html>

географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства». Подчеркивается, что новая система международных отношений должна быть многополярной и базироваться на следующих «принципах: 1) суверенное равенство государств, уважение к их праву выбирать модели развития, социального, политического и экономического устройства; 2) неприятие гегемонии в международных делах; 3) сотрудничество на основе баланса интересов и взаимной выгоды; 4) невмешательство во внутренние дела государств; 5) верховенство международного права в регулировании международных отношений, отказ всех государств от политики двойных стандартов; 6) неделимость безопасности в глобальном и региональном аспектах; 7) многообразие культур, цивилизаций и моделей организации общества, отказ всех государств от навязывания другим странам своих моделей развития, идеологических и ценностных установок, опора на единый для всех мировых традиционных религий и светских этических систем духовно-нравственный ориентир; 8) ответственное лидерство ведущих государств, направленное на обеспечение стабильных и благоприятных условий развития как для себя, так и для других стран и народов; 9) главенствующая роль суверенных государств при принятии решений в сфере поддержания международного мира и безопасности» [Концепция внешней политики, 2023].

В условиях трансформации миропорядка в политическом дискурсе остро ставится вопрос о состоянии ООН в виду нерешенности ряда вопросов обеспечения международной безопасности, координации и регулирования процесса формирования новой системы мирового устройства, основанной на принципах разумности, неконфронтационности, равной безопасности, устойчивости и обеспечивающей условия для гармоничного развития мира, регионов, государств и народов. Позиция Российской Федерации заключается в сохранении и укреплении Организации Объединенных Наций и ее роли в обеспечении международной безопасности.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО

Нестабильность и конфронтация – концентрированная характеристика современных международных отношений. Под вопросом международных экспертов остается одно-/много-/или биполярность формируемой геополитической

модели. Российская Федерация выступает за многополярный мир, что неоднократно подчеркивается в новой Концепции внешней политики. Учитывая, что геополитическая модель представляет собой фундаментальную матрицу межгосударственных отношений, решение этого вопроса приобретает дальнейшее перспективное значение. Серьезность данного вопроса возрастает благодаря формированию или же активизации линий геополитических разломов (Запад – Восток, Запад – не Запад, Север – Юг, Запад – Россия, США – Китай и др.).

Современный научный дискурс, относящийся к тематике «полярности» геополитической архитектуры, рождает новые и довольно оригинальные подходы к проблеме. К примеру, российский дипломат А. Дмитриченко предложил «бесполярность» в качестве промежуточного этапа на пути к многополярности. «В результате процессов, которые сегодня кардинально меняют архитектуру мира, на пути к многополярности, – отмечает эксперт, – возможно, потребуется пройти через промежуточный этап бесполярности. И продлится он может десятилетия. Более того, может оказаться, что после этого промежуточного этапа новая многополярность будет иметь существенно отличающийся от нашего нынешнего представления вид» [Дмитриченко, 2023, с. 5].

Также заслуживает внимания тренд обострения глобального и регионального лидерства. На роль глобального лидера претендуют, причем открыто, США, откровенно не желая при этом делиться с кем-либо своей гегемонией. От мирового лидерства в перспективе планирует отказываться Китай. Возрастают глобальные претензии региональных лидеров – Евросоюза, Турции, Индии и др. В свою очередь, укрепляют позиции региональных лидеров – Бразилии, ЮАР, Саудовской Аравии, Ирана и др. Реанимируются региональные геополитические проекты («Великий Туран», «Великая Румыния» [Азаренкова, 2023, с. 7] и др.).

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ВОЗРАСТАНИЕ СИЛОВОГО ФАКТОРА

Ситуация представляется тревожной и взрывоопасной, требующей ответственной аналитической проработки, серьезной координационной межгосударственной деятельности, принятия адекватных международно-правовых норм. В 1980-х годах в научном дискурсе популярными были концепты, в основу которых был положен принцип «равной ответственности» за состояние

глобальной безопасности. Теперь настало время в основу разработки стратегий и критериев международной безопасности положить принцип «равной безопасности», подразумевающий под собой не конфронтационность отношений, не доминирование и диктат одной / нескольких держав, а координацию действий и учет позиций и интересов всех участников мирового политического процесса.

Укрепляется тренд возрастания роли, значения и применения силового фактора в решении межгосударственных споров. Как отмечает заместитель директора департамента внешней политики МИД России В. Гребенщиков в статье «Тенденции и перспективы развития системы международных отношений», «меняется природа силовой политики, размывается грань между невоенными и военными средствами межгосударственного противоборства, между состоянием войны и мира» [Гребенщиков, 2022, с. 13]. В новой Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что «повышается роль фактора силы в международных отношениях, в ряде стратегически важных регионов расширяется конфликтное пространство. Дестабилизирующие наращивание и модернизация наступательных военных потенциалов, разрушение системы договоров в сфере контроля над вооружениями подрывают стратегическую стабильность» [Концепция внешней политики, 2023].

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ПЛАНЕТЫ, ГОСУДАРСТВ И РЕГИОНОВ. ТРАНСФОРМАЦИЯ БЛОКОВЫХ СТРАТЕГИЙ, СОЗДАНИЕ НОВЫХ БЛОКОВ

Милитаризация планеты продолжается [Белозеров, 2023], и этот процесс поглощает все большие финансовые средства. В США принимается очередной бюджет (на 2024 год) с рекордным околотриллионным военным бюджетом. Ростом военных расходов отличается целый ряд государств.

Согласно данным СИПРИ за 2022 год 167 стран мира закупали вооружение и военную технику в других странах, из них больше всех – Индия, Саудовская Аравия, Австралия, Китай, Катар – 36% от мирового импорта ВВТ. Если посмотреть данные по мировым регионам, то больше других приобретали вооружения в 2022 году Азия и Океания (41% от общего объема мирового рынка оружия), Ближний Восток (31%) и Европа (16%). При этом данные СИПРИ показывают, что за последние 5 лет (2018-2022 годы) самое значительное увеличение закупок оружия характерно для Европы – 47% по сравнению с предыдущим пятилетним

периодом¹. Среди европейских государств в этом смысле выделяется Германия.

В Европейском Союзе изменяется геополитический контур структуры безопасности и обороны, наблюдается создание автономной (наряду с форматом участия в НАТО) системы европейской региональной безопасности². В 2022 году принят План создания инфраструктуры военной мобильности Евросоюза, прорабатывается вопрос создания единого арсенала вооружений и боеприпасов ЕС.

В последние два-три года наблюдается трансформация национальных и блоковых стратегий, создание новых блоковых структур, в том числе военно-политических, например, AUKUS (Австралия, Британия, США), США-Япония-Австралия-Новая Зеландия, активизация существующих блоков, например QUAD (США, Австралия, Индия, Япония), их взаимосвязь с НАТО, о чем свидетельствует принятая в июне 2022 года новая Стратегическая концепция НАТО.³ В совокупности все перечисленное представляется очередным вызовом международной и региональной безопасности.

ГЕОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И МЕДИЙНЫЕ ТРЕНДЫ

Возрастание геοцивилизационного фактора проявляется в росте национального, цивилизационно-культурного самосознания, в состязании ценностей, попытках смены ментальных ориентиров, в обострении противоборства в процессе отстаивания фундаментальных ценностей. В новой Концепции внешней политики Российской Федерации также акцентируется внимание на культурно-цивилизационном многообразии как одном из факторов, ускоряющих «процессы перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния» [Концепция внешней политики, 2023].

Действие геοцивилизационного тренда видится как в настоящий исторический момент, так и в удлинённо среднесрочной перспективе, в том числе в решении проблем дихотомии «глобализация-регионализация», в основе которой все больше просматривается действие геοцивилизационной матрицы [Киселев, 2003, 8].

¹ SIPRI Yearbook 2022. Armaments, Disarmament and International Security. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/2022>

² Общая оборонная концепция ЕС «Стратегический компас-2022». URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf>

³ Стратегическая концепция НАТО 2022 года URL: <https://www.ueat.org.ru/2022/07/12/v-nato-utverdili-strategicheskuyu-kontseptsuyu-2022-goda.html>

На цивилизационный аспект международных отношений, существующий «в качестве методологической основы осмысления, описания и конструирования многополярности» в условиях «мировоззренческого кризиса в отношениях России и Запада» обращают внимание аналитики и эксперты, в частности А. Ю. Дробинин, директор департамента внешнеполитического планирования МИД России, в статье «Образ многополярного мира» [Дробинин, 2023, с. 54].

В геочивилизационной сфере миро-отношений возможны существенные геочивилизационные перемены, поскольку назревает глобальный конфликт цивилизаций, который прогнозировали отечественные и зарубежные мыслители – русский философ конца XIX века В. С. Соловьев в работах «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» и «Под пальмами» [Соловьев, 1988], С. Хантингтон в работах «Столкновение цивилизаций?» [Хантингтон, 1994], «Запад и столкновение цивилизаций» [Хантингтон, 1997], «Если не цивилизации, то что? Парадигмы мира после холодной войны» [Hantington, 1993], отечественный ученый академик Н. Н. Моисеев в работе «Современный антропогенез и цивилизационные разломы» [Моисеев, 1995] и др.

В этом плане, на наш взгляд, человечество подошло к опасной черте, что диктует обращение к метафизическому осмыслению окружающей действительности, необходимость формирования новой доминирующей системы ценностей, основанной на фундаментальных метафизических основаниях, духовно-культурных приоритетах, а не на психологии неумеренного потребления, стремления к чрезмерному богатству и прибыли, с одной стороны, и практики выживания необеспеченных групп населения, голодающих детей и целых народов – с другой, и все это при наличии у человечества массы технических достижений и функционирования высокотехнологичных производств продуктов жизнедеятельности.

Следующий тренд – геоэкономический «перелом» мира, передел рынков сбыта продукции, вызванный поначалу экономической глобализацией, затем усиленный последствиями ковидной пандемии санкционной политикой Запада в энергетической и инвестиционно-технологической сферах. И хотя сила западных санкций заметно ослабляется значительной зависимостью от энергоресурсов и мировых цен на них, они наносят существенный вред благосостоянию населения подсанкционных стран.

Мировая финансовая система с большим трудом справляется с новыми вызовами, не обеспечивает стабильность мировой экономики.

Меняется институциональная инфраструктура, образуются новые экономические пространства как множественный фактор меняющегося международного взаимодействия (Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский мегарегион и др.). В расширяющейся практике санкционного давления доминирующей группы государств, упомянутой выше, для ряда стран судьбоносной становится выработка стратегий выживания в условиях санкционного пресса и изоляции. В новой Концепции внешней политики Российской Федерации акцентируется то, что «усиливается кризис экономической глобализации, существующие проблемы, в том числе на рынке энергоресурсов и в финансовом секторе, вызваны деградацией многих прежних моделей и инструментов развития, недобросовестной конкуренцией» [Концепция внешней политики, 2023].

Медийный тренд современного мирового развития выражается, прежде всего, в возрастающем значении медиаструктур, средств массовой коммуникации и сетевых технологий в осуществлении информационно-психологического воздействия СМИ на социум, что вызвало со стороны государств выделение беспрецедентных финансовых средств и применения значительных технологических усилий и новаций, направленных на обеспечение кибербезопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель проведенного исследования заключалась в определении и краткой характеристике основных трендов глобального развития. Безусловно, рассмотренный перечень магистральных трендов носит контурный характер. Его можно расширять или же группировать по каким-либо основаниям, но очевидно то, что они отражают, на наш взгляд, существенные векторы, явления и процессы современной трансформации геополитической картины мира и формирования новой архитектуры мироустройства. Похоже, наступающая новая геополитическая эпоха будет эпохой геополитического и геочивилизационного противостояния, способного оказать серьезное влияние на судьбы всего человечества и отдельных его частей. Созревает серьезнейший вызов, на который человечеству, составляющим его геочивилизациям и государствам предстоит дать достойный ответ. Данное обстоятельство обуславливает потребность в качественном, скрупулезном и внимательном изучении этих вопросов, благо что историко-эмпирического материала для анализа, структурирования, верификации и прогнозирования более чем достаточно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
2. Саямов Ю. Н. Международные отношения в контексте глобальных процессов: монография. М.: Известия, 2018.
3. Дмитриченко А. Беспolarity как промежуточный этап на пути к многополярности // Международная жизнь. Март 2023. С. 4–9.
4. Азаренкова А. А. Реализация геополитического проекта «Великая Румыния» в современных условиях // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 1 (13). С. 48–55.
5. Гребенщиков В. Тенденции и перспективы развития системы международных отношений // Международная жизнь. Декабрь 2022. С. 12–15.
6. Белозёров В. К. Военная картина мира как детерминант обеспечения национальной безопасности России. В кн.: Новые вызовы и угрозы безопасности РФ в условиях глобальных и локальных трансформаций: монография / колл. авторов; под общ. ред. С. В. Устинкина, А. В. Никитина. М.: РУСАЙНС, 2023. С. 18–35.
7. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России. М.: Известия, 2003.
8. Дробинин А. Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 2. С. 54–62.
9. Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 635–762.
10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис (Политические исследования). 1994. № 1. С. 33–48.
11. Хантингтон С. Запад и столкновение цивилизаций. М.: ВАГШ, 1997.
12. Huntington S. If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 5. P. 186–194.
13. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Социально-политический журнал. 1995. № 5. С. 3–30.

REFERENCES

1. Konceptija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. Utv. Ukazom Prezidenta RF ot 31.03.2023 g. № 229 = The concept of the foreign policy of the Russian Federation. Approved. By the Decree of the President of the Russian Federation dated 31.03.2023 No. 229. <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (In Russ.).
2. Sayamov, Yu. N. (2018). International relations in the context of global processes: monograph. Moscow: Izvestija. (In Russ.)
3. Dmitrichenko, A. (2023). Besspoljarnost' kak promezhutochnyj jetap na puti k mnogopoljarnosti = Nonpolarity as an intermediate stage on the way to multipolarity. The international affairs, March 2023, 4–9. (In Russ.)
4. Azarenkova, A. A. (2023) Implementation of the “Greater Romania” geopolitical project in modern circumstances. KANT: Social Sciences & Humanities Series, 1 (13), 48–55. (in Russ.)
5. Grebenshchikov, V. (2022) Tendencii i perspektivy razvitiya sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij = Trends and prospects of development of the system of international relations. The international affairs, December 2022, 12–15. (In Russ.).
6. Belozarov, V. K. (2023). The military picture of the world as a determinant of ensuring Russia's national security. In S. V. Ustinkin, A. V. Nikitin (ed.) New challenges and threats to the security of the Russian Federation in the context of global and local transformations: monograph. Moscow: RUSAINS (In Russ.).
7. Kiselev, S. G. (2003). Osnovnoj instinkt civilizacij i geopoliticheskie vyzovy Rossii = The Basic instinct of Civilizations and the Geopolitical challenges of Russia. Moscow: Izdatel'stvo «Izvestija». (In Russ.).
8. Drobinin, A. Yu. (2023) The Vision of a Multipolar World. Russia in global affairs, 2(21), 54–62. (In Russ.).
9. Solovyov, V. S. (1988). Tri razgovora o vojne, progresse i konce vseмирnoj istorii = Three conversations about war, progress and the end of world history. In Solovyov V.S. Essays in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl. P. 635–762.
10. Huntington, S. (1994). Stolknoenie civilizacij? = A clash of civilizations? Polis (Political Studies), 1, 33–48. (In Russ.).
11. Huntington, S. (1997). Zapad i stolknoenie civilizacij = The West and the clash of Civilizations. Moscow: VAGSh.
12. Hantington, S. (November / December 1993) If Not Civilization? What? Paradigms of the Post-Cold War World. Foreign Affairs, 5(72), 186–194.
13. Moiseev, N.N. (1995) Sovremennyy antropogenez i civilizacionnye razlomy = Modern anthropogenesis and civilizational faults. Social'no-politicheskij zhurnal, 5, 3–30. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселев Сергей Георгиевич

доктор философских наук

профессор кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kiselev Sergey Georgievich

Doctor of Philosophy (Dr. habil.)

Professor of the Department of Political Science Institute of International Relations and Social and Political
Sciences, Moscow State Linguistic University

Professor of the Department of International Security and Foreign Policy of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.04.2023
01.06.2023
09.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_31



Большие стратегии: западная парадигма и официальные доктринальные документы

К. Е. Кожухова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

kira.kozhuhova@mail.ru

Аннотация: Современная западная политическая наука находится в активной стадии развития. Особое внимание западные исследователи уделяют усвоению понятия «большая стратегия» ведущих мировых держав. В данном исследовании предлагается анализ понимания больших стратегий Китая, России и США западными политологами и сравнение их с современными внешнеполитическими документами этих стран, содержащих «официальную» большую стратегию.

Ключевые слова: большая стратегия, Россия, США, Китай, внешняя политика, международные отношения

Благодарности: Исследование финансировано Министерством науки и высшего образования Российской Федерации согласно проекту № FSFU-2020-0020.

Для цитирования: Кожухова К.Е. Большие стратегии: западная парадигма и официальные доктринальные документы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 31–36. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_31

Original article

Grand Strategies: the Western Paradigm and Official Doctrinal Documents

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

kira.kozhuhova@mail.ru

Abstract. Modern Western political science is in an active stage of its development. Western researchers pay special attention to understanding of the concept of grand strategy of leading world powers. This study offers an analysis of the grand strategies of China, Russia and the United States of America conducted by Western political scientists and declared in modern foreign policy documents of these countries containing the official grand strategy.

Keywords: grand strategy, Russia, USA, China, foreign policy, international relations

Acknowledgements: The study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation according to project No. FSFU-2020-0020.

For citation: Kozhukhova, K. E. (2023). Grand Strategies: the Western paradigm and official doctrinal documents. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 31–36. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_31

ВВЕДЕНИЕ

Современная международная обстановка диктует особое внешнеполитическое поведение государств, которое основывается на политическом целеполагании, оценке собственных ресурсов и внешних угроз для ориентации на международной арене. В политической науке этот феномен носит название «большая стратегия». В западных источниках предлагается осмысление больших стратегий многих ведущих стран мира. Однако понимание больших стратегий западными учеными несколько расходится с актуальной внешнеполитической практикой, в частности, с официальными доктринальными установками государств. В данном исследовании рассматривается понимание больших стратегий России, Китая и США западными политологами. Проводится сравнение их работ со стратегическими документами, декларирующими элементы большой стратегии. Такой подход представляется важным с учетом того, что международные отношения правомерно оценивать и понимать как результат взаимодействия и столкновения глобальных проектов и стратегий [Белозёров, 2019].

ТРАКТОВКИ ТЕРМИНА «БОЛЬШАЯ СТРАТЕГИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассмотрение понятия «большая стратегия» необходимо начать с истоков понимания данного феномена в западной научной литературе.

Английский военный историк Б. Г. Лиддел Гарт, который ввел в научный оборот термин «большая стратегия», отмечал, что роль «большой» или «высшей стратегии» заключается в том, чтобы координировать и направлять все ресурсы страны или группы стран на достижение политической цели войны – цели, которая определяется большой или государственной политикой. «Большая стратегия» обязана определять экономические и человеческие ресурсы страны или группы стран для обеспечения действий вооруженных сил. «Большая стратегия» также ответственна за воспитание у народа страны или группы стран высоких моральных качеств. Распределение сил и средств между сухопутными, морскими и военно-воздушными силами, а также между вооруженными силами в целом и промышленностью является одной из основных задач «большой стратегии». Средствами «большой стратегии» являются военная мощь, финансовое, дипломатическое, коммерческое и идеологическое давление [Лиддел Гарт, 2012].

Американский историк Э. Люттвак также обратился к понятию «большая стратегия». Согласно ему, такая стратегия существует внутри международной политики, но не совпадает с ее границами. «Большая стратегия» существует вне мировой политики, поскольку включает в себя высший уровень взаимодействия между любыми сторонами, способными применить друг против друга силу. Логика стратегии государства не играет никакой роли в определении целей «большой стратегии» независимо от того, как они ставятся: в силу традиции или по капризу диктатора, на основании бюрократических предпочтений или же демократических основ. Руководствуясь «большой стратегией», одни государства ищут господства над другими, а иные желают сохранить свою внешнюю мощь и то влияние, которыми обладают, сосредоточиваясь при этом на своих внутренних целях, включая рост благосостояния. У каждого правительства есть свои цели, пусть даже не сформулированные явным образом, и поэтому каждое правительство по-разному оценивает один и тот же итог стратегии [Люттвак, 2021].

Опираясь на достижения политической науки, современные западные авторы активно продолжают разрабатывать понимание «большой стратегии».

Так, С. Тата в работе «Размышления о большой стратегии. Великие державы в XXI веке» отмечает, что «большая стратегия – это план, разработанный для обеспечения того, чтобы в течение обозримого периода непрерывное, устойчивое существование государства как жизнеспособного образования было защищено от вероятных внешних угроз» [Tata, 2022, p. 1]. По мнению исследователя, существует шесть ключевых элементов, составляющих основу большой стратегии: формулирование жизненно важных национальных интересов; определение вероятных внешних угроз; оценка степени, в которой представления союзников и стратегических партнеров о внешней угрозе сходятся, перекрываются или соответствуют восприятию государством своих внешних угроз; изобретательный подход к военной, экономической и дипломатической мощи; демонстрация того, что цели плана оптимально соответствуют имеющимся средствам; оценка коллективной воли народа поддержать предложенную большую стратегию [Tata, 2022]. В данном исследовании изложенный тезис будет опорным для сравнения понимания направления больших стратегий Китая, России и США западными учеными и официальными источниками, так как обычно данные элементы отражены в доктринальных документах.

Другой современный западный политолог Д. Денун в своем исследовании «Большая стратегия Китая. Путь к глобальной державе?» отмечает, что «большая стратегия» страны – это всеобъемлющий набор целей и средств для достижения этих целей. Денун отмечает, что обычно означенная совокупность факторов большой стратегии влечет за собой увязку целей национальной безопасности с экономическими и территориальными целями. Хотя у большинства стран есть краткосрочные и среднесрочные цели, такие как высокие показатели экономического роста и формирование альянсов, «большая стратегия» требует четкого определения долгосрочных целей и совокупности мер для интеграции усилий в различных областях [Denoon, 2021, p. 8].

Западный политолог Р. Ханания в свою очередь подчеркивает связь «большой стратегии» и интеграции различных форм власти для достижения определенных конкретных целей [Hanania, 2022]. Кроме того, автор в книге «Теория общественного выбора и иллюзия большой стратегии. Как генералы, производители оружия и иностранные правительства формируют американскую внешнюю политику» приходит к выводу, что большая стратегия – это теория или логика, которая связывает высшие интересы страны и ее повседневное взаимодействие с окружающим миром. Большая стратегия подразумевает также целенаправленное использование всех активов государства для достижения некоторого набора целей [Hanania, 2022].

Вместе с тем не все современные западные авторы концентрируются на выработке понимания термина «большая стратегия». Например, Р. Доши в работе «Долгая игра. Большая стратегия Китая по вытеснению американского порядка» проводит обзор современных трактовок «большой стратегии» и делает акцент на том, что одни западные исследователи сосредотачиваются только на военных средствах, что проблематично, поскольку «большая стратегия» превращается в «военную стратегию», в результате игнорируются экономические и политические инструменты. Другие же определяют большую стратегию как использование любых средств для достижения любых целей, но это не отличает «большую стратегию» от самой стратегии государства [Doshi, 2021].

Таким образом, можно предварительно заключить, что термин «большая стратегия» активно развивается в современной западной политологии и получает различные трактовки. Однако суть понятия отражается как реализация внешнеполитических целей и интересов страны с учетом ее ресурсов и возможностей в глобальном политическом взаимодействии с окружающим миром.

СРАВНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ ЗАПАДНЫХ УЧЕНЫХ НА БОЛЬШИЕ СТРАТЕГИИ КИТАЯ, РОССИИ И США И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В ИХ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Исследования западных ученых в настоящее время закономерно сосредоточены на выявлении особенностей больших стратегий ведущих глобальных политических акторов, а именно Китайской Народной Республики, Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. В фокус современных западных политологических исследований также включены Индия [Tata, 2022] и другие возвышающиеся державы. Однако в тематическое поле данной работы означенные страны и их большие стратегии включены не были.

Если говорить о взглядах западных политологов на «большую стратегию» Китая, то стоит отметить, что ее изучение исходит от описания политической практики без опоры на доктринальные документы (белые книги), что превращает политическую оценку в описание агрессивной глобальной державы.

Так, например, С. Тата пишет, что большая стратегия Пекина будет сосредоточена на достижении 5 жизненно важных национальных интересов: 1) энергетическая безопасность за счет доступа к иностранным ресурсам в целях обеспечения своей экономической и военной безопасности, а также политической независимости, учитывая реальность сильной зависимости страны от импорта нефти и газа в будущем; 2) восстановление территориальной целостности Поднебесной и воссоздание особой национальной идентичности посредством а) урегулирования с Индией окончательного статуса Южного Тибета, б) реинтеграции Тайваня, в) возвращение островов Дяоюйдао и признание суверенитета Китая над ними, и г) согласие с китайской версией демаркации фактической морской границы Китая в Южно-Китайском море; 3) признание исключительной китайской сферы влияния, обозначаемой как «Великий Китай»; (4) экономическая безопасность за счет доступа к иностранным рынкам, отражающая продолжающуюся зависимость от экспорта как движущей силы экономического роста; 5) свобода навигации и подключения к глобальной сети как одной из ведущих торговых стран мира [Tata, 2022,].

Д. Денун также заявляет также о глобальных устремлениях Китайской Народной Республики. Он отмечает, что в основе «большой стратегии» Поднебесной – великая «китайская мечта» о возрожденном Срединном государстве с главенством в Азии и широким влиянием на мировые дела. Согласно данной политической программе сильный

и уверенный в себе Китай приобретает все большую экономическую, военную и политическую мощь, все большее влияние на другие страны и использует его для укрепления мира [Denoon, 2021, p. 68]. Денун акцентирует внимание на элементах, влияющих на большую стратегию Китая: 1) стратегическое окружение страны; 2) национальные ресурсы; 3) амбиции и эффективность лидеров; 4) стратегическая культура страны [Denoon, 2021]. В целом с этим можно согласиться, поскольку все перечисленные выше элементы, в особенности стратегическая культура Китая, в значительной степени обеспечивают самоутверждение страны на международной арене.

Другой западный политолог Е. Д. Блэкуэлл придерживается радикальной трактовки особенностей большой стратегии КНР. Он утверждает, что КНР стремится сместить Соединенные Штаты в качестве главной державы в Азии; также Китай стремится ослабить и, в конечном счете, распутить систему американских альянсов в регионе; подорвать уверенность азиатских стран в авторитете, надежности и стойкости США; использовать свою экономическую мощь, чтобы приблизить азиатские страны к геополитическим политическим предпочтениям КНР; наращивать свой военный потенциал для усиления сдерживания против военного вмешательства США в регионе; поставить под сомнение экономическую, политическую и социальную модель США; убедить человечество в том, что демократические ценности США не ослабляют влияние Коммунистической партии Китая на внутреннюю власть; избегать конфронтации с Соединенными Штатами в следующем десятилетии [Blackwill, 2020]. В качестве комментария отметим, что исследователь в изучении современных международных отношений мыслит в логике американоцентризма.

Обращаясь к официальным доктринальным документам КНР, так или иначе декларирующим большую стратегию Китая, целесообразно сделать акцент на Белой книге «Национальная оборона Китая в новое время» [新时代的中国国防, 2019]. В документе отмечается, что цель внешней политики КНР – решительно защищать национальный суверенитет, безопасность и интересы Китая, сдерживать агрессию, защищать национальную политическую безопасность, сдерживать «независимость Тайваня», бороться с «независимостью Тибета», «Восточного Туркестана» и других сепаратистских сил, а также защищать национальный суверенитет страны. Государственный документ Китая свидетельствует, что наиболее точно официальную позицию Пекина отразил западный исследователь С. Тата.

Переходя к рассмотрению большой стратегии Российской Федерации в западном понимании, стоит отметить, что большинство политологов концентрируются на осмыслении противостояния США и РФ, а также на проведении специальной военной операции на Украине.

Так, С. Тата отмечает, что целью большой стратегии России является обеспечение дальнейшего устойчивого существования как жизнеспособного политического образования, сохраняющего свои пять структурных особенностей: территорию, народ, идентичность, суверенитет и независимость. Автор полагает, что российская большая стратегия характеризуется реализмом, сдержанностью, разумностью и после распада СССР все еще находится в стадии формирования [Tata, 2022].

Западный политолог скандинавского происхождения Д. Уалаалу замечает экспансионистскую составляющую «большой стратегии» России. Так, он считает, что главные ее цели состоят в том, чтобы подорвать возглавляемый Соединенными Штатами международный порядок; повлиять на политические системы, где бы они ни находились; посеять раскол в западных обществах, помогая национализму вновь появиться и культивировать дезинформацию, которую России удалось спровоцировать; разжигать недоверие и негативное общественное мнение о демократических институтах, выборах и экономике [Oualaalou, 2021, p. 1–2]. Параллельно автор отмечает три ключевые составляющие большой стратегии России. Во-первых, Россия обладает способностью разворачивать относительно недорогие дипломатические, военные, разведывательные, кибернетические и энергетические инструменты и полагаться на них для оказания влияния и расширения своего глобального присутствия. Во-вторых, большой стратегии России помогают промахи Запада, включая Соединенные Штаты, будь то в Афганистане и Ираке или Ливии и Венесуэле. Кроме того, кибервойна России принесла выигрыш российской большой стратегии, поскольку настроения против истеблишмента в Европе и Северной Америке растут с каждым днем [Oualaalou, 2021].

Новая Концепция внешней политики Российской Федерации, отражающая современную политическую ситуацию на международной арене, вышла 31 марта 2023 года. В документе можно выделить следующие компоненты большой стратегии России, которые перечисляются в разделе 3, пункт 15 [Указ, 2023]. Резюмируя данный отрывок, можно заключить, что большая стратегия Российской Федерации строится на проведении независимой политики, направленной на поддержание суверенитета государства, на охране основ

правовой и стратегической стабильности в мире, на защите этнической самобытности и геополитических условий для процветания российского народа, а также на защите окружающей среды.

Тем не менее в целом большая стратегия Российской Федерации соответствует приблизительно тому же вектору, который был намечен два года назад. Отсутствие комментариев западных ученых к тексту этой и предыдущей концепции заставляет предположить, что распространению русской большой стратегии за рубежом воспрепятствовал языковой барьер. Поскольку документ опубликован на русском языке, то это вызывает затруднение в понимании официальной позиции России. Лишь недавно перевод концепции на несколько языков был размещен на сайте МИДа России. Кроме того, еще не представлена подробная оценка Концепции внешней политики российскими политологами, хотя уже имеются наброски, так или иначе связанные с пониманием большой стратегии России в профессиональном сообществе политологов [Белозёров, 2021].

Переходя к обзору большой стратегии США, отраженной в работах западных политологов, отметим, что в целом у них закономерно господствует прозападная позиция по данному вопросу, поскольку западные исследователи являются продуктом англосаксонской стратегической культуры.

С. Тата отмечает, что в большой стратегии США имеется 8 жизненно важных национальных интересов: 1) территориальная целостность и неприкосновенность; 2) сохранение национальной идентичности людей, а также защита их физической и экономической безопасности; 3) свобода судоходства и связи; 4) иностранное невмешательство во внутрисполитические дела Америки; 5) независимость; 6) суверенитет; 7) признание исключительной американской сферы влияния; 8) контроль над доступом других государств, которые являются противниками Америки, к дефицитным природным ресурсам, в первую очередь к нефти и природному газу. Все это необходимо соблюдать в целях обеспечения американской национальной безопасности [Tata, 2022].

Другой западный политолог Р. Ханания отмечает, что большая стратегия США включает в себя необычайно широкий спектр интересов. Он охватывает весь земной шар. Автор приходит к выводу,

что большая стратегия США основана на комбинации сохранения военного превосходства над другими странами и обеспечения международного порядка, основанного на правилах «либеральной гегемонии» [Hanania, 2022, p. 20].

Официальная позиция США по вопросу внешнеполитической стратегии Америки и большой стратегии в целом, судя по тексту документа, заключается в том, что Соединенным Штатам нужен «свободный, открытый, процветающий и безопасный международный порядок» [National, 2022]. Для этого декларируется три направления развития американской внешней политики: «1) инвестировать в основные источники и инструменты американской мощи и влияния; 2) создавать как можно более сильную коалицию наций для усиления нашего коллективного влияния на формирование глобальной стратегической обстановки и решение общих задач; и 3) модернизировать и укреплять наши вооруженные силы, чтобы они были оснащены для эпохи стратегического соперничества с крупными державами, сохраняя при этом способность пресекать террористическую угрозу родине» [National, 2022].

В целом можно отметить, что комментарии западных исследователей по вопросу американской большой стратегии достаточно мягки и последовательны в силу принадлежности общему информационному пространству и знакомству с особенностями американской внешней политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Западная политическая наука пестрит разнообразными мнениями и трактовками больших стратегий многих держав. В первую очередь, исследователей интересуют такие глобальные игроки как Китай, Россия и США. Тем не менее западная трактовка больших стратегий вышеперечисленных стран не полностью отражает актуальную внешнеполитическую доктрину каждого из этих государств. Означенный информационный вакуум вызван недостаточной опорой западных ученых на современные доктринальные документы, стратегии, белые книги и концепции внешней политики. Выводы авторов являются скороспелыми. Они делаются на основе внешнеполитической практики, которая может трактоваться с разных точек зрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В.К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение : материалы научно-практической конференции / под общей редакцией А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. М., 2019. С. 165–171.

2. Лиддел Гарт Б. Г. Стратегия непрямых действий. М.: Астрель; Владимир: ВКТ, 2012.
3. Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мира. М.: АСТ, 2021.
4. Tata S. Reflections on Grand Strategy. The Great Powers in the Twenty-first Century. Palgrave Macmillan, 2022.
5. Denoon D. China's Grand Strategy. A Roadmap to Global Power? NEW YORK UNIVERSITY PRESS, 2021.
6. Hanania R. Public Choice Theory and the Illusion of Grand Strategy. How Generals, Weapons Manufacturers, and Foreign Governments Shape American Foreign Policy. Routledge, 2022.
7. Doshi R. The Long Game. China's Grand Strategy to Displace American Order. Oxford University Press. 2021.
8. Blackwill E. D. Implementing Grand Strategy Toward China. Twenty-Two U.S. Policy Prescriptions. Council on Foreign Relations, 2020.
9. 《新时代的中国国防》白皮书 = Белая книга «Национальная оборона Китая в новое время» // Правительство Китая. 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660529/1660529.htm>
10. Oualaou D. The Dynamics of Russia's Geopolitics. Remaking the Global Order. Springer, 2021.
11. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России, 2023. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/blOUYL5dJT1S9o3aetlVI609kIDeMXd.pdf>
12. Белозёров В. К. Пространство и граница России в ценностном измерении // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 190–195.
13. National Security Strategy // White House. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

REFERENCES

1. Belozarov, V. K. (2019). Protivostoyanie global'nyh proektov kak osnovnoe sodержanie sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij = The confrontation of global projects as the main content of modern international relations. Sovremennaya Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie (pp. 165–171): materials of the Scientific and Practical Conference. Moscow. (In Russ.)
2. Liddel Hart, B. H. (2012). Strategiya nepriamyh dejstvij = Strategy of The Indirect Approach. Moscow: Astrel'; Vladimir: VKT. (In Russ.)
3. Luttwak, E. (2021). Strategiya: logika vojny i mira = Strategy: the logic of war and peace. Moscow: AST. (In Russ.)
4. Tata, S. (2022). Reflections on Grand Strategy. The Great Powers in the Twenty-first Century. Palgrave Macmillan.
5. Denoon, D. (2021). China's Grand Strategy. A Roadmap to Global Power? New York University Press.
6. Hanania, R. (2022). Public Choice Theory and the Illusion of Grand Strategy. How Generals, Weapons Manufacturers, and Foreign Governments Shape American Foreign Policy. Routledge.
7. Doshi, R. (2021). The Long Game. China's Grand Strategy to Displace American Order. Oxford University Press.
8. Blackwill, E. D. (2020). Implementing Grand Strategy Toward China. Twenty-Two U.S. Policy Prescriptions. Council on Foreign Relations.
9. 《新时代的中国国防》白皮书 = White Paper "China's National Defense in Modern Times" (2019). Government of China. <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660529/1660529.htm>.
10. Oualaou, D. (2021). The Dynamics of Russia's Geopolitics. Remaking the Global Order. Springer.
11. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 g. № 229. Ob utverzhdenii Konceptcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii = Decree of the President of the Russian Federation No. 229 dated 31.03.2023. On the approval of the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2023). Prezident Rossii. <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/blOUYL5dJT1S9o3aetlVI609kIDeMXd.pdf>. (In Russ.)
12. Belozarov, V. K. (2021). Russia's space and border in the value dimension. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2(21), 190–195. (In Russ.)
13. National Security Strategy (2022). White House. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожухова Кира Евгеньевна

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kozhukhova Kira Evgenievna

PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Science of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	31.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	28.05.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 329.14(430)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_37



Влияние парламентских партий ФРГ на формирование российско-германских отношений в современных условиях

П. М. Рукавицын

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
rpm66@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается характер влияния парламентских партий ФРГ на современные российско-германские отношения. Для достижения данной цели используются системный подход, а также методы институционального и контент-анализа. Автор отмечает, что в рамках правящей коалиции сформировались два лагеря: ярко выраженным антироссийским силам в лице Партии зеленых и СвДП противостоит СДПГ, практикующая более взвешенные подходы к формированию отношений между Россией и Германией.

Ключевые слова: Альтернатива для Германии, Левая партия, Партия зеленых, СвДП, СДПГ, ХДС, ХСС.

Для цитирования: Рукавицын П.М. Влияние парламентских партий ФРГ на формирование российско-германских отношений в современных условиях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 37–44. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_37

Original article

Influence of Parties in German Parliament on Current Russia–Germany Relations

Pyotr M. Rukavitsyn

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, rpm66@mail.ru

Abstract. The article describes how German parliamentary parties influence current relations between Russia and Germany. In this work the author employs the systems approach, institutional and content analyses. Within the ruling coalition there are presently two opposing factions: a clearly anti-Russian faction of the Greens and Free Democratic Party, and the Social Democratic Party that takes a more balanced approach to dealing with Russia.

Keywords: Alternative for Germany, the Left Party, the Greens, the Free Democratic Party, the Social Democratic Party, the Christian Democratic Union, the Christian Social Union

For citation: Rukavitsyn, P. M. (2023). Influence of Parties in German Parliament on Current Russia-Germany Relations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 37–44. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_37

ВВЕДЕНИЕ

Формирование отношений с Германией на протяжении веков было одним из важных направлений внешней политики России. В последнее время российско-германские отношения претерпевают серьезные изменения в рамках общей смены парадигмы отношений между Россией и Западом. В Германии в силу особенностей ее политической системы заметное влияние на определение основных векторов внешней политики оказывают парламентские партии. Содержание данного влияния на отношения между Россией и ФРГ раскрывается в данной статье.

27 февраля 2022 года, выступая в бундестаге, канцлер О. Шольц сделал программное заявление о смене эпох. Февральские события на Украине стали триггером для консолидации коллективного Запада в противостоянии России, и эпоха для Германии действительно поменялась [Соколов, 2023]. ФРГ присоединилась к антироссийским санкциям союзников по НАТО и заметно сократила объем сотрудничества с РФ во всех областях.

Если в годы холодной войны Запад в отношениях с Советским Союзом в целом придерживался принципа невмешательства во внутренние дела, то после ее окончания им стал все чаще использоваться режим санкционного давления. Инициатором подобного рода действий были США, которые активно вовлекали своих союзников в санкционные программы.

Для ФРГ участие в навязываемых США санкциях носило достаточно болезненный характер в силу особого характера российско-германских отношений, имеющих глубокие исторические корни. Руководство ФРГ, не делая громких заявлений, как правило, не спешило отказываться от взаимовыгодного экономического сотрудничества и пыталось учитывать интересы России и в других областях, в том числе в столь чувствительной, как расширение НАТО на восток. Так, даже после изменения статуса Крыма в 2014 году строительство газопровода «Северный поток – 2» продолжалось. Руководство ФРГ, несмотря на многочисленные упреки от союзников, неизменно указывало на чисто коммерческий характер данного проекта.

ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ НА ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Современная Германия является парламентско-президентской республикой. Но роль президента в политической жизни, несмотря на то что де-юре он является главой государства, невелика. Основным

же событием в политической жизни являются выборы в бундестаг, результаты которых фиксируют соотношение сил в стране на следующие четыре года. По итогам выборов 2021 года в ФРГ сформировалась правящая коалиция в составе СДПГ, Партии зеленых и СвДП. Внешнеполитические установки данных партий сыграли решающую роль в трансформации российско-германских отношений на протяжении последних полутора лет.

Следует отметить, что партии действовали в условиях определяющего влияния средств массовой информации на формирование общественного мнения и не могли его не учитывать. Практически все влиятельные немецкие СМИ на фоне событий на Украине заняли жесткую антироссийскую позицию. Для населения ФРГ это стало значимым фактором изменения отношения к России. Так, если до февраля 2022 года РФ называли главной угрозой безопасности 32 % участников опросов, то затем их число увеличилось до 82 % (*Der Spiegel*. 07.02.2023).

Главным в ходе формирования правительственного подхода к трансформации отношений с Россией стало противостояние двух заметно различающихся точек зрения. Если получившая относительное большинство голосов на последних выборах СДПГ, осуждая в целом действия России и поддерживая усилия стран НАТО по ее сдерживанию, ни при каких обстоятельствах не хочет обострения конфронтации, то Партия зеленых во главе со своими харизматичными сопредседателями А. Бербок и Р. Хабеком стала ведущей антироссийской силой действующего немецкого правительства. При этом внешняя политика ФРГ при министре Бербок опирается преимущественно не на национальные интересы Германии, а на западные ценности. Это понятие стало модным в ФРГ в ходе последнего предвыборного цикла. Если о ценностях можно было прочитать в предвыборных программах практически всех участников, то о национальных интересах там упоминается редко [Braml, 2022].

Столкновение ценностей и интересов в немецкой внешней политике наиболее ярко проявилось после очередного избрания Р. Т. Эрдогана президентом Турции. Если представители Партии зеленых настаивали на смене эпох и в германо-турецких отношениях, то О. Шольц одним из первых поздравил Эрдогана с победой на выборах – опередить его удалось только запрещенному в России движению Талибан (*Focus*. 30.05.2023). Турция, несмотря на множество претензий к ее президенту, слишком важный партнер для Германии, чтобы демонстрировать в данном случае приверженность европейским ценностям.

С опорой на национальные интересы выстроенная политика О. Шольца и поддерживающей своего канцлера Социал-демократической партии Германии и в отношениях с Россией. Внешнеполитическая концепция, сформулированная Шольцем после начала конфликта на Украине, опирается на три положения. Во-первых, Германия активно поддерживает Украину. Во-вторых, она выступает единым фронтом с западными союзниками. В-третьих, Германия всячески стремится не быть втянутой в этот конфликт ни самостоятельно, ни вместе с другими членами НАТО (*Die Zeit*. 02.03.2023).

Такой подход стал в целом консенсусным для германского общества, за исключением Левой партии и Альтернативы для Германии (АдГ). Даже у особенно активно проповедующей западные ценности Партии зеленых к позиции канцлера не возникает вопросов. Поэтому недоумение практически у всех политических сил вызвала неловкая оговорка А. Бербок, сделанная ей в Страсбурге в январе 2023 года. Обращаясь к западным союзникам, она заявила: «Мы ведем войну против России, а не друг против друга» (*Der Spiegel*. 27.01.2023). Находившийся в этот момент с визитом в Аргентине О. Шольц немедленно поправил своего министра. А официальный представитель министерства иностранных дел ФРГ был вынужден объяснять, что Бербок была неправильно понята (*Focus*. 09.02.2023).

Несмотря на свою ярко выраженную антироссийскую позицию, А. Бербок вынуждена соблюдать коалиционную дисциплину и старается избегать повторения оговорок. Так, на состоявшейся в Лондоне в июне 2023 года международной конференции, посвященной планам восстановления Украины, Бербок крайне сдержанно прокомментировала перспективы ее приема в ЕС, а вопрос о вступлении Украины в НАТО вообще оставила без комментариев (*Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 21.06.2023).

Важным дополнением к указанной выше концепции Шольца является постоянно повторяемый им тезис о том, что в продолжающемся конфликте Россия не может выиграть, а Украина не может проиграть (*Focus*. 20.02.2023). При этом недавно назначенному на должность министра обороны ФРГ однопартийцу канцлера Б. Писториусу дозволено отклоняться от определенной канцлером генеральной линии. Его замечание о том, что Украина должна выиграть, осталось без комментариев О. Шольца (*Focus*. 20.02.2023).

В целом же канцлер ФРГ не был готов к геополитическому кризису такого масштаба в Европе. Он подвергался серьезному давлению со стороны партнеров по НАТО, оппозиционных партий и

партнеров по коалиции, а также населения. В силу ряда веских причин главным для него было не допустить опасной эскалации боевых действий. Во-первых, правительство ФРГ понимает, что втягиваться в войну с ядерной державой – самоубийственный сценарий. Во-вторых, не менее опасным было бы спровоцировать Россию на применение ядерного оружия. В-третьих, долгие годы после окончания холодной войны Германия откровенно экономила на содержании своих вооруженных сил. Некогда «бронированный кулак НАТО», как ранее называли бундесвер, утратил значительную часть своих боевых возможностей. Количество и состояние военной техники даже при большом желании не позволяло оказывать Украине значимую поддержку. Наконец, существовала четвертая, историческая, причина неспешности правительства ФРГ в оказании помощи Украине. Ведь немецким танкам предстояло оказаться на полях, где они были во Второй мировой войне. А ФРГ уже в 1999 году получила достаточное количество упреков, когда ее BBC, как и в 1941 году, пусть и в рамках операции НАТО, принимали участие в бомбардировках Югославии.

Помимо этого, в первые месяцы конфликта на Украине Федеральная разведывательная служба ФРГ (БНД) в своих докладах в правительство крайне невысоко оценивала боеспособность украинских войск (*Der Spiegel*. 3.06.2022). Наконец, политическая практика федерального правительства предполагала отказ от поставок вооружений в регионы, где идут боевые действия.

О. Шольцу пришлось принимать решения с учетом всех вышеизложенных обстоятельств. Он делал заявления о поддержке Украины, но практическая помощь носила минимальный характер, особенно в первой половине 2022 года (*Der Spiegel*. 03.06.2022). Украинская сторона не скрывала раздражения, критиковали канцлера и оппозиционеры, и члены правящей коалиции. Но Шольц, опираясь на поддержку своей партии, явно выжидал и не принимал опростетивших решений. Он не шел на дополнительное обострение отношений с Россией, в то же время четко выдерживая общую линию Запада на противостояние с ней. Германия принимала участие во всех пакетах антироссийских санкций, объявляемых Евросоюзом. Эти санкции были направлены в том числе на подрыв экономических связей РФ со странами ЕС, в первую очередь, в энергетической сфере. Таким образом, целенаправленно уничтожалась наиболее взаимовыгодная сфера российско-германского сотрудничества, основы которой закладывались еще в 70-е гг. прошлого столетия в рамках сделки «газ – трубы».

Стратегия О. Шольца в формировании российско-германских отношений пользуется поддержкой и фракции СДПГ в бундестаге, и руководства партии. Так, председатель партии Л. Клингбайль в ответ на критику в адрес Шольца политическими оппонентами о длительности процедуры принятия решения об отправке танков «Леопард» на Украину отметил, что подобная критика вызывает у него сильное раздражение, т. к. Шольц взвешенно принимает исторические решения и именно он как канцлер несет за них ответственность, а не многочисленные участники ток-шоу с их советами (*Der Spiegel*. 24.01.2023).

Не менее взвешенной выглядит позиция немецкого канцлера в области выстаивания военно-политических отношений с Россией на перспективу. Их важным аспектом является формат будущих отношений Украины с НАТО и ЕС. В отличие от некоторых стран Восточной Европы Германия выступает против ее немедленного приема в эти организации. Такая позиция была сформулирована О. Шольцем в 2022 году и с тех пор не претерпела существенных изменений (*Der Spiegel*. 29.08.2022). Поддержкой среди социал-демократов пользуется требование к Украине об обязательном проведении предваряющих вступление реформ в экономической, политической и военной сферах. И на такие реформы потребуется не один год (*Der Spiegel*. 11.07.2023).

Значительное влияние на формирование российско-германских отношений оказывает Партия зеленых, сопредседатель которой занимает должность министра иностранных дел. Зеленые всего в третий раз в своей истории входят в состав коалиционного правительства. Но если на рубеже веков, работая в двух правительствах, возглавлявшихся Г. Шрёдером, они в силу значительного отставания от СДПГ по количеству полученных на выборах голосов играли роль послушного младшего партнера социал-демократов, то нынешнее правительство было сформировано в других условиях. На выборах 2021 года Партия зеленых отстала от СДПГ менее чем на 10%, а к лету 2023 года они почти сравнялись по уровню популярности: разрыв между партиями сократился всего до 3% (*Focus*. 18.07.2023). Сопредседатели Партии зеленых А. Бербок и Р. Хабек относятся к числу популярных политиков общенационального масштаба. Это позволило «зеленым» из послушного партнера превратиться в опасного конкурента для социал-демократов, временно вынужденного работать вместе с ними в рамках коалиционного правительства, но в перспективе претендующего на лидерство.

Из правящей коалиции Партия зеленых настроена наиболее антироссийски по причинам, в первую очередь, идеологического характера. Современная Россия, по мнению «зеленых», не соответствует западным ценностям, поэтому сотрудничество с ней, а тем более зависимость от нее, необходимо сокращать. Летом 2023 года на основании только что подготовленной Стратегии национальной безопасности (первого в истории Германии доктринального документа такого характера) МИД ФРГ подготовило Стратегию развития отношений с Китаем. В качестве одной из важнейших задач, на основании опыта отношений с Россией, разрыв которых в энергетической сфере дорого обошелся германской экономике, в данной стратегии прописана необходимость сокращения зависимости немецкой промышленности от китайского рынка сбыта (*Focus*. 13.07.2023). Декларативность подобных лозунгов «зеленых» хорошо видна на фоне большого товарооборота между ФРГ и Китаем, который составляет почти 300 млрд евро (*Focus*. 13.07.2023).

На сегодняшний день министерство иностранных дел ФРГ во главе с А. Бербок превратилось в своего рода центр по координации противостояния России. Американская «Вашингтон пост» считает Бербок «лицом немецкой инициативы», которая после провозглашения Шольцем «смены эпох» взяла на себя руководство всеми вопросами, связанными с Украиной, и на фоне медлительности канцлера проявила себя энергичным политиком с сильными принципами (*Focus*. 14.03.2023).

В рамках реализации антироссийской стратегии МИД ФРГ сосредоточилось на нескольких основных направлениях. Во-первых, А. Бербок оказывает постоянное давление на главу немецкого правительства, пытаясь заместить политику, основанную на национальных интересах ФРГ, политикой ценностей. Это давление не приносит ей успеха. Все ссылки на содержание коалиционного договора, в котором значительное место уделено приверженности правящих партий западным ценностям, не производят на Шольца должного впечатления (*Focus*. 09.02.2023). Он предпочитает решать практические вопросы внешней политики, опираясь на собственные представления об интересах Германии. Более того, излишняя настойчивость А. Бербок вызывает раздражение во фракции СДПГ в бундестаге, где открыто говорят, что, если бы глава МИД занимала должность канцлера, Германия оказалась бы на грани Третьей мировой войны (*Die Zeit*. 25.12.2022).

Во-вторых, МИД ФРГ пытается расширить антироссийскую коалицию на международной арене. Для этого используются все имеющиеся средства.

И площадка Генеральной ассамблеи ООН, и формат Группы двадцати, и многочисленные зарубежные визиты руководителя германского МИД. Больших успехов на этом направлении не отмечено. Разочарованием для А. Бербок стала реакция на ее анти-российские призывы не только Китая и Бразилии, но и не чуждой западным ценностям Швейцарии, которая отказалась от поставок оружия Украине, сославшись на свой нейтралитет (*Focus*. 18.04.2023).

Третьим важным направлением антироссийской стратегии стало оказание максимально возможной помощи Украине. В рамках данного направления руководство Партии зеленых показало, что оно может иногда отказываться от своих идеологических догм. К числу таких догм относится пацифизм. Преодоление этого базового для «зеленых» убеждения всегда давалось им особенно сложно. Достаточно вспомнить, насколько сложно в 1999 году занимавшему пост министра иностранных дел Й. Фишеру было переубедить своих однопартийцев в том, что немецкие ВВС должны вместе со своими союзниками по НАТО принимать участие в бомбардировках Югославии. В то время все мировые СМИ обошла фотография со съезда Партии зеленых в г. Билефельде, на котором один из несогласных делегатов удачно попал пакетиком с краской в голову Й. Фишера.

В этот раз преодоление пацифизма «зелеными» не сопровождалось столь драматичными событиями. Через два месяца после начала боевых действий на Украине на встрече министров иностранных дел ЕС в Брюсселе А. Бербок заявила: «Украина нуждается в поставках вооружений, в первую очередь тяжелых. И сейчас не время для отговорок, а время для креативности и прагматизма» (*Der Spiegel*. 21.07.2022). Ее усилия по поставкам оружия на Украину нашли поддержку и у второго сопредседателя партии. Вице-канцлер и министр экономики Р. Хабек замкнул лично на себя переговоры с представителями немецкого ВПК по закупкам вооружений для Украины (*Der Spiegel*. 03.06.2022).

Таким образом, антироссийские убеждения Партии зеленых носят системный характер. Даже после завершения боевых действий на Украине эта партия будет продолжать выступать с максимально враждебных по отношению к России позиций, препятствовать восстановлению двустороннего сотрудничества. Ущерб от действий «зеленых» будет минимизироваться их недостаточно высокой популярностью. Перспектива возглавить правящую коалицию на федеральном уровне для этой партии в ближайшие годы не просматривается.

Наименее влиятельным партнером по коалиции являются свободные демократы. Основные

интересы СвДП сосредоточены в области экономики и финансов. Вопросы внешней политики для партии в значительной степени второстепенны. Во взглядах на российско-германские отношения свободные демократы в целом выступают на стороне Партии зеленых. Они считают, что Запад должен поддерживать Украину финансово и поставками вооружений (*Die Zeit*. 15.04.2023). При этом должен быть активно задействован немецкий ВПК. У многих либералов неплохие личные связи с производителями вооружений, и к развитию этой отрасли они относятся с должным вниманием (*Die Zeit*. 05.01.2023).

Такой расклад сил сложился на сегодня день в правящей коалиции ФРГ по вопросу развития российско-германских отношений. Партия зеленых и СвДП, выступающие с безоговорочно анти-российских позиций, в определенной степени уравниваются придерживающимися более взвешенной оценки социал-демократами. Не выходя за пределы общего подхода Запада по отношению к России, им, тем не менее, удастся поддерживать курс на недопущение дальнейшей эскалации обстановки в Европе.

РОЛЬ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ ФРГ В ФОРМИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И РОССИЕЙ

К числу оппозиционных партий в бундестаге по итогам выборов 2021 года относятся блок ХДС / ХСС, Левая партия и АдГ.

Консервативный блок, для которого нынешний оппозиционный статус является скорее исключением, после объединения Германии в 1990 году был в целом настроен на взаимовыгодное сотрудничество с Россией. На консерваторов оказывало влияние мощное промышленное лобби, которое рассматривало РФ и как надежный источник энергоносителей, и как важный рынок сбыта своей продукции.

Но в феврале 2022 года ситуация в корне изменилась. Оппозиционный статус освобождал консерваторов от необходимости решать сложные задачи, связанные с последствиями анти-российских санкций для немецкой экономики и социальной сферы, и давал им возможность зарабатывать политические очки на критике не только политики России, но и действий федерального правительства.

Руководство консервативного блока требовало ускорить поставки тяжелой военной техники на Украину и принять необходимые меры по обеспечению ее безопасности, вплоть до приема в НАТО, оправдывало поставки Соединенными Штатами

любых типов оружия, включая кассетные боеприпасы (*Focus*. 22.07.2023). Председатель ХДС Ф. Мерц постоянно критиковал канцлера за медлительность в принятии решений и недостаточный объем помощи Украине (*Der Spiegel*. 24.01.2023).

Одним словом, на федеральном уровне консерваторы использовали ситуацию, чтобы набирать политические очки с прицелом на следующие выборы. Несколько иначе обстояли дела на земельном уровне, особенно в Восточной Германии, где уровень жизни населения ниже среднегерманского, а последствия разрыва экономических связей с Россией сказались особенно болезненно. В результате активизировалось протестное движение, нередко инспирируемое правыми политическими силами, включая Альтернативу для Германии (*Der Spiegel*. 23.07.2022).

Чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля, представляющим ХДС руководителям земельного уровня пришлось проявлять политическую самостоятельность. В частности, премьер-министр Саксонии М. Кречмер выступил за прекращение боевых действий на Украине и продолжение поставок российских энергоносителей в Германию (*Der Spiegel*. 23.07.2022). Его коллега-однопартиец Р. Хазелоф, возглавляющий правительство земли Саксония-Анхальт, публично высказывал сомнения в эффективности антироссийских санкций (*Der Spiegel*. 23.07.2022).

За скорейшее начало мирных переговоров выступают и две другие оппозиционные партии в бундестаге. Пророссийские и антизападные настроения членов Левой партии имеют глубокие исторические корни. Она была создана в 2007 году преимущественно на базе Партии демократического социализма, которая была наследницей Социалистической единой партии Германии, правящей партии ГДР. Хотя партия работает на всей территории ФРГ, ее базовый электорат традиционно сосредоточен в основном в восточных землях.

В предвыборной программе Левой партии в 2021 года отмечалось, что партия отвергает образ врага в лице России и Китая, который создан в программных документах НАТО и ЕС. А расширение НАТО на восток признавалось ошибкой (*Der Spiegel*. 15.05.2021). Руководство партии открыто заявляло, что без России мира в Европе не будет (*Der Spiegel*. 30.04.2021).

В феврале 2022 года ситуация изменилась. Руководство партии не поддержало действия России. В то же время члены ряда низовых парторганизаций в боевых действиях на Украине обвиняют блок НАТО (*Der Spiegel*. 04.11.2022). На территории восточногерманских земель сохраняются достаточно сильные антиамериканские настроения. По

данным социологического опроса, проведенного в начале 2023 года, на востоке страны всего 26 % населения считают США надежным партнером ФРГ, тогда как на западе их доля достигает 50 % (*Der Spiegel*. 7.02.2023).

В заявлениях руководства партии отмечается, что сегодня главная задача – не допустить развязывания Третьей мировой войны. Левая партия стала единственной в парламенте, кто представил собственный план урегулирования ситуации на Украине с привлечением Евросоюза, Китая и Индии (*Der Spiegel*. 22.12.2022). «Левые» выступают против поставок вооружений в зону боевых действия, считая, что это только затягивает конфликт (*Der Spiegel*. 24.01.2023). При этом, по их мнению, в ФРГ сформировался антидемократический альянс политиков и СМИ, навязывающий германскому обществу мнение о безальтернативности поставок оружия на Украину (*Die Zeit*. 2.03.2023).

Гораздо более ярко выраженную антивоенную позицию в рядах партии занимает одна из ее бывших лидеров С. Вагенкнехт. Но проблема заключается в серьезном конфликте между ней и руководством партии. Вагенкнехт упрекает своих оппонентов в стратегических ошибках с определением курса партии: вместо традиционной для них повестки защиты малоимущих «левые» стали больше обращать внимание на защиту окружающей среды и прав меньшинств, т. е. играть на поле Партии зеленых (*Der Spiegel*. 16.06.2023). Серьезность конфликта был вынужден признать Г. Гизи – один из патриархов Левой партии. Он считает, что его партия переживает экзистенциальный кризис по причине того, что она уделяет недостаточно внимания ситуации в восточных землях (*Der Spiegel*. 18.07.2023).

Сара Вагенкнехт является сегодня самым ярким политическим деятелем в Германии, выступающим за немедленное прекращение боевых действий на Украине. В феврале 2023 года она вместе с А. Шварцер опубликовала «Манифест за мир», в котором призвала федерального канцлера возглавить международную коалицию, целью которой было бы начало мирных переговоров. Под манифестом поставили свои подписи сотни тысяч граждан ФРГ (*Die Zeit*. 25.02.2023).

Вагенкнехт требует от Запада заставить Украину сесть за стол переговоров, в противном случае она, чтобы добиться своих целей, может втянуть НАТО в эту войну (*Der Spiegel*. 24.01.2023). На сегодняшний день Вагенкнехт остается в Германии практически единственным политиком первого ряда, которая считает, что ФРГ лучше покупать газ у России, чем у США (*Der Spiegel*. 16.06.2023).

Если планы Вагенкнехт покинуть Левую партию и создать свою будут реализованы, в Германии возникнет новая политическая сила, в целом позитивно настроенная по отношению к России. Такой потенциал у Вагенкнехт есть. Она сегодня самый популярный политический деятель Левой партии (Focus. 6.03.2023). Помимо этого, она может рассчитывать на голоса значительной части протестного электората, который сейчас голосует в основном за Альтернативу для Германии.

Руководство АдГ предложило Вагенкнехт вступить в их партию (Focus. 01.07.2023). Общим для двух партий является критика Евросоюза и НАТО, а также наиболее пророссийская позиция из всех партий, представленных в бундестаге. Но у АдГ особый статус в партийной системе ФРГ. Это партия – изгой, с которой все остальные политические силы отказываются идти на сотрудничество на всех уровнях, кроме коммунального. В 2021 году Федеральное ведомство по охране конституции заявило о наличии у него подозрений в правоэкстремистском характере деятельности этой партии (Der Spiegel. 31.07.2023). АдГ находится под усиленным наблюдением данного ведомства. АдГ является единственной из представленных в парламенте ФРГ партий, члены которой после февраля 2022 года выступали в российских политических ток-шоу, а представители руководства встречались с российским послом по случаю одной из дат в истории Великой Отечественной войны (Der Spiegel. 3.02.2023).

Таким образом, наряду с антизападными взглядами, для политического профиля Альтернативы для Германии характерны явно выраженные пророссийские убеждения. Россия выступает для АдГ, как и для ряда других правых партий Европы, оплотом консервативных ценностей.

Практически по всем обсуждаемым в парламенте вопросам, затрагивающим проблематику конфликта на Украине, АдГ занимает пророссийскую позицию. Она рассматривает данный конфликт как столкновение России с коллективным Западом и поэтому убеждена, что в переговорах с Россией о прекращении боевых действий должны принимать участие США (Der Spiegel. 17.07.2022). Партия требует отменить антироссийские санкции и остановить поставки оружия на Украину (Der Spiegel. 24.01.2023). В рамках развития своего тезиса о необходимости сокращения числа мигрантов она выступает против приема украинских беженцев

(Focus. 9.10.2022). Давая общую политическую оценку боевым действиям на Украине и отношению к ним Германии, руководство АдГ многократно заявляло, что ФРГ не должна вмешиваться, поскольку «это не наша война» (Die Zeit. 2.03.2023).

Подводя итоги анализа взглядов представленных в бундестаге оппозиционных партий на российско-германские отношения, следует отметить, что они серьезно расходятся. Позиция блока ХДС/ХСС в целом соответствует взглядам Партии зеленых и СвДП на эту проблему. А Левая партия и Альтернатива для Германии больше всех остальных партий в бундестаге нацелены на скорейшее завершение боевых действий на Украине и возобновление сотрудничества с РФ. Эти же партии в наибольшей степени учитывают интересы России в области национальной безопасности. Но в целом оппозиционные партии оказывают лишь опосредованное влияние на формирование отношений между РФ и ФРГ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящий момент российско-германские отношения переживают период серьезного обострения. Ведущие парламентские партии ФРГ выступают с критикой позиции России по поводу конфликта на Украине. Конфликт стал ключевым событием, повлиявшим на характер российско-германских отношений.

С германской стороны определяющее влияние на отношения между двумя государствами оказывают партии, входящие в правящую коалицию. Они разделились на два лагеря: ярко выраженным антироссийским силам в лице Партии зеленых и СвДП противостоит СДПГ, которая придерживается более умеренных взглядов. Оппозиционные партии в бундестаге также разделились на две группы. Выступающему с антироссийских позиций блоку ХДС/ХСС оппонируют Левая партия и Альтернатива для Германии. При этом можно констатировать, что сложившийся в Германии политический ландшафт слабо способствует выработке стратегически выверенного политического курса [Белозёров, 2020].

Пока не завершится горячая фаза геополитического противостояния, для нормализации отношений между РФ и ФРГ нет достаточных оснований. Скорее всего, по завершении конфликта отношения будут последовательно восстанавливаться, но на более низком, чем до его начала, уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров В. К. Дефицит стратегического мышления и императивы его преодоления. Размышления после Венской конференции по стратегии // Власть. 2020. № 1. С. 19–26.

2. Соколов А. П. Quo vadis, Germania? // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 4. С. 135–149.
3. Braml J. Die Transatlantische Illusion. München: Verlag C. H. Beck oHG, 2022.

REFERENCES

1. Belozarov, V. K. (2020) Lack of strategic thinking and the imperatives of overcoming it. Reflections after the Vienna conference on strategy. Vlast, 1, 19–26.
2. Sokolov, A. P (2023). Quo vadis, Germania? Russia in Global Affairs, 4(21), 135–149.
3. Braml, J. (2022). Die Transatlantische Illusion. München: Verlag C. H. Beck oHG.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рукавицын Петр Михайлович

доктор политических наук, доцент

профессор кафедры международных отношений и внешней политики России

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rukavitsyn Pyotr Mikhailovich

Doctor of Political Science (Dr. habil), Associate Professor

Professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia

of the Institute of International Relations and Social and Political Sciences

of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.05.2023
05.06.2023
07.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_45



Гуманитарная безопасность в теории и практике международных отношений

А. С. Смирнова

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
smirnova.nastya.2021@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития концепции гуманитарной безопасности. Автор расскрывает несколько подходов к развитию означенной концепции. В работе приводятся и новейшие исследования в этой области, которые сравниваются с устоявшимися подходами, также дается оценка на возможность их применения. На основе проработанного материала автор предлагает свое определение понятия гуманитарной безопасности, намечая пути возможного дальнейшего развития этой доктрины.

Ключевые слова: гуманитарная безопасность, доктрина ООН, широкий подход, узкий подход, секьюритизация, большая гуманитарная безопасность

Для цитирования: Смирнова А. С. Гуманитарная безопасность в теории и практике международных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 45–51. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_45

Original article

Human Security in Theory and Practice of International Relations

Anastasia S. Smirnova

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
smirnova.nastya.2021@bk.ru*

Abstract. This article examines the process of development of human security concept. The author considers several approaches to the development of the concept. The author introduces and considers latest research in this field, which are compared with established approaches, and an assessment of their applicability is also given. Based on the studied material, the author deduces her definition of the concept of human security, outlining ways for the possible further development of this doctrine.

Keywords: human security, UN doctrine, broad approach, narrow approach, securitization, big human security

For citation: Smirnova, A. S. Human security in theory and practice of international relations. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 45–51. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_45

ВВЕДЕНИЕ

Уровень технологического развития современной цивилизации, на первый взгляд, создает достаточно возможностей для обеспечения достойной жизни для каждого человека. Однако все изобилие благ не делает человека более счастливым и защищенным. После двух мировых войн, в которых погибли десятки миллионов людей, появилось мнение, что уязвимость человека по отношению к самым разнообразным угрозам имеет тенденцию к возрастанию, несмотря на всеобъемлющий прогресс во всех сферах материального производства [Белозеров, 2019]. Катастрофы XX века подтолкнули политологов к переосмыслению места человека в мире и в системе безопасности в целом, что способствовало созданию концепции гуманитарной безопасности, в центре внимания которой находится человек. Причем он мыслился не абстрактно, а воспринимался в теории международных отношений.

Как явление гуманитарная безопасность начала появляться еще в античности, когда философы размышляли о положении рабов. В эпоху Возрождения сформировалось важное для нас течение, гуманизм – размышления о человеке и его бытии. Так была научно закреплена новая сфера рассмотрения человеческих нужд: не только физическая защита, но и моральная неудовлетворенность, – человек начинает играть главную роль в работах некоторых философов. Родоначальником гуманистического движения считают философа и поэта XIV века Ф. Петрарку, он считает, что человеку принадлежит свобода выбора и право выражать себя в соответствии с этим.

Одной из проблем философии гуманизма было переосмысление социально-политического устройства общества. Исключительно ценными для защищенности человека являются работы философов-утопистов Т. Мора и Т. Кампанелло, которые пытались изобразить идеальное государство. В своей работе «Город Солнца» Кампанелло рассуждает о равенстве людей и о правильных условиях жизни (в частности, о распорядке дня и о распределении трудовых обязанностей). Автор пишет, что люди должны посвящать время не только работе, но также отдыху и развлечениям. В труде Кампанелло говорится о равенстве в работе, о качественных продуктах – все эти идеи сейчас входят в концепцию гуманитарной безопасности. Далее идеи гуманизма распространились из Италии по всей Европе, и данное течение начало набирать все больше последователей.

Основы международного гуманитарного права возникли еще в конце XIX века, когда был

создан Международный комитет Красного Креста. Войны и вооруженные конфликты XX века заставили политологов обратить внимание на чувства и желания самих людей, а также выработать необходимые коллективные меры для достижения такого состояния, когда человек счастлив и ему ничего не угрожает. Данная мысль легла в основу нового направления в теории международных отношений – гуманитарной безопасности. В дальнейшем элементы доктрины гуманитарной безопасности были зафиксированы во Всеобщей декларации прав человека, Женевских конвенциях, миссиях Петербурга, учрежденных в 1992 году Западноевропейским союзом (ЗЕС), и в докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций «Повестка дня для мира».

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важной вехой на пути складывания концепции гуманитарной безопасности стал выход Доклада о человеческом развитии Программы развития ООН (ПРООН) за 1994 год. В данном источнике гуманитарная безопасность определяется как способ соединить концепции «свободы от страха» и «свободы от нужды», которые традиционно рассматривались теоретиками безопасности независимо друг от друга. Так, во второй главе упомянутого документа, озаглавленной «Новые аспекты гуманитарной безопасности», говорится, что «борьба за мир должна вестись на двух фронтах. Первый – это фронт физической безопасности, где победить – значит избавиться от страха. Второй – это экономический и социальный фронт, где победить – значит избавиться от нужды. Только победа на обоих фронтах может гарантировать миру прочный мир» [PNUD, 1994, с. 24].

В докладе также содержится определение гуманитарной безопасности, в том числе безопасности от хронических угроз, таких, как голод, болезни, репрессии и внезапные стрессы. Кроме того, в нем рассматриваются семь функциональных сфер безопасности, каждая из которых обладает собственной неповторимой значимостью.

1. Экономическая безопасность. Она диктует необходимость обеспечения достойного уровня жизни для каждого человека, а также его защищенность от таких структурных проблем, как безработица, в том числе частичная (особенно среди молодежи), растущая бедность и длительные экономические кризисы.
2. Продовольственная безопасность. В докладе сообщается, что проблема заключается

не в отсутствии продуктов питания, а в их неправильном распределении.

3. Санитарно-гигиеническая безопасность. В докладе отмечается существование в мире обширных районов, где нет питьевой воды. В промышленно развитых странах акцент делается на раковых заболеваниях. Постулируется, что наиболее подверженными угрозам для здоровья являются бедные люди, особенно дети.
4. Экологическая безопасность. Она означает обеспечение благоприятной для обитания человека природной среды, его защищенность от деградации местных и глобальных экосистем. Речь идет о загрязнении почвы и воздуха, обезлесении, стихийных бедствиях и т. д.
5. Личная безопасность. Данный вид безопасности направлен на обеспечения защищенности человека от физического насилия, от кого бы оно ни исходило – от своего государства, других государств или других групп лиц. Особо уязвимыми категориями населения в плане личной безопасности являются женщины и дети, которые подвергаются жестокому обращению, а также граждане склонные к аутоагрессии.
6. Общественная безопасность. Она подразумевает немалую роль семьи, благотворительных организаций, этнических и расовых групп в обеспечении безопасности. Примечательно, что «большие семьи», которые, как считается, оказывают поддержку своим членам, на самом деле могут им вредить. Данный правовой институт деформируется также из-за процессов глобализации.
7. Политическая безопасность. Она касается защиты основных прав человека как граждан государства и ликвидации барьеров на пути их реализации (политические репрессии со стороны государства, систематические пытки, исчезновения и т. д.)¹.

Вскоре после опубликования доклада ПРООН в 1994 году начались интенсивные дискуссии по вопросу о возможностях реализации изложенной в нем концепции гуманитарной безопасности. Различные критики считают, что она слишком обширная, чтобы быть практически применимой. Эту точку зрения разделяет Канада (Кит Краузе), которая в наибольшей степени продвигает доктрину гуманитарной безопасности. Под эгидой ООН на Оттавской конференции 1997 года (Конференция

по подписанию Конвенции и Форум по противоминной деятельности) был подписан договор о противопехотных наземных минах, который считается важным первым шагом в осуществлении повестки дня в области гуманитарной безопасности. С тех пор Канада сосредоточила свое внимание на гуманитарной безопасности в смысле «свободы от страха» и политики защиты гражданских лиц в вооруженных конфликтах, предотвращения конфликтов, участия в операциях по поддержанию мира и т. д. [Dedring, 2008]. Данного подхода к вопросам безопасности придерживается и Норвегия.

В 1998 году обе страны установили Партнерство действий посредством Декларации Лисёэн (Declaration Lysoen), целями которой являются, в частности, содействие обеспечению гуманитарной безопасности и защите прав человека, укрепление международного гуманитарного права, предотвращение конфликтов, а также развитие демократического управления. Эти гибкие рамки сотрудничества двух стран определяют возможные ответные меры на угрозы нарушения гуманитарной безопасности и охватывают такие темы, как защита гражданских лиц в вооруженном конфликте, договор о наземных минах, Международный уголовный суд, противостояние распространению стрелкового оружия, незаконному обороту наркотиков, организованной преступности.

Автор находит данный подход к проблеме безопасности крайне узким, поскольку позиция, согласно которой необходимо защищать человека только физически, больше не отражает потребности современного человека. В докладе ПРООН за 1994 год выявляется новый спектр угроз человеку, которые почти полностью игнорируются при вышеозначенном подходе. Конечно, при необходимом минимуме направлений защиты увеличивается возможность полностью ликвидировать опасности в выбранных сферах. Однако, частичная защита человека не может быть по-настоящему эффективной. Автор считает, что области, в которых предлагают защищать человека согласно вышеуказанному подходу, в наше время уже взяты под контроль, то есть, подход уже реализуется. Единственная проблема реагирования на острые угрозы жизни людей со стороны международных организаций заключаются в том, что это реагирование осуществляется выборочно. Такое отношение порождает очаги незащищенности в тех регионах, которые неинтересны главным спонсорам безопасности (т. е. развитым странам).

Помимо узкого взгляда на гуманитарную безопасность, присущего вышеупомянутым странам, существует еще одна интерпретация

¹ См. подробно PNUD. Informe sobre el Desarrollo Humano // Nuevas Dimensiones de la Seguridad Humana. New York: Oxford University Press, 1994.

рассматриваемой доктрины. В ней делается упор на необходимость исполнения требований к гуманитарной безопасности, уже отмеченных в докладе ПРООН за 1994 год, в том числе положений, содержащихся в выражении «свобода от нужды» (широкий подход). Широкое определение гуманитарной безопасности разделяют, в основном, в Японии. Оно охватывает гуманитарную безопасность в рамках активизации усилий для устранения таких угроз жизни человека и достоинству людей, как нищета, деградация окружающей среды, наркотики, инфекционные заболевания, СПИД, вынужденная миграция и др.

В 1999 году Япония учредила фонд под эгидой Организации Объединенных Наций, который через два года помог создать Комиссию по гуманитарной безопасности. Комиссия стала практическим следствием идеи, выдвинутой на Саммите тысячелетия в 2000 году Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Кофи Аннаном [Ogata, 2004]. Цели, которые определяет эта Комиссия, заключаются в уточнении концепции гуманитарной безопасности с учетом различных толкований сторон, поддерживающих ее, и разработке конкретной программы действий. Наряду с целью Комиссия выдвигает главную задачу по осуществлению гуманистической доктрины: защищать личностное ядро всей человеческой жизни таким образом, чтобы возвышать человеческие свободы и самореализацию людей [Alkire, 2003].

По мнению автора статьи, широкий подход к проблеме безопасности вряд ли будет осуществлен, поскольку его реализацию предполагается осуществлять на наднациональном уровне, тогда как апелляция к человечеству, существующему независимо от межгосударственных границ, вступает в конфликт с государственным суверенитетом. В частности, данный подход к проблеме безопасности требует использования метода гуманитарных интервенций, который не одобряется большинством государств. Если гуманитарная безопасность стремится получить наднациональный статус, то ее органы должны обладать сильными полномочиями, которыми в наше время они не обладают. Автор вынужден согласиться и с тем, что данный подход к безопасности пытается охватить очень большую часть жизни людей, избавив ее от угроз. Это требует колоссальных усилий всего мирового сообщества, для которых в настоящее время нет и в обозримом будущем не просматривается устойчивого международного консенсуса. Однако на этом пути вполне возможны некоторые частичные успехи, причем во многих областях. Реализация широкого подхода к работе с людьми видится автору либо в интеграции принципов

гуманитарной безопасности в национальную безопасность стран, либо в создании отдельного международного органа, который возьмет на себя решение части проблем в области гуманитарной безопасности.

Широкий подход к гуманитарной безопасности уже реализуется в предложенных нами вариантах. Так в 2004 году была разработана Доктрина гуманитарной безопасности для Европы, нормативный документ, в котором отражены принципы данного подхода. Также стоит упомянуть начавшуюся в 2015 году программу Устойчивого развития «Повестка на период до 2030 года», которую приняли более 170 стран. Обозначенные цели программы, которые страны стремятся достичь за 15 лет, а именно интеграцию принципов человечности в свою внутреннюю политику, в значительной степени способствуют успеху гуманитарной безопасности.

Оба подхода гуманитарной безопасности, прежде всего, ориентированы на защиту человека, однако их смысловые поля различны. Сравнение двух подходов к гуманитарной безопасности показывает, что их сходство по многим параметрам все же перевешивает их различия. Оба подхода основываются на методах, не связанных с принуждением, предложенные способы реализации масштабного гуманитарного проекта – это «реформа сектора безопасности, устойчивое экономическое развитие, превентивная дипломатия, постконфликтное государственное строительство и посредничество, а также переговоры со странами-нарушителями» [Liotta, 2006, с. 37-55]. Конечная цель обоих подходов – справиться с угрозами безопасности жизни людей. Гуманитарная безопасность является всеобъемлющей концепцией, которая сочетает разработку и утверждение определенных глобальных принципов с адаптацией соответствующих политик к местным условиям и обстоятельствам. В этой связи представляется исключительно важным формирование единого определения гуманитарной безопасности во всем мире.

ТЕОРИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Помимо двух вышеуказанных подходов к определению гуманитарной безопасности, разработанных в рамках ООН, существует еще один взгляд на данную проблему, выдвинутый Копенгагенской школой исследования безопасности, которая представляет направление постпозитивизма. Согласно их исследованиям, ключевая категория безопасности – это экзистенция [McSweeney, 1996]. Одну из важных теоретических новаций копенгагенской школы представляет теория секьюритизации.

Постпозитивисты также справедливо указывают, что проблемы безопасности граждан не решены и в развитых странах. Освобождение личности от многочисленных ограничений, связанных с институтом государства, привело к парадоксальному для либерального сознания положению: достаточно благополучные граждане чувствуют опасность перед лицом целого спектра угроз.

Смысл теории секьюритизации состоит в том, что именно ученые и политики, образующие «эпистемическое сообщество», посредством выделения и обсуждения определенной проблемы, возводят ее до международного уровня, вследствие чего проблема получает статус «экзистенциальной» и становится частью гуманитарной безопасности. Так С. Жижек приводит терроризм, насилие, неофашизм и иррациональное насилие молодежи в пригородах (речь идет о действиях выходцев из Африки во Франции) как примеры экзистенциальных угроз [Zizek, 1997]. В данном случае, определяющим элементом выступает дискурс. У секьюритизации есть и обратный процесс, десекуритизация, который снимает с угрозы статуса «экзистенциальной».

В отличие от двух ранее рассмотренных подходов к проблеме безопасности данный подход пока не получил никакой практической реализации. Автор считает, что по своему охвату она близка к широкому подходу, поскольку отмечает отсутствие безопасности у граждан даже в развитых странах, которые, как представляется, должны были бы в первую очередь решить проблемы с физической безопасностью своего населения. Подход к включению проблем в список экзистенциальных представляет определенный интерес, но не обладает никаким нормативным статусом. Автор пришел к выводу, что данный подход существует только в теории, но тем не менее отражает необходимость глобальной защиты людей.

Шаги по преобразованию концепции гуманитарной безопасности в применимую на практике доктрину продолжают с момента ее появления в 1994 году. За это время значительная часть мировой общественности постепенно признала ценности гуманитарной безопасности. Тем не менее согласие в отношении необходимых элементов доктрины пока еще не достигнуто.

В рамках ООН концепция гуманитарной безопасности также претерпевала определенные изменения. Начиная с 1994 года, в нее был внесен ряд поправок, и был сформирован самостоятельный орган, выработавший основные принципы гуманитарной безопасности.

Комиссия по гуманитарной безопасности (Commission on Human Security) в своем

заключительном докладе «Гуманитарная безопасность сейчас» определяет ее предназначение следующим образом:

«...защищать жизненно важные основы всех людей способами, продвигающими свободу и самореализацию. Гуманитарная безопасность означает защиту основных свобод – свобод, которые составляют неотъемлемую часть жизни. Это защита людей от важнейших (серьезных) и всепроникающих (широко распространенных) угроз и состояний. Это использование процессов, основанных на сильных сторонах и стремлениях людей. Это создание политических, социальных, экологических, экономических, военных и культурных систем, которые в совокупности дают людям строительные блоки выживания, средства к существованию и достойной жизни»¹.

БОЛЬШАЯ ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Анализ деятельности государств и международных организаций в области гуманитарной безопасности позволяет сделать вывод, что широкий подход к безопасности человека получает в последнее время большее распространение, чем узкий. Однако существует еще более обширное видение гуманитарной безопасности, где она представляет собой некую мечту для каждого человека. Гуманитарная безопасность имеет отношение к личности, общине, человечеству и их различным взаимосвязям. Клаудия Ф. Фуэнтес и Ганс Гюнтер Браух систематизировали исследования гуманитарной безопасности и выделили в ней четыре обобщенных компонента, разработанных за последнее время:

- а) отсутствие физических угроз, т. е. возможности погибнуть или получить увечье (противопехотные мины, уличное насилие, репрессии и т.д.);
- б) отсутствие социально-экономических угроз (бедность, безработица, расслоение общества и др.);
- в) отсутствие стихийных бедствий, чтобы природные явления не перерастали в социальные катастрофы;
- г) наличие в государстве справедливых законов, их неукоснительное соблюдение и мирное разрешение споров [Brauch, 2009]. Этот взгляд нашел отражение в концепции большой гуманитарной безопасности

¹ Commission on Human Security. 2003. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/503749>

HUGE (human, gender and ecological security), выдвинутой латиноамериканскими учеными.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав имеющиеся подходы к проблеме безопасности человека, мы убеждаемся, что концепция гуманитарной безопасности весьма актуальна, свидетельством чему являются продолжающиеся дискуссии по данному вопросу и появляющиеся новые концепции. Несмотря на отсутствие единого мнения о направлениях ее развития, эта концепция уже применяется и находит отражение в политике разных стран.

По мнению автора статьи, гуманитарная безопасность – это полная защита человека от физических и психологических угроз, наличие условий для его счастливой жизни и самореализации. Данное определение опирается на

широкий подход к пониманию гуманитарной безопасности, который является комплексным и требует полного решения проблем во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Автор предлагает рассматривать гуманитарную безопасность, во-первых, как высшую идею, к которой стоит стремиться человечеству, чтобы хотя бы следующие поколения могли воспользоваться ее плодами, во-вторых, как некое общее понятие для всех имеющихся видов безопасности. В центре этого многосоставного понятия находится человек.

Подытожив все вышесказанное, можно утверждать, что существует несколько подходов к гуманитарной безопасности, которые объединены общей целью и ненасильственными методами достижения. Это актуальная доктрина, которая отвечает на запросы современности и уже частично реализуется в государственной политике отдельных стран.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белозёров, В. К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 апреля 2019 года. 2019. С. 165–171.
2. Dedring, J. Human Security and the UN Security Council // Globalization and Environmental Challenges: Human Security and the UN Security Council, 2008. P. 605–619.
3. Ogata, S. The Human Security Commission's Strategy // Peace Review. 2004. Vol. 16 (1). P. 25–28.
5. Alkire, S. A Conceptual Framework for Human Security. Queen Elizabeth House, University of Oxford, 2003.
6. Liotta P. H., Owen T. Why human security // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. 2006. Vol. 7(1). P. 37–55.
7. McSweeney B. Identity and security: Buzan and the Copenhagen School // Review of International Studies. 1996. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0091.xml>
8. Zizek S. Some politically incorrect reflections on violence in France and related matters. 1997. URL: [http:// lacan.com/zizfrance.htm](http://lacan.com/zizfrance.htm).
9. Brauch, H. G. Human Security Concept in Policy and Science // Facing Global Environmental Change: Environmental, Human, Energy, Food, Health and Water Security Concepts, 2009. Vol. 4. P. 965–999.

REFERENCES

1. Belozero, V. K. (2019). The confrontation of global projects as the main content of modern international relations. *Sovremennaya Rossiya v mirovom politicheskom processe: global'noe i regional'noe izmerenie* (pp. 165–171). Moscow, April 16–18. (In Rus.)
2. Informe sobre el Desarrollo Humano (1994). Programa de las Naciones Unidas para el Desarrollo (PNUD). <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr1994escompletonostatpdf.pdf>.
3. Dedring, J. (2008). Human Security and the UN Security Council. *Globalization and Environmental Challenges: Human Security and the UN Security Council* (pp. 605–619).
4. Ogata, S. (2004). The Human Security Commission's Strategy. *Peace Review*, 16(1), 25–28.
5. Alkire, S. (2003). A Conceptual Framework for Human Security. Queen Elizabeth House, University of Oxford.
6. Liotta, P. H., Owen, T. (2006). Why human security. *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*, 7(1), 37–55.

7. McSweeney, B. (1996). Identity and security: Buzan and the Copenhagen School. Review of International Studies. <http://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0091.xml>.
8. Zizek, S. (1997). Some politically incorrect reflections on violence in France and related matters. <http://lacan.com/zizfrance.htm>.
9. Brauch, H. G. (2009). Human Security Concept in Policy and Science. Facing Global Environmental Change: Environmental, Human, Energy, Food, Health and Water Security Concepts, 4, 965–999.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Анастасия Сергеевна

младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований)
Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
соискатель кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Anastasia Sergeevna

Junior Researcher of the Research Department (Military-Humanitarian Studies)
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
PhD student of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.04.2023
31.05.2023
01.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 94(262.81+479+477.7)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_52



Страны Прикаспия как субъекты международных отношений на евразийском пространстве: историческая эволюция и современное состояние

М. М. Гаджиев

*Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия,
gadjiiev.dgu@mail.ru*

Аннотация. В работе анализируются процессы геополитической трансформации Каспийского региона в постсоветские десятилетия. Автор выделяет основные факты и тенденции, позволяющие говорить о Каспийском регионе как о новой важной военно-транспортной и геополитической территории. Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, принятая 12 августа 2018 года, стала тем документом, в котором заложены идеи коллективной безопасности, суверенитета каждой из прибрежных стран.

Ключевые слова: Каспийский регион, ресурсы, геополитика, сферы влияния, Конвенция, правовой статус

Для цитирования: Гаджиев М.М. Страны Прикаспия как субъекты международных отношений на евразийском пространстве: историческая эволюция и современное состояние // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 52–56. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_52

Original article

The Caspian Countries as Subjects of International Relations in the Eurasian Space: Historical Evolution and Current State

Magomedehmin M. Gadzhiev

*Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia,
gadjiiev.dgu@mail.ru*

Abstract. The work analyzes the processes of geopolitical transformation of the Caspian region in the post-Soviet decades. The author highlights the main facts and trends that make it possible to speak of the Caspian region as a new important military-transport and geopolitical territory. The Convention on the Legal Status of the Caspian Sea, adopted on August 12, 2018, has become the document that contains the ideas of collective security and sovereignty of each of the coastal countries.

Keywords: Caspian region, resources, geopolitics, spheres of influence, Convention, legal status

For citation: Gadzhiev, M.M. (2023). The Caspian countries as subjects of international relations in the Eurasian space: historical evolution and current state. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 52–56. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_52

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР регион Каспийского моря занял особое место в системе современных международных отношений. Природные богатства Каспийского региона являются главным достоинством прибрежных государств, поскольку обеспечивают энергетическую независимость и являются главным источником доходов. Актуальность исследуемой темы определяется тем, что после распада СССР Каспийский регион стал одним из центров евразийской энергетической геополитики, на которой были сфокусированы интересы международных энергетических компаний, инвесторов и лоббистов. Нефтегазовые ресурсы в сочетании со вновь открывшимися торгово-транспортными коридорами стали основной причиной небывалого прежде интереса к региону Прикаспия. Совершенно прав российский политолог К. С. Гаджиев, который говорил, что в уже в ранние постсоветские годы прикаспийские государства, которых раньше принято было относить к евразийской периферии, чуть ли не в один момент превратились в игроков международного нефтегазового и ресурсного рынка, а физические данные и политико-географические характеристики Каспийского региона указывают на его исключительный характер [Гаджиев, 2001]. Постсоветские десятилетия показали, что прикаспийские страны, преодолевая свою периферийность, начали превращаться во влиятельных игроков региональной политики. Многие бывшие республики Советского Союза проводят мультивекторный курс по сохранению отношений как с Россией, так с коллективным Западом и с Китаем. В этом многообразии они пытаются достичь некое дипломатическое равновесие, необходимое для обеспечения их собственной экономической самостоятельности и суверенитета. Данный факт был публично признан в таком важном региональном документе, как «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря» от 12 августа 2018 г. В «Конвенции» оказались зафиксирована ключевая тенденция геополитического и геоэкономического развития Прикаспийского ареала – ставка на региональную интеграцию прибрежных государств. Более того, данную «Конвенцию» целесообразно рассматривать в качестве триггера региональных и трансграничных процессов в сфере межгосударственного взаимодействия. Эти процессы связаны, в том числе, с формированием общей транспортно-коммуникационной системы стран Прикаспия¹.

¹ Выступление В. Путина на Пятом каспийском саммите. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/58296>

Осмысление эволюции каспийской политики порождает следующие вопросы: каков характер политических и экономических стимулов глобальных и региональных игроков, вовлеченных в политику региона? Насколько эти стимулы работают на строительство интеграционной модели международно-политического взаимодействия в каспийском ареале?

МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращаясь к теории «наступательного реализма» (offensive realism) американского политолога Джона Миршаймера, изложенные в его книге «Трагедия политики великих держав» [Mearsheimer, 2001], автор статьи поэтапно ответит на поставленные выше вопросы.

На путях к их решению, прежде всего, заслуживают внимания интеграционные процессы в регионе Каспийского моря. Наступательный реализм лучше всего описывает сложные реалии постсоветской каспийской трансформации, поскольку он не принимает однополярность как определяющий принцип международных отношений, а рассматривает события в одном отдельном регионе как компоненты международной системы в целом. Наступательные реалисты изображают международную систему в качестве свободного рынка, на котором главными товарами являются безопасность и влияние. Подобно корпорациям, стремящимся увеличить свою прибыль, национальные государства руководствуются конкурентным императивом, который порождает то, что американский публицист и политолог Фарид Закария назвал «поведением, максимизирующим политическое влияние» [Zakaria, 1995, с. 18].

Другим теоретическим принципом, которым мы руководствуемся в данной статье, послужил концепт «мезо-региона», предложенный российским политологом, профессором РГУ А. К. Магомедовым. Данный концепт позволяет рассматривать Каспийский ареал не в качестве замкнутой локальной системы, а в качестве новой геополитической и геоэкономической единицы XXI столетия с многообещающим ресурсно-коммуникационным и инфраструктурным потенциалом [Магомедов, 2018].

Эмпирическая база исследования представлена политическими, информационными и медийными документами, отражающими особенности интеграционных процессов и межгосударственного сотрудничества прикаспийских государств в последнее десятилетие.

АНАЛИЗ

Несмотря на то, что Каспийский регион опростетливо называли энергетической кладовой XXI века, было бы несправедливо рассматривать Каспий лишь как источник нефтегазовых ресурсов. Притягательность и вместе с тем проблема Каспия заключается не только в наличии перспективных углеводородных месторождений, но и в возможности контролировать их транспортировку за пределы региона. Именно эта возможность, данная правительству Каспия, и сделала означенный регион частью так называемой новой Большой игры в первое постсоветское десятилетие. В немалой степени политико-экономические факторы позволяют говорить о постсоветском Каспийском ареале как о новом «мезорегионе», имеющем самостоятельное ресурсное и коммуникационное значение.

Внутреннюю логику развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа невозможно понять без учета проблем, связанных со статусом Каспийского моря [Маркелов, Головин, Усманов, 2018]. С некоторыми оговорками можно признать, что исторической отправной точкой нынешней «Конвенции о правовом статусе Каспийского моря» является Гюлистанское соглашение между Российской империей и Персией, одобренное и подписанное в 1813 году.

У нас нет возможности подробно останавливаться на этом событии, однако, если говорить коротко, то речь в нем шла о регламенте перемещения российских и персидских купцов и их товаров. Помимо торговых позиций Договор содержал особую презумпцию, согласно которой только Российская империя может иметь военный флот на Каспии. Данный водоем рассматривался как внутреннее море России, в котором Персия имеет право на осуществление торгового судоходства [Габиева, 2004]. Приведенные положения Гюлистанского договора в современном контексте представляют собой одну из первых попыток заложить основу коллективного договора на Каспии с упором на принцип политического реализма и раздела сфер влияния между двумя странами.

Данная ситуация оставалась неизменной вплоть до 1917 года. Однако большевики, пытаясь придать своей внешней политике новый вектор, отказались от статуса единственной державы в регионе, имеющей военный флот на Каспии. Стремление Советской власти вывести на новый уровень отношения в регионе обозначилось 26 февраля 1921 года, когда было официально объявлено о том, что персидский народ больше не связан никакими бывшими царскими договоренностями. Попутно большевики делали акцент на недопущении на свои территории лиц,

организаций и стран, которые настроены враждебно или к Персии, или к Советской России. Большевицкое правительство получало возможность введения своих войск на территории Персии в случае возникновения угрозы для себя со стороны персидской территории. Кроме того, морские флотилии России и Персии могли свободно перемещаться в пределах Каспийского водоема.

Данный Договор и последующие соглашения между СССР и Ираном в 1935 и 1940 годы заложили принципиально новую модель российско-персидских отношений. Она была основана на восприятии Каспийского региона как внутреннего моря РФ и Ирана [Договор между СССР и Ираном, 1959; Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном, 1955, с. 56–71]. Такое развитие советско-иранских отношений основано на практиках двустороннего наступательного реализма и равноправного сотрудничества.

В 1935 году советская Россия в одностороннем порядке установила морскую границу, разделив Каспийский водоем по линии от населенных пунктов Астарачай (Азербайджанская ССР) – Гасан-кулу (Туркменская АССР) [Габиева, 2004].

Двусторонние договоры 1921, 1935, 1940 годов между Ираном и СССР фиксировали статус Каспия как закрытого водоема со всеми вытекающими отсюда ограничениями для третьих лиц (внерегиональных акторов). Его ресурсы являются достоянием всех государств, имеющих выход к морю.

Отметим, что отсутствием в договорах четкого разграничения Каспийского моря созывало массу проблем во взаимодействии Ирана и СССР [Габиева, 2004]. Проблемы не прекратились и после распада в 1991 году Советского Союза. В постсоветский период региональных участников международных процессов на Каспии стало гораздо больше.

Увеличение количества не только региональных, но и внерегиональных игроков придало этой территории особый геостратегический статус, основанный как на геостратегической значимости Каспия, так и его ресурсном потенциале [Маркелов, 2011]. Поддержание особого статуса Каспия и недопущение в Каспийское море нерегionalных игроков, которые потенциально могли бы дестабилизировать ситуацию на Каспии, требовало блокировки положения международного морского права на Каспийское море.

Отталкиваясь от представления о том, что Каспийское море есть внутриконтинентальный водоем, 12 августа 2018 года лидеры Прикаспийских стран поставили подписи под Конвенцией о правовом статусе Каспия как замкнутого морского ареала [Маркелов, Головин, Усманов, 2018]. Хотя в данном документе есть некоторое противоречие,

так как Каспий рассматривается и в качестве моря, и в качестве внутриконтинентального водоема.

Так как все Прикаспийские страны делят поверхность моря на пять зон (воды 1: внутреннее, 2: территориальные, 3: общего пользования; зоны 4: границы и 5: рыбной ловли), логично было бы рассматривать правовой статус Каспия на двух уровнях: использование ресурсов в рамках территорий 1 и 2 и использование ресурсов в рамках территорий 3 и 5.

Анализ Конвенции от 12 августа 2018 года позволяет говорить о том, что в ней заложены идеи коллективной безопасности, суверенитета каждой из стран, имеющей выход к морю. Кроме того, подчеркивается приверженность Каспия к свободному проходу через территориальные воды Прикаспийских стран, к идее использования толщи воды для создания информационно-коммуникативных и иных коридоров, к необходимости поддержания и сохранения экологического баланса [Kosov, Markelov, Magomedov, 2021].

Однако на сегодняшний день сохраняется целый ряд неурегулированных вопросов, которые могут обсуждаться в дальнейшем. Так, например, остаются нерешенными проблемы, связанные со свободным мореплаванием, транзитными коридорами, в том числе и выходом в акватории других стран (например, с использованием мощностей Волго-Донского канала). Транзитные коридоры «Север–Юг» и «Запад–Восток» Россия предлагает проложить через свою территорию. Данные транспортные артерии, проходя через российскую территорию затрагивают фактор как внутренней безопасности вообще, так и безопасности судоходства по рекам.

Вышеуказанная Конвенция имеет немалое значение, поскольку документ обязателен для исполнения. На наш взгляд, эта Конвенция в перспективе может быть положена в основу своеобразного документа (Каспийская морская Конституция), который поспособствует решению накопившихся

проблем и уменьшит их конфликтный потенциал. Именно на базе этой Конституции может быть сформирована особая модель регионального диалога (как ареала с разными цивилизационными основаниями) с идеей «зонтичной» безопасности, которую обеспечивает Россия, при сохранении странами Большого Каспия своей геополитической самодостаточности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте описываемых процессов российская портово-хозяйственная инфраструктура получает новые импульсы для развития. В частности, она может увеличить свою конкурентоспособность с учетом развития евразийского логистического потенциала, многократно повысить объемы обслуживаемых и перевозимых грузов и закономерным образом стать центром интеграционных процессов в регионе.

На наш взгляд, интеграционная значимость Каспийского региона на евразийской политической сцене в обозримой перспективе должна быть связана с увеличением экономического потенциала государств, входящих в данный ареал; созданием и оптимизацией транспортно-логистической системы и встраивании ее в международные проекты (такие как, например, китайская инфраструктурная мегаидея «Один пояс, один путь»). Такая перспектива вырастает из факта превращения прикаспийских государств в реальных субъектов евразийской политики, согласно теории наступательного реализма.

Вышеперечисленные процессы также позволяют актуализировать конструктивный потенциал концепта «мезорегион». Он дает возможность рассматривать Каспийский ареал не в качестве замкнутой локальной системы, а в качестве новой геополитической и геоэкономической единицы XXI столетия с многообещающим ресурсно-коммуникационным и инфраструктурным потенциалом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджиев, К. С. Геополитика Кавказа. М.: Международные отношения, 2001.
2. Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton & Company, Inc. 2001.
3. Zakaria F. Realism and Domestic Politics: A Review Essay // The Perils of Anarchy: Contemporary Realism and international Security / Brown Michael E. et al. (ed.s). Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
4. Магомедов А. К. Каспий на геополитических трассах Северной Евразии: энергополитическое и транспортное измерение на рубеже XX – XXI столетий. Ульяновск : Изд-во УлГУ, 2018.
5. Маркелов К. А., Головин В. Г., Усманов Р. Х. Изменение правового статуса каспийского моря в условиях геополитической и экономической интеграции региона. М.: Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2018.
6. Габиева З. Правовой статус Каспия // Обозреватель. 2004. № 8 (175). URL: <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2004-obozrevatel/13447-pravovoj-status-kaspija>.
7. Документы внешней политики СССР в 26 томах. Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 18. 1 января – 31 декабря 1935 г. Договор между СССР и Ираном от 27 августа 1935 г. о поселении, торговле и мореплавании.

8. Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Между 1 января 1937 года и 21 июня 1941 года. М.: Политиздат, 1955. Вып. 10. С. 56–71.
9. Маркелов К. А. Социально-политические вызовы и угрозы в Каспийском геополитическом пространстве начала XXI века // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2011. №7. С. 88–93
10. Kosov G., Markelov A., Magomedov A. Caspian Basin in the System of Post-Soviet International Relations: Revaluation of Transport and Communication Factors // Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy / ed. by E. G. Popkova. Springer, Cham. P. 1129–1132.

REFERENCES

1. Gadzhiev, K. S. (2001). Geopolitika Kavkaza = Geopolitics of the Caucasus. Moscow: International Relations Publisher. (In Russ.)
2. Mearsheimer, J. (2001). The Tragedy of Great Power Politics. New York: W. W. Norton & Company, Inc.
3. Zakaria, F. (1995). Realism and Domestic Politics: a review essay. In Brown, M. E. et al. (eds.), The Dangers of Anarchy: Modern Realism and International Security. Cambridge, Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology Press.
4. Magomedov, A. K. (2018). Kaspij na geopoliticheskikh trassah Severnoj Evrazii: jenergeopoliticheskoe i transportnoe izmerenie na rubezhe 20–21 stoletij = Caspian on Geopolitical Routes of Northern Eurasia: Energy Policy and Transport Dimension at the Turn of the 20th–21st Centuries. Ul'janovsk : Izd-vo UGU. (In Russ.)
5. Markelov, K. A., Golovin, V. G., Usmanov, R. H. (2018). Izmenenie pravogo statusa kaspiskogo morja v uslovijah geopoliticheskoi i jekonomicheskoi integracii regiona = Changing the legal status of the Caspian Sea in the conditions of geopolitical and economic integration of the region. Moscow: Caspian region: politics, economy, culture. (In Russ.)
6. Gabieva, Z. (2004). Pravovoj status Kaspija = The Legal Status of the Caspian Sea. Observer, 8(175). <http://militaryarticle.ru/obozrevatel/2004-obozrevatel/13447-pravovoj-status-kaspija>. (In Russ.)
7. Dokumenty vneshnej politiki SSSR = Documents of the Foreign policy of the USSR (1959): in 26 vols. Ministry of Foreign Policy of Russia. Moscow: Gospolitizdat. Vol. 18. January 1 – December 31, 1935. Dogovor mezhdu SSSR i Iranom ot 27 avgusta 1935 g. o poselenii, trgovle i moreplavanii = The Agreement between the USSR and Iran of August 27, 1935 on settlement, trade and navigation. (In Russ.)
8. Dogovor o trgovle i moreplavanii mezhdu SSSR i Iranom ot 25 marta 1940 g. = The Agreement on Trade and Navigation between the USSR and Iran dated March 25, 1940 (1955). Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states (issue 10, between January 1, 1937 and June 21, 1941, pp. 56–71). Moscow: Politizdat. (In Russ.)
9. Markelov K. A. (2011). Early XXI century social and political challenges and threats in the Caspian geopolitical space. MIR (Modernization. Innovation. Research), 7, 88–93. (in Russ.)
10. Kosov, G., Markelov, A., Magomedov, A. (2021) The Caspian basin in the system of post-Soviet international relations: reassessment of transport and communication factors. In Popkova, E. G. (ed.), Business 4.0 as a subject of the digital economy (pp. 1129–1132). Springer, Cham.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович

доктор политических наук, профессор

главный научный сотрудник Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Gadzhiev Magomedemin Magomedrasulovich

Doctor of Political Sciences, Professor

Chief Researcher of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

13.04.2023
06.06.2023
09.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 94(970)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_57



Проблемы зеленого пояса Москвы в советский период

В. Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

gorlov812@mail.ru

Аннотация. Зеленый пояс Москвы вместе с ближайшими лесами области и насаждениями города должен был формировать целостную, разветвленную систему озеленения столицы. Зеленому поясу принадлежала оздоровляющая функция, связанная с улучшением микроклимата и возможностей массового загородного отдыха. Зеленый пояс призван был предотвратить слияние массивов пригородной застройки. Города зеленого пояса были важными звеньями в общей градостроительной концепции развития столицы и всей московской агломерации.

Ключевые слова: зелёный пояс, пригородная зона, национальный парк Лосиный остров, Московская агломерация, лесопарковый защитный пояс

Для цитирования: Горлов В. Н. Проблемы зеленого пояса Москвы в советский период // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 57–64. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_57

Original article

Problems of Moscow's Green Belt in the Soviet Period

Vladimir N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

gorlov812@mail.ru

Abstract. The green belt of Moscow, together with the nearest forests of the region and plantings of the city, was supposed to form an integral, extensive system of landscaping of the capital. The share of the green belt accounted for the health-improving function associated with improving the microclimate and opportunities for mass suburban recreation. The green Belt was designed to prevent the merger of suburban development arrays. The cities of the green belt were important links in the overall urban development concept of the capital and the entire Moscow agglomeration.

Keywords: Green belt, suburban area, Losiny Ostrov National Park, Moscow agglomeration, forest park protective belt

For citation: Gorlov, V. N. (2023) Problems of Moscow's Green belt in the Soviet period. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 57–64. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_57

ВВЕДЕНИЕ

В 1920–1930-е годы санитарно-гигиеническая роль озелененных территорий вокруг крупных городов широко обсуждалась в градостроительной теории. Много научных трудов было посвящено идее города-сада, теории устройства садов и парков. В первой четверти XX века идеи формирования Новой Москвы как социалистического города-сада совпали с политическими идеями и социальными идеалами большевиков. В 1923 году был создан ансамбль первой сельскохозяйственной выставки на месте городской свалки у Москвы-реки, а в 1930-е годы – система канала им. Москвы, включавшая в себя питьевые водохранилища и новое Химкинское водохранилище.

Целенаправленная градостроительная политика проводилась еще с начала разработки Генерального плана Москвы 1935 года. Он предусматривал формирование системы крупных лесопарковых клиньев, достигающих центрального района столицы и связывающих его с загородными ландшафтами. В Генеральном плане 1935 года существовавшие скверы и бульвары сохранялись и намечались новые широкие бульвары, эспланады, набережные, «парковые кольца», «зеленые клинья», «лесная оградительная зона».

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН МОСКВЫ 1935 ГОДА

Несомненным достижением Генплана 1935 года в области охраны окружающей среды явилось создание высокоэффективной и устойчивой системы водоснабжения и водоотведения многомиллионного города. Достаточно успешно были решены и вопросы канализования сточных вод, что позволило в значительной степени сохранить экологическое равновесие в поверхностных водоемах на территории города и его лесопаркового пояса. Для этого понадобилось создать уникальные гидротехнические сооружения, соединив Волгу и Москву-реку каналом имени Москвы и системой водохранилищ, построить крупные очистные сооружения. В полном объеме эти работы завершились к началу 1960-х гг., но начало им было положено еще в 1930-е гг.

В Генеральном плане 1935 года была ясно выражена идея создания зеленого пояса, предусматривающего организацию вокруг города 10-километрового лесопаркового кольца. Зелёный пояс непосредственно охватывал городскую застройку и препятствовал ее распространению, ограничивая развитие ее основного пятна. Однако данная конфигурация жилых массивов и зеленых зон требовала особого режима содержания

всех территорий, входящих в зеленый пояс, а главное – запрещения всякого строительства и использования территории для других целей кроме озеленения.

Война инициировала промышленное строительство на пустырях, планируемых под озеленение. В пригородах Москвы активно шло развитие промышленных зон и городов, в том числе за счет озелененных территорий.

За 1940–1980-е годы сложилось определенное распределение ролей органов государственной и местной исполнительной власти, научных и хозяйственных организаций в деле охраны природы. При своей устойчивой служебной конфигурации означенные профессиональные инстанции находились в процессе постоянных эволюционных преобразований. Наибольшие изменения в управлении озелененными и природными территориями происходили в периоды 1960–1961 годов и 1983–1984 годов, когда увеличивалась территория города.

Управление профессиональными кадрами и реализация политики в отношении природоохранной деятельности и озелененных территорий Москвы и Московской области велись отдельно – соответствующими органами и организациями, подчиненными Мосгорисполкому и Мособлисполкому. При этом как общность, так и различие интересов обеих властей субъектов Федерации сосредоточивались на территории лесопаркового защитного пояса (ЛПЗП). По этим причинам многие вопросы природоохранной деятельности решались на более высоком уровне – Советом Министров СССР. Например, 16 мая 1950 года выходит постановление Совета Министров СССР № 1940 «О мерах по восстановлению лесов 50-километровой зоны г. Москвы». Данный документ затрагивал вопросы восстановления лесов, утраченных в ходе боевых действий, и озеленения вновь отстраиваемых городов Подмосковья. Значительное внимание в постановлении уделили лесопарковому защитному поясу Москвы, проблеме взаимосвязи Москвы с ее внешним окружением, степени приближения лесных массивов к городу и непосредственного внедрения в него открытых пространств с преобладанием природного ландшафта [Каменский, 1963].

Генплан реконструкции Москвы 1935 года исходил из сохранения основ сложившегося города, требований компактности, но «с созданием нормальных здоровых условий жизни населения». Четко проявившая себя еще в годы конкурсного проектирования идея зеленых клиньев была отражена и зафиксирована в этом градостроительном плане (в виде широких полос зелени

вдоль Москвы-реки, Яузы, Сетуни, в районе парка «Сокольники», Северного луча и т. д.).

ЗАДАЧИ ЛЕСОПАРКОВОГО ЗАЩИТНОГО ПОЯСА МОСКВЫ

Организация лесопаркового защитного пояса Москвы включала в себя решение следующих задач:

- создание вокруг городской застройки мощного природного зеленого окружения с преобладанием лесных массивов как источника чистого воздуха для оздоровления воздушного бассейна города;
- образование широких ветрозащитных заслонов из лесных массивов;
- предохранения города от слияния с населенными пунктами, расположенными на небольшом расстоянии от него;
- обеспечение массового кратковременного отдыха городского населения в естественных природных условиях;
- улучшение ландшафта вокруг города, повышение его природных и художественных качеств.

В крупнейших городах СССР – Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове и других – осуществлялись работы по созданию надежного зеленого окружения городской территории. Институтом генерального плана Москвы в начале 1960-х годов намечалась широкая программа озеленения столицы, тесно связанная с развитием ее пригородной зоны.

Эта программа предусматривала:

- а) сохранение и восстановление существующих лесных массивов и посадку новых лесов на свободных землях с целью создания вокруг города кольца компактно расположенных лесов и лесопарков;
- б) создание на территории города парков, садов и скверов, связанных бульварами и зелеными полосами между собой и с пригородными лесами в единую систему озеленения, обеспечивающую высокий уровень санитарно-гигиенического состояния города;
- в) организацию по направлению господствующих ветров так называемого зеленого диаметра, состоящего из непрерывной цепи зеленых массивов, которые берут начало в лесах, продолжают затем в виде городских парков и далее до пригородных лесных массивов [Каменский, 1963].

Предусматривалось также расширение обле-сенных¹ территорий за счет лесов, расположенных

среди красивых и живописных мест Подмоск-овья, а также за счет облесения неудобных земель. К важнейшим задачам относилась и организация пригородного транспорта, как пассажирского, так и грузового, а также их сопряжение с городской транспортной сетью. Большого внимания требо-вали художественно-эстетические качества пла-нировки больших пространств пригородной зоны крупного города.

Величина и характер зеленого пояса были обу-словлены конкретным природным окружением крупных городов. Так, например, зеленый пояс вок-руг Москвы был расположен в окружности радиу-сом 18–30 км от центра. Приблизительно по тому же принципу был решен зеленый пояс Лондона.

Зеленый пояс принимал разнообразные форм-ы, которые определялись конкретными усло-виями использования прилегающих к большому городу территорий. В отдельных случаях он мог иметь зеленые клинья, простирающиеся между застроенными территориями. Эти зеленые клинья как отдельные части зеленого пояса, брали свое начало в загородных лесах и глубоко проникли в структуру жилых районов города. Такое сочета-ние сплошного зеленого пояса с зелеными клинь-ями – наиболее типичная форма зеленого окру-жения крупного города, имеющего разветвленную сеть железных и шоссейных дорог.

Ширина зеленого пояса зависит от величины города, транспортных связей, площади застроен-ных территорий и т. п. Для того чтобы отвечать сво-им задачам, зеленый пояс крупного города дол-жен быть достаточно широк или простирается на достаточную глубину. Это подтверждалось прак-тикой проектирования и формирования зеленых поясов. Например, в Москве, Ленинграде и Киеве было намечено устройство лесопарковых зеленых поясов шириной свыше 10 км. Полагали, что в этих пределах можно организовать достаточно мощное зеленое окружение крупного города.

Лесные массивы зеленого пояса, лесопарки и парки должны были служить ближайшими мес-тами кратковременного отдыха городского насе-ления. Часть этих зеленых массивов стала также местом повседневного отдыха москвичей.

Необходимо было также учитывать вредное влияние на состояние зеленых насаждений аэро-золей, которые разбрасывались промышленными предприятиями и котельными на значительные расстояния.

На размер и форму зеленого пояса в значи-тельной мере влияла топография местности. В ряде случаев специалисты в ландшафтно-парко-вой сфере включали в его состав водные бассейны, отдельные живописные места. Поэтому границы

¹ Облесение — покрытие определенной территории лесными масси-вами в целях улучшения качества природной среды, восстановления нарушенного природного равновесия.

его зачастую расширялись в одних направлениях и сужались в других. Приходилось включать в зеленый пояс также крупные жилые образования: города и поселки. Для успешного выполнения задач, которые ставились при организации зеленого пояса, даже малоэтажная застройка была нежелательна. Однако практически было трудно, а иногда и невозможно получить вокруг большого города территорию, свободную от застройки, достаточную для создания зеленого пояса. Вынужденное включение жилых, а также промышленных территорий в состав зеленого пояса следовало строго регулировать. Возведение отдельных необходимых объектов необходимо было строго ограничивать с учетом обязательного сохранения существующей зелени и создания новых зеленых массивов.

Нормативов для определения необходимой площади зеленого пояса не было. Для обеспечения города сельскохозяйственными продуктами нужна была одна граница; для расселения нужна была другая, которая, в свою очередь, не совпадала с границей размещения мест отдыха и т. д. Невозможно было свести разнохарактерные сферы влияния крупного города к какой-то общей величине. Отбирали наиболее важные в градостроительном отношении и на их основе определяли необходимую границу зеленого пояса. Именно по этому пути шла практика проектирования в нашей стране и за рубежом.

РАСШИРЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ МОСКВЫ В 1960 ГОДУ

18 августа 1960 года вышел Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О расширении городской черты, изменении административно-территориального деления города Москвы и передаче в административно-хозяйственное подчинение Московскому городскому Совету депутатов трудящихся территории лесопаркового защитного пояса». По этому Указу в городскую черту города Москвы включались города Бабушкин, Кунцево, Люблино, Перово и Тушино, а также рабочие, дачные посёлки Московской области, находящиеся на территории, ограниченной Московской кольцевой автомобильной дорогой. В административно-хозяйственное подчинение Мосгорисполкому передавалась территория лесопаркового защитного пояса общей площадью примерно 180 тысяч га со всеми расположенными на этой территории городами, поселками¹. В системе лесопаркового

защитного пояса были сохранены наиболее ценные леса, которые были включены в новые границы Москвы. До этого Указа ЛПЗП находился в двойном подчинении – Мособлисполкома и Моссовета.

Определение границ необходимо было для градостроительных целей и четкого административно-хозяйственного и планировочного управления обширной территорией. Необходимое равновесие градостроительной и ландшафтно-парковой опций могло быть достигнуто только при едином административном подчинении города и пригородной зоны. Стоит добавить, что в 1961 году лесопарковый защитный пояс был переподчинён Мособлисполкому.

Контур городских границ в своих общих чертах повторялся в границах пригородной зоны. Влияние крупного города на структуру и планировку пригородной зоны наиболее ярко было видно на примере Москвы. Радиально-кольцевая система ее планировки нашла в планировочной организации пригородной зоны свое дальнейшее развитие. Основные радиусы железных и шоссейных дорог, являющиеся продолжением главных городских магистралей, служили при этом структурным костяком.

Осуществление принятой XXII съездом КПСС программы построения коммунистического общества обуславливало широкое развитие градостроительных работ в СССР. В течение двух десятилетий многие города Советского Союза должны были вырасти в несколько раз. В них не намечалось нового промышленного строительства и численность населения должна была стабилизироваться. Огромные качественные сдвиги в градостроительстве должны были обеспечить населению здоровую гигиеническую среду и необходимые условия для высокопроизводительного труда, эффективно-го отдыха.

В этой связи возник ряд важных градостроительных проблем, особенно касающихся развития наиболее крупных городов СССР. Как свидетельствовала градостроительная практика, успешное решение этих проблем требовало расширения сферы влияния крупного города на окружающие его большие пространства или пригородную зону. Стало очевидным, что формирование пригородных зон и их дальнейшее развитие должны быть подчинены в первую очередь интересам крупных городов и, в частности, задачам создания вокруг них зеленых поясов, планировочной организации мест массового отдыха населения. Столица и его пригородная зона были взаимосвязаны настолько

¹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О расширении городской черты, изменении административно-территориального деления города Москвы и передаче в административно-хозяйственное

подчинение Московскому городскому Совету депутатов трудящихся территории лесопаркового защитного пояса» // Советская Россия. 1960 г. 19 авг.

тесно и органично, что перспективное планирование развития города и его пригородной зоны должно было осуществляться одновременно.

Уровень развития градостроительства в СССР в начале 1960-х годов требовал решения таких задач, как децентрализованное расселение крупнейших городов, создание вокруг них мощного природного окружения, организация многообразных форм массового загородного отдыха и ряд других. Эти задачи не могли рассматриваться изолированно, а должны были решаться комплексно, в тесной взаимосвязи.

Интересы развития крупного города – главный фактор, под влиянием которого происходило формирование пригородной зоны. Именно в этом и заключалась специфика ее районной планировки. Градостроительные требования 1960-х годов определяли понятие «пригородная зона крупного города» как совокупность окружающих город территорий, формирование которых подчиняется его интересам.

Из практики ландшафтно-паркового проектирования видно, что важнейшие проблемы организации пригородных зон крупных городов СССР – это расселение граждан, связанных с работой в городе, размещение градообразующих объектов, размещение мест массового отдыха, организация защитных зеленых поясов. В целом ряде проектов немалое внимание уделялось развитию различных видов пригородного транспорта. Опыт таких городов СССР, как Москва, Ленинград, говорит о том, что расселение жителей, связанных с работой в крупном городе, происходило в основном в пределах не далее 40–50 км от его центра. Также рассматривалось и размещение городов-спутников в пределах пригородной зоны. Если обратиться к зарубежной практике, то и там в проектах ставились в качестве основных задач: расселение части населения крупных городов (в частности, в городах-спутниках, как это было предусмотрено в проекте пригородной зоны Лондона); организация зеленого пояса; регулирование промышленного строительства; улучшение транспортных систем.

Большое значение имело включение в состав пригородной зоны лесных массивов. Зеленые лесные зоны как обязательные были определены в СССР еще в 1943 году в радиусе до 30 км вокруг крупных городов и до 10 км вокруг промышленных поселков и районных центров [Каменский, 1963, с. 23]. Радиусы пригородной зоны обычно превышали радиус ранее установленного зеленого пояса. Зеленые пояса пригородной зоны Москвы и многих советских городов обогащали ее территорию, придавали ландшафту своеобразие, красоту и выразительность. Значительное место

в архитектурно-планировочной организации пригородной зоны занимали исторические и архитектурные памятники. Они обогащали ландшафт и нередко являлись композиционными центрами отдельных районов.

Планировочная структура комплекса «крупный город – пригородная зона» в Советском Союзе образовывалась тремя составными частями: территорией застройки самого города, зеленым поясом и внешней зоной. Внешняя зона за границами лесопарковой зоны Москвы предназначалась для длительного отдыха и размещения в случае необходимости предприятий, связанных с народнохозяйственным комплексом Москвы и области.

При разработке проектов планировки леса зеленые зоны рассматривались как органическая составная часть всей пригородной зоны. Одной из основных целей планировки пригородной зоны следует считать организацию вокруг крупных городов СССР системы зеленых насаждений, в которой основную роль играли защитные зеленые пояса. В жизни такого крупного города СССР, как Москва, пригородные зеленые насаждения были особо значимы: без них невозможна была полноценная планировочная организация как самого города, так и пригородной зоны.

Зеленые насаждения несут самые разнообразные функции и особенно благотворно влияют на состояние городского воздушного бассейна и формирование микроклимата. Полезный воздухообмен, освежающий воздушные течения из загородных лесов и с полей, оздоравливает воздушный бассейн, увлажняет и очищает его. Кроме того, зеленые массивы прилегающего к городу зеленого пояса служили местом массового отдыха населения, выполняли водоохранные, ветрозащитные, декоративные и другие функции.

В зеленый пояс были включены лесопарки и парки самого различного назначения: исторические, научные, заповедники, учебно-опытные леса, фруктовые сады и т. п. Всё это многообразие насаждений в пригородной зоне определялось природными условиями и требовало озелененной инфраструктуры.

Она охватывала город и его пригородную зону как единое целое. Система озеленения служила основой для улучшения санитарно-гигиенических условий и микроклимата города. Она должна была обеспечивать соединение городских озелененных территорий с загородными посредством широких зеленых полос или клиньев в виде парков, бульваров, аллей на главных магистралях и т. п. Всё это служило каналами, по которым загрязненный городской воздух удалялся из жилых районов,

а чистый и влажный поступал из загородных лесопарков и с полей.

В лесопарковом защитном поясе Москвы располагался Лосиный остров – природный парк, созданный в условиях развития столичной агломерации. Парк Лосиный остров являлся известным географическим образованием, сохранившим уникальный природный комплекс. Он ценен тем, что в непосредственной близости от многомиллионного города сохранилось редкое многообразие флоры и фауны. Лосиный остров покрыт густой сетью речушек, богат вековыми липняками, сосняками, таежными ельниками, дубравами – местами обитания зверей и птиц. Здесь сохранилось более 200 видов животных [Вергунов, Горохов, 1987]. На Лосином острове располагается уникальная Алексеевская корабельная роща. На ее территории в течение длительного времени сохранялся заповедный режим. Эти богатейшие леса с сочным и буйным разнотравьем обеспечивают прекрасные условия для обитания животных. Корабельная роща являет собой уникальный участок соснового леса почти 250-летнего возраста. Устройство в 1960-х годах зоны отдыха нанесло значительной части рощи непоправимый вред [Вергунов, Горохов, 1987]. В этих особых местах следовало установить заповедный режим, поскольку подобных древостоев в Московской агломерации больше не было и нет.

История парка Лосиный остров берет свое начало в эпохе Ивана Грозного. Изначально это были его охотничьи угодья. Затем Лосиный остров становится Государевой заповедной рощей, которая была отнесена в XVI веке к заповедным лесам [Бахтина, 1985].

В зеленый пояс Москвы входил природный и историко-культурный заказник Верхняя Москва-река, характерный для условий Подмосковья, где на речном каркасе были сосредоточены памятники садово-паркового искусства, историко-культурные достопримечательности наряду с особо экологически ценными природными комплексами. На юге природным стержнем зеленого пояса являлась река Пахра с притоками, где был расположен заповедник Горки Ленинские с охранной зоной. Историко-культурным и природным стержнем восточной части ЛПЗП являлась долина реки Пехорки, протекающая с севера на юг более чем на 40 км и объединяющая большое количество памятников истории и культуры. Эта территория выделялась как зона охраняемого историко-культурного ландшафта Пехорка [Бахтина, 1985].

Благоустройство всех застроенных территорий, входящих в состав зеленого пояса,

необходимо было поддерживать на высоком уровне и постоянно совершенствовать. Зеленые пояса вокруг многих крупных городов приходилось создавать в условиях неблагоприятного природного окружения. В ряде районов СССР и до войны ощущался острый недостаток в зеленых насаждениях вокруг городов. Зеленые пояса вокруг ряда крупных городов предстояло создавать на землях, в значительной мере лишенных естественных лесных массивов и представляющих собой в основном открытые территории. Так, зеленый пояс вокруг Москвы беден лесами и водой в южном и особенно восточном и юго-восточном направлениях. По существу лишь около одной трети его площади соответствовало своему назначению, а на остальной территории предстояла большая работа по озеленению и организации лесопарков.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ МОСКВЫ 1971 ГОДА

Отметим, что принятый в 1971 году новый Генеральный план столицы развивал те же основные положения, которые были включены в него на предыдущих этапах. Площадь зеленых насаждений Москвы увеличилась на 6 тыс. га. Территория города возросла до 87 500 га (против 35 тыс. га по плану 1935 года), город окружил лесопарковый защитный пояс Москвы площадью 180 тыс. га и шириной 10–15 га с преимущественным развитием на север [Вергунов, Горохов, 1984, с. 10]. Зелёные клинья были выделены и на новом плане, однако они отличались более скромными размерами, часть их в силу имевших место нарушений градостроительной дисциплины оказалась застроенной. Застройка заняла также и часть территории зеленого пояса, что несколько ослабило контакты Москвы с природным окружением. Вместе с тем в орбиту быстро растущего города вошли и новые природные комплексы, которые ранее были отдалены от него на большие расстояния.

В 1960–1970-е годы градостроительная политика в сфере Московской агломерации определялась решением ограничить концентрацию производства и населения в самой столице и ее ближайших пригородах и развивать преимущественно периферийные районы. Зона ограничения охватывала весь пригород в радиусе 50–60 км от МКАД. При этом важнейшее значение придавалось лесопарковому поясу, который призван был предотвратить слияние массивов пригородной застройки и обеспечить создание на базе существующих и развития новых лесных массивов,

акваторий, сельскохозяйственных ландшафтов единой системы озелененных пространств города и его окружения.

Города зеленого пояса были важными звеньями в общей градостроительной концепции развития столицы и всей московской агломерации. Генеральным планом развития столицы 1971 года предусматривалось ограничение и строгое регулирование всех населенных пунктов. Было намечено вывести из города более 300 предприятий и организаций. Среди них промышленные объекты и их филиалы, научно-исследовательские и проектные организации, объекты сельскохозяйственного профиля. Реализация этих предложений в полном объеме позволила бы обеспечить сокращение численности работающих в городе на 135 тыс. человек [Пичуков, 1984]. В 1970 году зеленый пояс Москвы включал 11 городов, где проживало более 1 млн человек. На его территории было расположено семь административных районов – Красногорский, Ленинский, Одинцовский, Мытищинский, Балашихинский и Химкинский. Шесть из 11 городов пояса являлись центрами административных районов [Бирюков, 1984].

В качестве главных оснований для вывода ряда предприятий из столицы были приняты: во-первых, непрофильность объектов, т. е. несоответствие характера деятельности предприятия основной промышленной или научной специализации Москвы; во-вторых, санитарная вредность объектов, особенно в тех случаях, когда возможность создания значительных по размеру санитарно-защитных зон исключена в условиях окружающей застройки.

Однако реализация вывода промышленных объектов из Москвы осуществлялась неудовлетворительно. Выведено было лишь 20 % из общего количества объектов. Осуществление программы вывода из Москвы опасных производств не дало также ожидаемых результатов и в части сокращения численности рабочих и служащих [Пичуков, 1984].

В Генеральном плане развития Москвы 1971 года особое внимание уделялось сокращению и обогащению всего комплекса природных условий за счет увеличения площади зеленых насаждений в 1,5 раза, обводнения рек и создания новых водоемов [Лесопарковый защитный пояс, 1971].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для выработки единой природоохранной политики, координации деятельности и контроля за

их реализацией в марте 1973 года при Мосгорисполкоме был создан Московский межведомственный научно-технический совет по проблемам усиления охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов в городе Москве и лесопарковом защитном поясе. В 1975 году Моссоветом была Утверждена Генеральная схема озеленения Москвы, которая констатировала отступления от положений и показателей Генерального плана 1971 года. С 1975 года природные территории стали предметом особой охраны. С 1973–1975 годов изменилось функциональное назначение территории парка Лосиный остров: были снижены общие рекреационные нагрузки, сохранялись все существенные болота и акватории, был поставлен вопрос о выводе зоны массового отдыха с территории Алексеевской рощи – уникального соснового бора, посаженного в конце XVII в. [Пичуков, 1984]. Позднее, в 1983 году этому природному парку был придан статус Государственного природного национального парка Лосиный остров.

В условиях неупорядоченного и гипертрофированного развития градостроительной структуры ядра Московской агломерации, в условиях мощного «антропогенного пресса» природные комплексы имели неопределимое экологическое и градостроительное значение. Остается проблема территориальной экспансии на природные территории Подмосковья, их «эрозия изнутри». Территория лесопаркового пояса зачастую продолжает рассматриваться в качестве земельных ресурсов для размещения различной застройки. На протяжении 1970–1980-х годов продолжался процесс территориального развития городской застройки в виде «расползания» единого пятна, с выходом за МКАД. Новые здания возникали, вторгаясь в пределы лесопаркового защитного пояса.

Лесопарковый защитный пояс Москвы показывает различные стороны взаимоотношений человека, города и природы. Природоохранные проблемы сложны и многоаспектны. Только на основе комплексного подхода в рамках градостроительной деятельности как синтезирующей совместными усилиями разных хозяйственных и административных структур, задействованных и заинтересованных сторон возможно сохранить хрупкую природную среду в крупнейшем городе и его агломерации. Для общества спасительно и необходимо осознать всю остроту природоохранных проблем и взять на себя ответственность за их практическое решение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каменский В. А. Пригородные зоны крупных городов. Л.: Государственное издательство по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1963.
2. Вергунов А., Горохов В. «Лосиный остров»: проблемы национального парка // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 9. С. 20–22.
3. Бахтина И. К. И жизнь природы там слышна // Архитектура и строительство Москвы. 1985. № 7. С. 30–34.
4. Вергунов А., Горохов В. Город и природа // Архитектура и строительство Москвы. 1984. № 11. С. 8–11.
5. Пичуков В. К. Подлежит выводу // Архитектура и строительство Москвы. 1984. №11. С. 12.
6. Бирюков И. Г. Города лесопарковой зоны – ворота столицы // Архитектура и строительство Москвы. 1984. № 4. С. 23–25.
7. Лесопарковый защитный пояс и система отдыха населения // Архитектура и строительство Москвы. 1971. №7–8. С. 57–60.

REFERENCES

1. Kamensky, V. A. (1963). Prigorodnye zony krupnyh gorodov = Suburban areas of large cities. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo po stroitel'stvu, arkhitekture i stroitel'nym materialam. (In Russ.)
2. Vergunov, A. P., Gorokhov V.A. (1987). «Losinyj ostrov»: problemy nacional'nogo parka = “Losiny Ostrov”: problems of the National Park. Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy 9, 20–22. (In Russ.)
3. Bakhtina, I. K. (1985). I zhizn' prirody tam slyshna = And the life of nature is heard there. Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 7, 30–34. (In Russ.)
4. Vergunov, A. P., Gorokhov, V. A. (1984). Gorod i priroda = City and nature. Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 11, 8–11. (In Russ.)
5. Pichukov, V. K. (1984). Podlezhit vyvodu = Subject to withdrawal Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 11, 12. (In Russ.)
6. Biryukov, I. G. (1984). Goroda lesoparkovoj zony – vorota stolicy = Cities of the forest park zone – gates of the capital. Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 4, 23–25. (In Russ.)
7. Lesoparkovyy zashchitnyy poynas i sistema otdyha naseleniya (1971) = Forest park protective belt and public recreation system. Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 7–8, 57–60. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры исторических наук и архивоведения
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorlov Vladimir Nikolaevich

Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies
Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	04.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	09.06.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 94(47):356/359(47)

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_65



Опыт борьбы войск ВОХР–ВНУС с бандитизмом на территории Украины в годы Гражданской войны

Г. Е. Забродченко¹, А. А. Климов²

¹Центральный музей войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия
gen22069@yandex.ru

²Научно-исследовательский институт (военной истории) ВАГШ ВС РФ, Москва, Россия,
andrey_klimov1968@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт борьбы Войск военнизированной охраны (ВОХР) и Войска внутренней службы Республики (ВНУС) с повстанческими и бандитскими формированиями на территории Украины в период Гражданской войны. Особое внимание уделяется вооруженной борьбе с бандитизмом и охране тыла Красной армии. На основе архивных документов и документальных источников показаны характерные примеры служебно-боевой деятельности личного состава войск правопорядка против антисоветского движения, украинских бандформирований и основные способы применения войск ВОХР–ВНУС для обеспечения общественной безопасности в регионе.

Ключевые слова: Гражданская война, Украина, войска ВОХР–ВНУС, бандформирования, вооруженная борьба, безопасность

Для цитирования: Забродченко Г. Е., Климов А. А. Опыт борьбы войск ВОХР–ВНУС с бандитизмом на территории Украины в годы Гражданской войны // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 65–70. DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_65

Original article

The Experience of the VOHR–VNUS Troops Fighting Banditry on the Territory of Ukraine during the Civil War

Gennady E. Zabrodchenko¹, Andrey A. Klimov²

¹Central Museum of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, gen22069@yandex.ru

²Research institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia, anrey_klimov1968@mail.ru

Abstract. The article examines the historical experience of the VOHR–VNUS troops with insurgent and bandit manifestations on the territory of Ukraine during the Civil War. Special attention is paid to the armed struggle against banditry and the protection of the rear of the Red Army. On the basis of archival documents and documentary sources, characteristic examples of the service and combat activities of the personnel of the law enforcement forces against the anti-Soviet movement, Ukrainian gangs and the main ways of using the troops of the Armed Forces to ensure public security in the region are shown.

Keywords: Civil war, Ukraine, VOHR–VNUS troops, gangs, armed struggle, security.

For citation: Zabrodchenko, G. E., Klimov, A. A. The experience of the struggle of the VOHR–VNUS Troops with Banditry on the Territory of Ukraine during the Civil War. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 65–70. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_65

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях развития Российского государства возникают новые вызовы и угрозы в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности. Поэтому на основе осмысления исторического опыта требуется выработка новых подходов к строительству, развитию, применению сил обеспечения внутренней безопасности.

В период становления первого в мире пролетарского государства, возникшего в результате Октябрьской революции 1917 года, за обеспечение государственной и общественной безопасности отвечали милицеские формирования: Красная гвардия, народная милиция, группы самообороны и другие временные формирования.

В 1918 году для недопущения дезорганизации обороны Советской республики во время Гражданской войны возникла необходимость создания специальных войск как для обеспечения безопасности тыла страны, так и для вооруженного подавления контрреволюционных выступлений. С этой целью создавались вооруженные отряды различных наркоматов и ведомств РСФСР.

Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 28 мая 1919 года все вспомогательные войска, выполнявшие различные виды охраны, были реорганизованы в войска внутренней охраны Республики (ВОХР) и переданы в подчинение Наркомата внутренних дел (НКВД) РСФСР¹.

ПРОВЕДЕНИЕ БОРЬБЫ С БАНДФОРМИРОВАНИЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ УКРАИНЫ

В начале 1920 года в связи с осложнившейся оперативной обстановкой на территории Украины обеспечение внутреннего порядка и общественной безопасности, в том числе охрана и оборона особо важных государственных объектов, возлагалась на войска внутренней охраны Республики. Общее руководство этими войсками сохранялось за командованием войск ВОХР НКВД РСФСР.

Командованием войск в 1920 году из регионов Сибири и центральных губерний РСФСР на Украину в срочном порядке перебрасывались воинские части войск ВОХР. Начальник войск ВОХР В.С. Корнев лично проверял боеготовность отправляемых для борьбы с бандитизмом воинских частей. Интересен факт, что 10 июня 1920 г. смотр

готовности войск ВОХР был проведен на Красной площади в г. Москве².

Для скорейшей ликвидации угрозы политического саботажа, бандитизма и дезертирства на территории Украины в марте – мае 1920 года в составе Западного и Юго-Западного фронтов создавались управления начальников тыла фронтов.

В июне 1920 года командующие войсками Западного и Юго-западного фронтов утвердили «Положение по учреждению должности начальника тыла фронта». В результате выполнения данного Положения, для ликвидации политического бандитизма и дезертирства на территории Украины, в июне 1920 г. была образована совершенно новая система вооруженных и административных органов, которая имела четкую организационную структуру, распределение функций и полномочий, которая функционировала без изменений до конца 1920 г. Командованием войск на Украину для вооруженной борьбы с бандитизмом и охраны тыла Красной Армии было откомандировано 28 тыс. бойцов войск ВОХР³.

Весна и лето 1920 года были одним из самых сложных периодов Гражданской войны в России. В ходе неудачно завершившегося «Польского похода» (советско-польской войны) и наступления польских войск на Украине «...вся Украина превратилась в кипящий котел. Вспышки восстаний – повсеместны» – докладывал посланный на Украину по поручению Политбюро ЦК РКП(б) для изучения дел на месте нарком внутренних дел РСФСР Ф.Э. Дзержинский.

Для наведения порядка на Украине, 29 мая 1920 года Ф.Э. Дзержинский был назначен начальником тыла Юго-Западного фронта. По его распоряжению летом 1920 года на Украине была создана группировка войск ВОХР, численностью около 50 тыс. человек с бронеавтомобилями и звеном самолетов, которая немедленно приступила к ликвидации бандитизма⁴.

Кроме того, в соответствии с указаниями Ф.Э. Дзержинского на Украине был проведен целый комплекс военно-политических мероприятий, были переброшены лучшие воинские части войск ВОХР для ликвидации отдельных банд, а для большей мобильности созданы маневренные группы.

Войска охраны тыла действовали в непосредственном взаимодействии с местными партийными и советскими органами и пользовались поддержкой населения. Например, примечателен

¹ ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-383. Оп. 10. Д. 1. 302об.

² РГВА – Российский государственный военный архив. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1396. Л. 455об.

³ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1010. Л. 6-7.

⁴ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1629. Л. 287

тот факт, что 18–23 октября 1920 года на I Всеукраинском съезде комитетов «незamoжных» селян, была принята резолюция, которая призвала сельских жителей Украины вступать в ряды войск правопорядка для оказания отпора бандитам [Внутренние войска, 1972].

В боях приобретался опыт, который позволил выработать тактику борьбы с бандитизмом на Украине. Для ограждения населения от бандитских налетов применялась гарнизонная система использования войск. Для преследования и уничтожения банд создавались летучие отряды, в которых основная роль отводилась кавалерии и пехоте, посаженной на тачанки. На наиболее вероятных и опасных участках появления бандитов были организованы заслоны.

Борьба с бандитизмом на территории Украины осуществлялась в полном объеме. Она велась как с отдельными бандитскими группами, так и с бандформированиями уровня Н. И. Махно, который контролировал отдельные районы Украины. Например, для преследования банд Н. И. Махно была создана подвижная ударная группа в составе 195-й бригады войск ВОХР, имевшая в своей структуре броневые автомобили и полевую артиллерию¹.

Для борьбы с бандами махновцев создавались сводные отряды из различных сил, включая конницу и бронепоезда. Действуя вместе с воинскими частями Красной армии, отличились 82-я бригада войск ВОХР, Донецкая дивизия войск ВЧК, отдельный кавалерийский полк 8-й стрелковой дивизии, входящий в группу В. С. Нестеровича (завершившую разгром банд Н. И. Махно), другие воинские части и соединения.

Например, в выписке из приказа командования войск № 1085/оп от 2 июня 1920 года указывалось о ликвидации в районе станции Луговая отдельной банды Н.И. Махно, которая состояла «...500 сабель, 100 штыков и 3 орудия»².

В приказе № 1482/оп от 27 июня 1920 года указывалось на применение Чаплинской маневренной группы в целях, чтобы «... преследовать банду Махно по пятам, стараясь разбить ее или направить и натолкнуть на 82-ю бригаду ВОХР»³.

В короткое время бандформирования Н. И. Махно на Украине были разгромлены. Не стоит забывать, что популярность банд Н. И. Махно являлась продуктом общественного мнения, а на самом деле на Украине было много других крупных банд. Например, в докладе командования Донецкой дивизии войск ВЧК в управление войск ВЧК Украины

о борьбе с бандитизмом указывалось, что «...такие крупные бандиты как Махно, Савонов, Белаш-Куриленко, Фома Кожа, Каменюк, Золотой Зуб, Погорелов, Громов, Милющенко, Шнипко-Сыроватский, Жугин, Данченко, Маслаков-Сычев, Жорж Бабицкий и другие, оперировали со своими шайками на территории губернии, причем численность отдельных банд, как, например, Каменюка, достигала до 600 сабель, 200 штыков, двух орудий и 15 пулеметов»⁴.

Командованием войск правопорядка в целях обеспечения общественной безопасности на Украине ставились задачи: «1) ...усилить охрану наиболее важных узлов станций и важнейших железнодорожных сооружений, учитывая наиболее вероятные направления действий белогвардейских банд; 2) Выделить небольшие, но вполне боеспособные резервные отряды, которыми оперировать против отдельных мелких банд; 3) Установить теснейшую связь с полевыми войсками, органами ЧК, особотделами, исполкомами, ревкомками и парторганами. 4. Усилить агентурную и войсковую разведку, доводя до сведения высшего командования, и информировать полевые части»⁵.

На заседании Совета труда и обороны 23 июля 1920 года председатель Советского правительства В.И. Ленин сделал доклад «Об объединении всех тыловых войск Республики», а 1 сентября 1920 года Совет труда и обороны утверждает постановление «О создании войск внутренней службы». В соответствии с этим постановлением в состав войск внутренней службы (ВНУС) были включены: войска ВОХР, караульные войска, железнодорожная и водная милиция, другие войска. Войска ВНУС были подчинены НКВД РСФСР.

В результате реорганизации все виды ведомственной охраны войск были сведены в одну войсковую структуру. Такое решение в условиях Гражданской войны было оптимальным. Оно позволило существенно повысить боеспособность, уровень вооружения, материального и продовольственного снабжения всех воинских частей, которые вошли в структуру ВНУС. Формирование и укомплектование ВНУС в отличие от ранее существовавших войск внутренней охраны Республики осуществлялось на основании обязательной воинской повинности. Общая численность ВНУС на 1 ноября 1920 года составила более 305 тыс. человек [Алексенцев, 1971].

Организация территориальных войск ВНУС принципиально не отличалась от войск ВОХР. Все войска ВНУС делились по назначению на следующие формирования: фронтовые, железнодорожные, водные, продовольственные и отдельные

¹ РГВА. Ф. 642. Оп. 1. Д. 32. Л. 116.

² РГВА. Ф. 642. Оп. 1. Д. 76. Л. 278

³ РГВА. Ф. 642. Оп. 1. Д. 32. Л. 200

⁴ РГВА. Ф. 16014. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-9

⁵ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 372. Л. 30

батальоны при губернских ЧК. Войска ВНУС фронтового назначения выполняли задачи по обеспечению охраны тыла фронтов Красной армии, включая вооруженную охрану штабных и тыловых учреждений, складов и военных объектов; ликвидацию вооруженных банд; разоружение и задержание дезертиров; вооруженное подавление антисоветских восстаний и бунтов во фронтовой и прифронтовой полосе. Как правило, охрану тыла фронтовой армии обеспечивала бригада ВНУС, а охрану тыла всего фронта обеспечивали от 3 до 5 бригад войск ВНУС.

Организационная система ВНУС строилась таким образом, что на фронте (в отдельной армии, военном округе) формировалось управление войск ВНУС и создавались войсковые формирования. Оперативно они подчинялись соответствующему командованию Красной армии.

Свои особенности имела организация войск ВНУС на Украине, где постановлением Совета труда и обороны от 6 декабря 1920 года означенная организация была полностью подчинена уполномоченному РСФСР на Украине и командующему Южным фронтом М. В. Фрунзе. В документе было постулировано, что «...очищение Украины от бандитизма и тем самым обеспечение в ней устойчивого советского режима является вопросом жизни и смерти для Советской Украины и вопросом исключительной важности для всей советской федерации и ее международного положения, а сама борьба с бандитизмом представляет большую и самостоятельную стратегическую задачу» [Внутренние войска, 1972, с. 239].

У Советского государства было достаточно сил, чтобы сравнительно быстро покончить с бандитизмом, но очень много сил уходило на отражение внешних угроз и интервенции. Как отмечалось в материалах XI съезда РКП(б), только 1922 год «... это был первый год, прошедший без вооруженной интервенции, без нападений на нас капиталистических государств» [Протоколы, 1936, с. 3]. До этого войска ВОХР и ВНУС постоянно использовались в качестве военной силы на фронтах Гражданской войны, в том числе и на территории Украины.

Только за пять месяцев, с 1 апреля по 1 сентября 1920 года на Западный фронт для борьбы с бандитизмом было направлено более 7 тыс. бойцов войск ВОХР – ВНУС. Из бойцов и командиров воинских частей, прибывших на Западный фронт, в августе 1920 года была сформирована дивизия войск ВНУС численностью в 6042 человека при 39 пулеметах и 4 орудиях¹.

¹ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1629. Л. 287-288

В 1921 году, по разным данным, бандитизмом занималось не менее 1 млн человек, которые бесчинствовали на территории Украины, Белоруссии, Поволжья в частности Тамбовской губернии, Северного Кавказа, Сибири и Урала. Остро стоял вопрос снижения напряженности и установления мира в регионах страны.

В документах Советского правительства отмечалось, что «...банды, состоящие из кулаков, остатков белогвардейцев, изменников, дезертиров и уголовников, возглавляемые, как правило, бывшими офицерами, питаемые контрреволюционным эсеро-меньшевистским, анархическим подпольем и поддерживаемые из-за рубежа, терроризировали население, проводили насильственную мобилизацию крестьян, грабили, убивали, срывали хлебозаготовки, разрушали транспорт, наносили огромный ущерб стране» [Внутренние войска, 1972, с.17].

С 27 января 1921 года в РСФСР начала работу Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом. В докладе командования войск в Реввоенсовет Советской республики о состоянии борьбы с бандитизмом говорилось, что «...появившиеся и действующие на территории Республики банды по своему характеру можно разделить на три части:

- 1) банды местного происхождения, которые встречают не только сочувствие местного населения, но и комплектуются из его состава;
- 2) банды, возглавляемые отдельными бандитами (восставшие начальники и т. д.), которые не пользуются сочувствием широких слоев населения того района, в котором они оперируют;
- 3) мелкие банды, имеющие целью единственно наживу.

Первый вид банд наиболее серьезен, и борьба с ним требует большей планомерности и напряженности².

Кроме того, на Украине существовало много мелких банд, не имевших определенной политической окраски, организовавшихся по разным причинам с целью грабежа и наживы. Борьба с такими, мелкими и малочисленными бандами, имеющими целью разбой и наживу, поручалась в основном отрядам, выделяемым из состава воинских частей ВОХР – ВНУС.

Например, из оперативно-разведывательной сводки штаба войск ВОХР № 164 от 24 июня 1920 года следует, что в Харьковском секторе ВОХР в разных районах были проведены мероприятия:

² РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 389. Л. 51-54

в Ахтырском районе «...каратотрядом обстрелян лес, прилегающий к Котелеве (25 верст южнее Ахтырки), где оперируют отдельные кучки бандитов», в Советградском районе «...для предупреждения восстания и разоружения населения в районе с. Казанка высланы бронепоезд № 92, отряд 74-го железно-дорожного батальона и первый заградотряд», в Золотоношском районе «...в районе с. Глемизова рассеяна банда численностью 60 человек, причем один из предводителей Беленький убит» [Берелович, 2000, с. 266].

У сельского населения Украины в период боевых действий и отступления австро-венгерских войск во время Первой мировой войны скопилось большое количество оружия, которое вследствие недостаточной организованности местных властей, попало в руки контрреволюционных и уголовных элементов; они составляли основу бандформирований. В связи с этим одной из первейших задач войск ВОХР–ВНУС на Украине было изъятие оружия у антисоветских и уголовных элементов.

Кроме того, важнейшей задачей, выполняемой личным составом войск ВОХР–ВНУС на Украине, была задача охраны угольного производства на Донбассе от проявлений бандитизма.

Например, в директиве командования войск командующему всеми вооруженными силами на Украине о выделении воинских частей для охраны угольного производства в Донбассе №918/оп от 19 февраля 1921 года указывалось, что «... для охраны угольного производства в Донбассе и сопровождения угольных эшелонов приказываю немедленно передать в полное распоряжение наркомвнудел т. Дзержинского следующие части: сводную бригаду ВНУС (в Донбасс), 4 бригаду ВНУС, два полка Особой бригады (бывшей 2 Особой армии), идущей в Донбасс, батальон особого назначения, находящийся в Донбассе, и из бригады ВНУС Киевского военного округа выделить 5 батальонов и штабриг. Всего должно быть выделено 4 штаба бригады и 30 батальонов»¹

Именно эти воинские части войск правопорядка привлекались в случае необходимости для ликвидации банд и восстаний на территории Украины. Из «Краткого обзора положения на Украине» (по материалам и сведениям особого отдела Юго-Западного фронта на 15–30 апреля 1921 г.), следует: «...Украина переживает в настоящее время очередную волну восстаний... Собственно колыбелью восстаний является губ. Киевская и Екатеринославская, и только там восстания носят организованный характер. В остальных губерниях восстания носят заносный из соседних

губерний характер и прочных корней не имеют... В первой орудуют почти исключительно махновцы, во второй – профессиональные повстанцы петлюровско-самостийницкой окраски, причем в каждом почти уезде имеется свой атаман... Только правильными военными действиями можно подавить на Украине партизанщину и особым отделам необходимо развить максимум энергии в смысле осведомления о составе и численности, расположении и планах партизан»²

Конечно, в разгроме наиболее крупных бандитских вооруженных формирований на территории Украины основную роль сыграли высвободившиеся с фронта войска Красной армии, но их привлечение сочеталось с максимальным использованием войск ВОХР–ВНУС. Например, из протокола № 32 заседания комиссии по борьбе с бандитизмом «О возложении задач по борьбе с мелкими бандами на войска ВЧК и милицию» от 13 ноября 1921 г. следует, что «...комиссия по борьбе с бандитизмом считает совершенно неправильным большое количество войск, занятых в данный момент по прямой борьбе с бандитизмом, так как нынешнее состояние бандитизма отнюдь не требует этого количества войск. Предлагается Главкому совместно с ВЧК в трехдневный срок принять меры к сокращению количества войск и к фактическому возложению борьбы с мелким бандитизмом на войска ВЧК и милицию»³.

Советское правительство уделяло особое внимание проведению разъяснительной работы среди населения Украины. Войскам ВОХР–ВНУС предписывалось вести просветительскую и агитационную работу среди крестьянских масс на территории Украины. Например, согласно циркуляру Политуправления войск ВОХР комиссарам бригад предписывалось: «Наряду с непосредственными задачами войск ВОХР – реализацией урожая, подавлением белогвардейских и кулацких восстаний, охраной жел. дор. путей и т. д., на обязанности их лежит развитие крестьянского населения в местах расквартирования наших частей в духе коммунизма и укрепления в нем классового самосознания...

Для успешного проведения в жизнь настоящего циркуляра надлежит обратить особое внимание на организацию изб-читален, где силами политпросветработников из красноармейцев должны вестись чтения газет, собеседования о текущем моменте и на др. темы; кроме того, необходимо привлекать местных жителей на все лекции, митинги, спектакли, концерты и т.п., устраиваемые в бригаде»⁴

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 48-49

³ РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 330. Л. 130

⁴ РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 518. Л. 12

¹ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 531. Л. 83

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из важнейших задач войск ВОХР–ВНУС на Украине была борьба с повстанческими и бандитскими проявлениями, обеспечение общественной безопасности в регионе.

Войска ВОХР–ВНУС приняли активное участие в Гражданской войне и внесли существенный вклад в ее победное окончание. Совместными усилиями с Красной армией, советскими и партийными органами были созданы условия прекращения вооруженного сопротивления, проведены

мероприятия, способствовавшие отмене продразверстки, что в совокупности положило конец колебаниям крестьянского населения Украины и привело к окончательному разгрому бандформирований и ликвидации прочих проявлений антисоветского политического бандитизма.

Можно уверенно утверждать, что применение войск ВОХР–ВНУС на территории Украины способствовало искоренению политического бандитизма и сепаратизма, что, в свою очередь, обеспечило скорейшее завершение Гражданской войны на территории Советской республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Внутренние войска Советской республики (1917–1922 гг.). Документы и материалы. М.: Воениздат, 1972.
2. Алексенцев А. И. Вооруженная защита тыла страны 1918–1920 гг. // История СССР. 1971. № 6. С. 106–121.
3. Протоколы съездов и конференций ВКП(б). Одиннадцатый съезд РКП(б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
4. Берелович А., Данилов В. Документы и материалы: в 4-х томах. 1918–1922. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939.

REFERENCES

1. Vnytrenie voiska Sovetskoy Respyblik (1917–1922) = Internal Troops of the Soviet Republic (1917–1922) (1972). Documenty i materialy. Moscow: Voenizdat. (in Russ.)
2. Aleksentsev, A. I. (1971) Voorugennay zathita tula strany 1918–1920 = Armed defense of the rear of the country 1918–1920. Istoriya SSSR, 6, 121. (in Russ.)
3. Protocoly siezdov i konferenzi VKP(b). Odinnadziy sized RKP(b) = Protocols of congresses and conferences of the CPSU(b). Eleventh Congress of the RCP(b) (1936). Moscow: Partizdat GK VKPB (b). (in Russ.)
4. Berelovich, A., Danilov, V. (2000) Sovetskay derevny glazami CHEKA – OGPU – NKVD. 1918–1939 = The Soviet village through the eyes of the Cheka – OGPU – NKVD. 1918–1939. Documenty i materialy: v 4 tomakh. Vol 1. 1918–1922. Moscow: ROSSPEN. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забродченко Геннадий Евгеньевич

кандидат исторических наук

ученый секретарь Центрального музея войск национальной гвардии Российской Федерации

Климов Андрей Алексеевич

доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zabrodchenko Gennady Evgenievich

PhD (History), Scientific Secretary of the Central Museum of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Klimov Andrey Alekseevich

Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor, Senior researcher at the Research institute (military history) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.04.2023
24.04.2023
12.05.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_71



Внешняя политика Австрии при Себастьяне Курце (2013–2021 годы): страна диалога

И. Н. Новикова¹, А. Н. Смирнова²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹*i.novikova@spbu.ru*

²*st076151@student.spbu.ru*

Аннотация. В статье анализируется внешняя политика Австрии при Себастьяне Курце – министре иностранных дел, затем канцлере республики в 2013–2021 годы. Рассматривается роль Вены в качестве дипломатической столицы, участие Австрии в европейской политике, «особая позиция» Курца по вопросам внешней политики. Особое внимание уделяется российскому вектору внешней политики С. Курца.

Ключевые слова: Австрия, Европейский союз, Россия, Себастьян Курц, австрийская дипломатия

Для цитирования: Новикова И. Н., Смирнова А. Н. Внешняя политика Австрии при Себастьяне Курце (2013–2021 годы): страна диалога // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 71–78. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_71

Original article

Austrian Foreign Policy under the Rule of Sebastian Kurz (2013–2021): a Country of Dialogue

Irina N. Novikova¹, Anastasia N. Smirnova²

^{1,2}Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹*i.novikova@spbu.ru*

²*st076151@student.spbu.ru*

Abstract. This article analyzes the Austrian foreign policy under the rule of Sebastian Kurz, the former Minister of Foreign Affairs and then Chancellor of the Republic in 2013–2021. It examines the role of Vienna as a diplomatic capital, Austria's participation in European politics, Kurz's "special position" on many foreign policy's issues. Special attention is paid to the Russian vector of S. Kurz's foreign policy.

Keywords: Austria, European Union, Russia, Sebastian Kurz, Austrian diplomacy

For citation: Novikova, I. N., Smirnova, A. N. (2023). Austrian Foreign Policy under the rule of Sebastian Kurz (2013–2021): a country of dialogue. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 71–78. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_71

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении десятилетий Вена имела репутацию дипломатической столицы Европы. Внешняя политика Второй Австрийской республики базировалась на принципе активного нейтралитета. Данная позиция Второй Австрийской республики позволяла ей играть роль посредника в период холодной войны. После ее окончания перед Австрией открылись перспективы дальнейшей активизации внешней политики, чему способствовало географическое положение, экономические ресурсы и нейтральный статус. Однако после вступления страны в Европейский союз в 1995 году наступил длительный период затишья [Белинский, 2021]. По мнению политолога Х. Крамера, его причиной стал «глубокий провинциализм» австрийской политической элиты, проявляющийся в ее интересе исключительно к внутривнутриполитическим, в частности, внутривнутрипартийным делам при сознательном пренебрежении международными отношениями [Kramer, 2013, с. 46]. Такое положение не позволяло в полной мере задействовать потенциал Австрии для решения общеевропейских задач и не способствовало повышению авторитета на международной арене.

Ситуация стала меняться в 2010-х годах с приходом в МИД Себастьяна Курца, которого называли в прессе не иначе как «молодой Меттерних» (*Kurier*, 16.01.2014). Его курс на активизацию австрийской внешней политики интересен, в первую очередь, потому что Австрийская республика в этот период исторического времени представляла собой пример активной внешней политики малой страны, возможности которой влиять на общеевропейский курс и играть самостоятельную роль в международных отношениях довольно ограничены. Они весьма незначительны по сравнению, например, с возможностями соседней Германии. Данное обстоятельство, в свою очередь, позволяет выявить и оценить трансформацию австрийской внешней политики и повышение ее роли в международных отношениях в Европе и в мире.

Внешняя политика современной Австрии привлекает исследователей. Так, В. Швейцер, А. Качалова, В. Трухачев рассматривают в своих трудах различные направления внешней политики Австрии в XXI веке [Швейцер, 2019; Качалова, 2020; Трухачев, 2021]. В. Корнев уделяет внимание российскому направлению внешней политики Альпийской республики [Корнеев, 2019]. Позиции Австрии по вопросу европейской интеграции рассматриваются в статье В. Васильева [Васильев, 2019]. Тем не менее Австрия XXI века все еще остается в российском научном дискурсе

сравнительно малоизученной страной, и внешнеполитические аспекты жизни означенной страны не являются исключением.

Цель данной статьи – выявить отличительные черты австрийского внешнеполитического курса в 2013–2021 годы на протяжении которых министром иностранных дел, а затем и канцлером был Себастьян Курц. Целесообразно выделить основные направления внешней политики Курца и изучить деятельность страны на каждом из этих направлений, уделив особое внимание российско-австрийским отношениям.

АВСТРИЯ В ЕВРОПЕ И В МИРЕ: РЕНЕССАНС ВЕНЫ КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СТОЛИЦЫ

Одной из основных тенденций внешней политики Австрии в период, когда Себастьян Курц был министром иностранных дел, а затем и канцлером, стало стремление правящих структур вернуть Вене международный престиж города-мироотворца и статус дипломатической столицы. Так, в программе правительства на 2017–2022 годов отмечалось, что приверженность политике активного нейтралитета, поддержка инициатив в области разоружения и контроля над вооружениями остаются одним из приоритетов внешней политики страны [Zusammen für unser Österreich, 2017]. «У Австрии есть давняя традиция выступать в качестве места для диалога», отмечал С. Курц в ежегодном докладе МИД [Außen-Europapolitischer Bericht, 2014, с. 6]. «Пробуждение» австрийской дипломатии символизировали организованные Веной переговоры по иранской ядерной программе; они велись в 2014–2015 годы. Успех этой дипломатической встречи повысил вес Австрии в мировой политике и позже позволил ей выступить посредником в переговорах по сирийскому вопросу, что также можно записать в актив австрийской дипломатии. О намерении Курца поддерживать эту традицию свидетельствует и его инициатива о проведении в Вене российско-американского саммита, впервые озвученная во время председательства в ОБСЕ в 2017 году. Он также позиционировал Вену как территорию для переговоров между США и Ираном после убийства генерала Сулеймани. Концепция Вены как дипломатического «моста» в переговорах между различными странами была официально закреплена в правительственных декларациях 2017 и 2020 годов [Белинский, 2021]. Таким образом, австрийской дипломатии под началом Себастьяна Курца удалось вновь представить Вену как место для переговоров между странами Европы, Ближнего Востока и США по сложным вопросам.

Кроме того, в означенный период Австрия стала играть все более заметную роль в европейской политике. Представители правящей элиты во главе с Курцем подчеркивали, что Вена остается проевропейской страной и придерживается дальнейшего углубления европейской интеграции. В частности, будучи экспортно-ориентированной экономикой, Австрия выступала за дальнейшую экономическую интеграцию и усиление позиций ЕС в глобальной экономике. В программе председательства страны в Евросоюзе в качестве одной из приоритетных задач было выделено сотрудничество в рамках ВТО и ОЭСР в целях продвижения свободной торговли и инвестиций [Programme of the Austrian Presidency, 2018]. Другой сферой усиления общеевропейского сотрудничества для Австрии является внешняя политика и оборона. В свете похолодания американо-европейских отношений при Дональде Трампе Европа взяла курс на возрастающую независимость и повышение своего веса в глобальной политике, что Австрия в целом поддерживала. Так, присоединение к программе PESCO и запуск проекта «CBRN-Surveillance as a Service» свидетельствовали об усилении военно-технического сотрудничества Австрии с другими европейскими странами (*Bundesheer*. 12.11.2019). В программе «Европа, которая защищает», в свою очередь, уделялось много внимания необходимости укрепления общей внешней политики и политики безопасности ЕС, повышению роли Евросоюза в разрешении кризисов на Украине, в Сирии, Ливии и других странах, а также усилению сотрудничества с Африканским континентом, расширению связей с Азией [Programme of the Austrian Presidency, 2018].

«ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ» АВСТРИИ В ЕС: ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ КУРЦА?

В то же время Себастьян Курц предлагал реформировать ЕС, поскольку ставил под сомнение его эффективность в нынешнем виде. Предлагаемые им реформы, в первую очередь, касались излишней бюрократизации и подразумевали сокращение чиновничьего аппарата и парламентского корпуса ЕС [Васильев, 2019]. Другим существенным требованием Австрии к Европе стало возвращение к принципу субсидиарности. Евросоюзу делегируются задачи, требующие коллективных усилий (охрана границ, внешняя и оборонная политика, сотрудничество в сфере технологий и т. д.), тогда как основная масса вопросов должна решаться на более низких уровнях национальных правительств, регионов и муниципалитетов.

Субсидиарность была выделена как один из ключевых принципов в программе коалиционного правительства Австрийской народной партии (АНП) и Австрийской партии свободы (АПС) «Вместе. Для нашей Австрии» [Zusammen für unser Österreich, 2017]. Особого внимания также заслуживают идеи Курца о проведении общеевропейских референдумов, которые расширяли бы прямую демократию в ЕС, способствовали бы сокращению демократического дефицита и формированию общеевропейского общественного мнения [Васильев, 2019].

Курц не скрывал, что претендует на «особую позицию» Австрии в ЕС, и нередко шел против генеральной линии Брюсселя, если считал, что действует в австрийских интересах. Так, в 2020 году Австрия стала одной из стран «экономной четверки» (куда также вошли Швеция, Дания и Нидерланды), которые выступили решительно против германо-французской инициативы общего европейского долга в рамках помощи по восстановлению экономики после пандемии коронавируса (*Euro-topics*. 26.05.2020). Таким образом, позиция Себастьяна Курца по отношению к ЕС всегда была исключительно прагматичной. Курц охотно поддерживал общеевропейскую интеграцию в тех случаях, когда это было выгодно для Австрии, при этом нередко критикуя Евросоюз в его современной форме и отвергая проекты, несоответствующие австрийским интересам.

Другим проявлением «особой позиции» Австрии стал антитурецкий тренд во внешней политике. Себастьян Курц выступал против членства Турции в ЕС, указывая на проблемы с демократией и несоответствие критериям Евросоюза. Еще в 2016 году Курц попытался заблокировать переговоры о членстве Турции в ЕС, ссылаясь на репрессии Анкары после попытки государственного переворота. Однако тогда Курца проигнорировали, поскольку «миграционная сделка» с Реджепом Тайпом Эрдоганом имела большое значение для разрешения миграционного кризиса, и портить с ним отношения в ЕС не хотели (*Reuters*, 13.12.2016). В свою очередь, Курц критиковал «сделку», считая, что Эрдоган только вымогает средства и манипулирует мигрантами [Гасанов, 2021]. Однако уже в 2017 году, когда в Турции шла кампания за внесение изменений в конституцию, обеспечивших переход от парламентской к президентской республике, опасения Курца были поддержаны в ЕС. Впоследствии противоречия между ЕС и Эрдоганом нарастали: здесь и вопросы прав человека, и активизация турецкой внешней политики. В итоге точка зрения С. Курца возобладала: в 2019 году Европарламент проголосовал за отставку переговоров о вступлении Турции в ЕС.

«ЭКСПАНСИЯ» АВСТРИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ЮЖНОЕ И ВОСТОЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЯ

В то же время было бы несправедливо утверждать, что Австрия выступала против расширения ЕС в принципе. Так, особое место в ее внешней политике занимали Западные Балканы. Вена подчеркивала свою приверженность Берлинскому диалогу, направленному на сближение стран региона с ЕС с целью дальнейшей интеграции [Außen-Europapolitischer Bericht, 2019]. Для Австрии Балканы имеют особую значимость в силу исторических причин; она сохраняет достаточно сильное влияние на Балканах, выступая в роли покровителя и защитника молодых государств. Кроме того, географическое положение региона обусловило его стратегическую важность в период миграционного кризиса. Таким образом, удостоверено, что безопасность ЕС можно обеспечить только в сотрудничестве с балканскими странами. Значимость региона для стабильности и безопасности в Европе Австрия подчеркивала в программе председательства в ЕС [Programme of the Austrian Presidency, 2018]. Кроме того, для Вены вступление балканских государств в ЕС способствовало бы усилению ее позиций и ограничению влияния Турции в регионе.

Другим важным направлением внешней политики Австрии традиционно оставалось «Восточное партнерство». Этот проект изначально был для Вены приоритетным. Однако позже интерес Вены к нему снизился, возобновившись лишь после 2014 года в связи с началом конфликта на Украине. Тогда Курц дал понять, что «Восточное партнерство» остается приоритетом для Австрии, подчеркнув, что программа может способствовать стабилизации региона [Трухачев, 2021]. Вена оказалась глубоко вовлечена в урегулирование украинского кризиса, она нередко становилась площадкой для международных переговоров по Донбассу, австрийцы играли важную роль в ОБСЕ. В частности, особое внимание гуманитарным вопросам было уделено во время председательства Австрии в ОБСЕ в 2017 году [Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa, 2018]. В этот период Вена играла и заметную роль в установлении диалога с Беларусью: в 2019 году С. Курц стал одним из немногих лидеров ЕС, посетивших Минск. По активности австрийской дипломатии в этом регионе можно заметить, что для Вены диалог с Минском стал не просто выполнением задач «Восточного партнерства», а самоценным направлением внешней политики.

АВСТРО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИ С. КУРЦЕ: АВСТРИЯ КАК «МОСТ» МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Особый интерес представляет политика Австрии при Себастьяне Курце на российском направлении. О важности этого направления свидетельствует то, что в предвыборной программе правящей АНП 2017 года ему уделялось значительное внимание, делался акцент на необходимости сотрудничества с Москвой [Der neue Weg, 2017]. В условиях общего кризиса российско-европейских отношений Австрия занимала «особую позицию» по отношению к Москве и сохраняла принцип конструктивного диалога, что во многом противоречило общеевропейскому мейнстриму. С одной стороны, симпатии к Москве позволяли Курцу еще раз подчеркнуть независимость от Брюсселя [Шумилин, 2019] и готовность руководствоваться, в первую очередь, национальными интересами Австрии, а не европейской солидарностью. Так, основу для двустороннего сотрудничества всегда составляли экономические связи и энергетика, от которых Вена не спешила отказываться. С другой стороны, концепция «моста» между Востоком и Западом, которая легла в основу внешней политики Курца, предполагала, в том числе нормальные отношения с Россией [Белинский, 2021]. Так или иначе первую после занятия поста канцлера официальную поездку за пределы ЕС Курц предпринял именно в Москву, что символизировало желание активизировать сотрудничество и вывести его на новый уровень.

Став в 2018 году страной-председателем ЕС, Австрия вновь дала понять, что претендует на ключевую роль в нормализации отношений Россия-ЕС. Так, в программе «Европа, которая защищает» подчеркивалось, что Россия играет ключевую роль для безопасности и стабильности Европы и всего мира [Programme of the Austrian Presidency, 2018], а в своих интервью С. Курц заявлял, что считает Россию сверхдержавой и настаивает на необходимости ее участия в разрешении конфликтов на Украине, в Сирии и др. [Свечникова, 2019]. Такие заявления резко расходились с официальной риторикой Запада, что давало европейским политическим акторам повод для критики по адресу австрийского канцлера. Необходимо заметить, что именно с «русским следом» были связаны скандалы, с которыми Курц столкнулся на посту канцлера. К их числу относятся «Ибига-гейт», и так называемый «шпионский скандал». Он был инспирирован тем, что отставного австрийского полковника обвинили в шпионаже в пользу России. Однако тогда дело удалось «замять», а Вена выразила надежду на то, что инцидент не повлияет на российско-австрийские отношения

в долгосрочной перспективе [Корнеев, 2019]. Жесткие меры в отношении России, в частности, высылка дипломатов, не последовали и в связи с «делом Скрипалей». Логично прийти к заключению, что Курц постоянно стремился сохранить эксклюзивный для современного европейского истеблишмента канал сообщения с Кремлем, стараясь в то же время «сохранить лицо» и не идти на прямую конфронтацию с ЕС.

Российское направление было важным для Австрии не только по политическим, но и по экономическим причинам. В первую очередь, антироссийские санкции были невыгодны австрийской экономике. Так, австрийская *Die Presse* отмечала: «То, что происходит сейчас в отношениях между ЕС и РФ, нельзя назвать правильным, так как ЕС теряет одного из крупнейших рынков сбыта товаров в лице России» [цит. по: Шебанова, 2016, с. 92]. Сам Курц также заявлял в своем Twitter: «Американские санкции против России обременяют и предприятия Евросоюза. У Австрии есть явные сомнения относительно данного шага» [цит. по: Растворцева, 2018, с. 231]. Стремление к постепенному смягчению санкций также выражалось в его предвыборной программе 2017 года «Новый путь» [Der neue Weg, 2017]. Кроме того, Россия являлась вторым по объему инвестором в Австрии, а в России действовало около 500 австрийских компаний [Корнеев, 2019]. Важность поддержания и интенсификации экономических связей осознавали и в Москве, и в Вене, и на этом направлении двусторонних отношений удалось достичь значительных успехов. Так, торговый оборот, стагнировавший с 2014 года, начал резко расти в 2017 году с приходом Курца на пост канцлера. Были также подписаны договоры и соглашения, упрощающие сотрудничество в торгово-экономической сфере, например, об отмене двойного налогообложения сделок и др.

Интересным направлением российско-австрийского сотрудничества также являлся форум гражданских обществ «Сочинский диалог», инициатива создания которого была выдвинута в ходе визита В. В. Путина в Вену в 2018 году. В повестку форума входили такие сюжеты как культурные, образовательные, просветительские проекты, связи регионов, молодежные мероприятия, обмены и т. д. Для Австрии это стало возможностью, не нарушая введенных Евросоюзом, ограничений сохранить и углубить связи с Россией [Качалова, 2020]. О важности этой платформы для Вены свидетельствует то, что в 2020 году пункт о развитии «Сочинского диалога» был внесен в программу правительства.

Тем не менее было бы неверно называть Австрию «опорой России» в Европе. Во-первых,

экономическая заинтересованность Австрии в сотрудничестве с Россией имеет свои пределы. Несмотря на успешное развитие торговли, Россия так и не вошла в десятку крупнейших торговых партнеров Австрии. Во-вторых, между странами существовали внешнеполитические противоречия, в частности, интересы сталкиваются на Балканах. В-третьих, несмотря на пространство для маневра и способность занимать «особую позицию», возможности Австрии открыто противостоять официальной позиции ЕС довольно ограничены, что проявилось в позиции Вены по украинскому конфликту. Политика, направленная на активное посредничество Австрии между Россией и Западом, также не во всем достигла своих целей. Можно согласиться с Ф. Гади, по аналогии с Бруно Крайским характеризующим С. Курца как «человека, слишком большого для своей страны» (*Foreign Policy*. 09.07.2018). Действительно, амбициозные планы канцлера во многом оказались ограничены ресурсами малой европейской страны, не способной оказывать влияние на великие державы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика Австрии в рассматриваемый период была достаточно эффективной. Правительству Австрии удалось вернуть Вене статус дипломатической столицы и, используя возможности нейтрального статуса, повысить политический вес Австрии на международной арене за счет предоставления площадки для переговоров и посредничества. Австрия также включилась в процесс мирного урегулирования конфликта на Украине в рамках ОБСЕ, что подтверждало статус «страны диалога» и повышало значение страны в регионе «Восточного партнерства». Кроме того, при Курце Австрия обрела свой голос в процессе дальнейшей европейской интеграции, предложив свое видение будущего ЕС и заняв «особую позицию» по чувствительным для нее вопросам, нередко вступая в полемику с официальным Брюсселем. Курц также встал в авангарде антитурецкой политики, доказывая, что эрдогановской Турции не место в Евросоюзе, в конце концов, добившись пересмотра позиции ЕС по этому вопросу. Наконец, Австрия стала играть все более активную роль в процессе евроинтеграции Западных Балкан, усилив свои позиции в регионе. Что касается российского направления, то основой внешней политики Себастьяна Курца стала концепция «моста» между Востоком и Западом, и он явно намеревался сыграть не последнюю роль в нормализации отношений с нашей страной. Однако задача оказалась слишком сложной для лидера малой европейской страны, и особого прогресса

в данной сфере достичь не удалось, хотя двусторонние австро-российские отношения развивались достаточно динамично.

Стоит признать, что успехи австрийской внешней политики в рассматриваемый период не в последнюю очередь обусловлены личными амбициями и талантом самого Себастьяна Курца. Его яркая и стремительная политическая карьера действительно стала уникальным феноменом для Европы 2010-х годов. Он подтвердил на практике, что при умелом политическом лидерстве даже малая страна с ограниченными ресурсами сможет повысить свой политический вес и проводить самостоятельную политику, следуя своим национальным интересам. После его отставки в 2021 году и ухода из политики были опасения, что новое австрийское руководство рискует растерять накопленный за эти годы политический капитал и вновь погрузить австрийскую политику в «спячку», поскольку его преемники – более системные европейские политики-технократы, и вряд ли будут склонны к волевым решениям.

В то же время смена руководства в Австрии практически совпала с обострением украинского конфликта и началом российской специальной

военной операции, которая коренным образом изменила международную обстановку. С одной стороны, даже в таких сложных политических условиях австрийская дипломатия стремится сохранить имидж «честного маклера» и закрепить за собой роль посредника между странами. Об этом свидетельствует, например, визит канцлера Карла Нехаммера в Москву в апреле 2022 года (первый из лидеров государств ЕС, посетивших Москву после начала СВО), а также предложение о посредничестве на российско-украинских переговорах. С другой стороны, в связи с поляризацией Востока и Запада, в связи с обострением международной конфронтации у Австрии, несмотря на нейтралитет, безусловно принадлежащей к Западу, остается все меньше пространства для маневра. Для повышения же роли в урегулировании конфликта политического веса малой страны явно не хватает. Приходится признать, что по переговорному потенциалу Австрия в данной ситуации серьезно проигрывает другим странам, например, Турции. Таким образом, в 2022 году ренессанс австрийской дипломатии, который она переживала последнее десятилетие, вероятно, подошел к концу, и Вена вступает в новый этап, который представляется довольно туманным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Белинский А. «Исторический посредник между Западом и Востоком». С. Курц и «пробуждение» австрийской внешней политики // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. Вып. 61 (77). С. 9–15.
- Kramer H. Bleibt Österreichische Außenpolitik eine „Draußenpolitik“? Österreich muss mehr in seine internationale Politik investieren // International. Die Zeitschrift für internationale Politik. 2013. Issue 4 S. 49–54.
- Швейцер В. Накануне внеочередных выборов в парламент Австрии: подоплёка событий // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. Вып. 4. С. 11–14.
- Качалова А.В. Российско-австрийские отношения при канцлере С. Курце // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. Вып. 3 (25). С. 122–133.
- Трухачев В. Роль Австрии в программе ЕС «Восточное партнерство» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. Вып. 3. С. 104–115.
- Корнеев В.А. «Шпионский скандал» в Австрии в контексте развития российско-австрийских отношений // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. Вып. 4. С. 126–134.
- Васильев В. Реформы Евросоюза: концепции и действительность // Обозреватель-Observer. 2019. Вып. 7. С. 5–23.
- Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022 // Internet Archive. URL: <https://ia800601.us.archive.org/17/items/Regierungsprogramm/Regierungsprogramm.pdf>.
- Außen-Europapolitischer Bericht 2014. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußeres // Parlament Österreich. URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXV/III/220/imfname_491167.pdf.
- Programme of the Austrian Presidency 1 July – 31 December 2018 // Austrian Presidency of the Council of the European Union. URL: <https://www.eu2018.at/agenda-priorities/programme.html>.
- Гасанов К. Мал, да удал: как Курц превратил Австрию в заметного актора объединенной Европы // Российский совет по международным делам, 19.10.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mal-da-udal-kak-kurts-prevratil-avstriyu-v-zametnogo-aktora-obedinennoy-evropy/?sphrase_id=88153442.
- Außen-Europapolitischer Bericht 2019. Bericht des Bundesministers für europäische und internationale Angelegenheiten // Bundesministerium. Europäische und internationale Angelegenheiten. URL: https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Publikationen/AEPB/Aussen-_und_Europapolitischer_Bericht_2019.pdf.
- Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa. 2018. “OSZE-Jahresbericht 2017” // OSCE. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/9/384477.pdf>.

14. Der neue Weg. Das Programm der Liste Sebastian Kurz – die neue Volkspartei zur Nationalratswahl 2017 // Österreichische BauernZeitung. URL: https://bauernzeitung.at/wp-content/uploads/2017/09/Wahlprogramm_Teil3_Ordnung-und-Sicherheit.pdf.
15. Шумилин А. Европейский выбор: от падения Берлинской стены до Brexit // Научно-аналитический вестник Института Европы. 2019. Вып. 5. С. 4–9.
16. Свечникова С. В. Россия во взглядах немецких крайне правых политических сил: перспективы для российской внешней политики // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов VII Всероссийской конференции. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 166–173.
17. Шебанова Е. О. Россия-ЕС-Австрия: сотрудничество через призму СМИ // Панорама: научные труды Факультета международных отношений Воронежского государственного университета. 2016. Т. 24. С. 91–95.
18. Растворцева А. Отношение к самому молодому канцлеру Австрии Себастьяну Курцу в Германии и в России // Наука и просвещение: материалы Международной научно-практической конференции МЦНС. 2018. С. 230–232.

REFERENCES

1. Belinsky, A. (2021). «Istoricheskij posrednik mezhdu Zapadom i Vostokom». S. Kurz i «probuzhdeniE» avstrijskoj vneshej politiki = Historical intermediaty between West and East. S. Kurz and «awakening» of the Austrian foreign policy. *Evropejskaya bezopasnost': sobytiya, ocenki, prognozy*, 61(77), 9–15 (In Russ.)
2. Kramer, H. (2013). Bleibt Österreichische Außenpolitik eine „Draußenpolitik“? Österreich muss mehr in seine internationale Politik investieren. *International. Die Zeitschrift für internationale Politik*, 4, 49–54.
3. Shveicer, V. (2019). On the Eve of Extraordinary election in the parliament of Austria: a Background of the Events. *Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe RAS*, 4, 11–14 (In Russ.)
4. Kachalova, A. V. (2020). Russian-Austrian relations under chancellor S. Kurz. *Vestnik diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 3(25), 122–133. (In Russ.)
5. Truhachev, V. (2021). Austria's Role in the Eastern Partnership Program. *Vestnik of the Russian State Humanitarian University. Series "Eurasian studies. History. Politology. International Relations"*, 3, 104–115. (In Russ.)
6. Korneev, V. (2019). "Shpionskij skandal" v Avstrii v kontekste razvitiya rossijsko-avstrijskikh otnoshenij = "Spy scandal" in Austria in the context of development of the Russian-Austrian relationships. *Kazanskij vestnik molodykh uchenykh*, 3(4), 126–134.
7. Vasiliev, V. (2019) Vasil'ev V. Reformy Evrosoyuz: koncepcii i dejstvitel'nost' = Reforms of the European Union: concepts and realities. *Obozrevatel'-Observer*, 7, 5–23. (In Russ.)
8. Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017–2022. Internet Archive. <https://ia800601.us.archive.org/17/items/Regierungsprogramm/Regierungsprogramm.pdf>.
9. Außen-Europapolitischer Bericht 2014. Bericht des Bundesministers für Europa, Integration und Äußeres. Parlament Österreich. URL: https://www.parlament.gv.at/dokument/XXV/III/220/imfname_491167.pdf.
10. Programme of the Austrian Presidency 1 July – 31 December 2018 // Austrian Presidency of the Council of the European Union. <https://www.eu2018.at/agenda-priorities/programme.html>.
11. Gasanov, K. Mal, da udal: kak Kurz prevratil Avstriyu v zametnogo aktora ob'edinennoj Evropy=Small but feisty: how Kurz turned Austria into notable actor of the united Europe. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam*. 19.10.2021. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mal-da-udal-kak-kurts-prevratil-avstriyu-v-zametnogo-aktora-obedinennoj-evropy/?sphrase_id=88153442.
12. Außen-Europapolitischer Bericht 2019. Bericht des Bundesministers für europäische und internationale Angelegenheiten // Bundesministerium. Europäische und internationale Angelegenheiten. https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Publikationen/AEPB/Aussen-_und_Europapolitischer_Bericht_2019.pdf.
13. Organisation für Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa. 2018. "OSZE-Jahersbericht 2017". OSCE. <https://www.osce.org/files/f/documents/b/9/384477.pdf>
14. Der neue Weg. Das Programm der Liste Sebastian Kurz – die neue Volkspartei zur Nationalratswahl 2017. Österreichische BauernZeitung. https://bauernzeitung.at/wp-content/uploads/2017/09/Wahlprogramm_Teil3_Ordnung-und-Sicherheit.pdf.
15. Shumilin, A. (2019). The European choice: from the fall of the Berlin Wall to Brexit. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 5, 4–9. (In Russ.)
16. Svechnikova, S. (2019). Russia in the views of the german far right political forces: prospects for Russian foreign policy. *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'* (pp. 166–173). Samara: Samarskaya humanitarnaya akademiya. (In Russ.)
17. Shebanova, E. (2016) Rossiya-ES-Avstriya: sotrudnichestvo cherez prizmu SMI = Russia-EU-Austria: cooperation through the prism of mass media. *Panorama: nauchnye trudy Fakul'teta mezhdunarodnykh otnoshenij Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, 24, 91–95. (In Russ.)
18. Rastvorceva, A. (2018) Attitude to the the youngest Austrian Chancellor Sebastian Kurz in German and in Russia. In *Nauka i prosveshchenie* (pp. 230–232). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новикова Ирина Николаевна

доктор исторических наук, профессор
профессор кафедры европейских исследований, факультет международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

Смирнова Анастасия Николаевна

студент факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Novikova Irina Nikolaevna

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Professor of the Department of the European Studies of the School of International Relations
Saint Petersburg State University

Smirnova Anastasiia Nikolaevna

undergraduate student, School of International Relations
Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию	22.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	09.06.2023	accepted for publication



К вопросу о религиозных девиациях православного приходского духовенства пореформенного времени (на примере Казанской губернии)

А. А. Хохлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, kazan_molodezh@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ такого малоизученного в отечественной историографии явления, как религиозные отклонения в среде провинциального приходского духовенства. Учитывая тот факт, что степень погруженности сельского клира в среду его паствы была весьма значительной, логично было бы предположить, что народная религиозность, во всем ее многообразии, оказывала существенное влияние на характер ортодоксальности духовенства и каноничность его повседневного поведения. Однако архивные источники открывают несколько иную картину обозначенной проблемы.

Ключевые слова. религиозные девиации, духовенство, клир, паства, неканоническое поведение, религиозность, культура поведения

Для цитирования: Хохлов А. А. К вопросу о религиозных девиациях православного приходского духовенства пореформенного времени (на примере Казанской губернии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 79–86. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_79

Original article

On the Question of Religious Deviations of the Orthodox Parish Clergy of the Post-Reform Period (on the example of Kazan province)

Aleksandr A. Khokhlov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, kazan_molodezh@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of such a little-studied phenomenon in Russian historiography as religious deviations among the provincial parish clergy. Given the fact that the degree of immersion of the rural clergy in the environment of his flock was very significant, it would be logical to assume that popular religiosity, in all its diversity, had a significant impact on the nature of the orthodoxy of the clergy and the canonicity of their daily behavior. However, archival sources reveal a slightly different picture of the indicated problem.

Keywords. Religious deviations, clergy, flock, non-canonical behavior, religiosity, culture of behavior.

For citation: Khokhlov, A. A. (2023). On the question of religious deviations of the Orthodox Parish clergy of the Post-Reform Period (on the example of Kazan province). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 79–86. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_79

ВВЕДЕНИЕ

Многоликая религиозность населения России образца XIX – начала XX веков неоднократно становилась объектом пристального внимания историков, религиоведов, этнографов. Однако мало кто из исследователей задавался вопросом, насколько мировоззрение и религиозность духовенства, окормлявшего православную паству, испытывало на себе влияние традиций и практик последней, и, исходя из этого, соответствовала догматическим и каноническим положениям Православной церкви. Иными словами, как глубоко народные представления, обычаи и верования, да и сам образ жизни затрагивали религиозность клира; каким образом они коррелировали с его повседневным благочестием, а также какого рода факторы могли играть в вопросе религиозной дисциплинированности причтов заметную роль.

КУЛЬТУРНЫЙ ФОН

Не имеет смысла специально останавливаться на описании религиозного ландшафта Казанской губернии пореформенного времени. Данному вопросу посвящен внушительный пласт доступных широкому кругу источников и историко-этнографической литературы. Отметим только, что Урало-Поволжье в целом и Казанский регион в частности в этнокультурном плане представляли собой совокупность народов, ко второй половине XIX века уже в значительной степени христианизированных (за исключением татар-мусульман). Однако степень христианизации иноверцев в различалась в зависимости от местности. Русское население истари было носителем православной традиции и поэтому было сравнительно воцерковлено, тогда как у чувашей, марийцев, мордвы или удмуртов далеко не везде было окончательно предано забвению традиционное язычество во всевозможных его проявлениях. Результатом такого положения дел становились различные формы синкретической религиозности, что можно считать закономерным явлением в условиях сближения различных этнических групп [Этноконфессиональные меньшинства, 2010].

Впрочем, русские также не были свободны от стороннего культурного влияния. Так, в 1874 году на страницах «Известий по Казанской епархии» неким Ф. Земляничкиным была опубликована пространная заметка: «Несколько слов о влиянии черемисского общества на живущих в нем русских крестьян в религиозном отношении» [Известия по Казанской епархии, 1874, с. 204–206]. Сочинение предваряется пословицей «С волками

жить – по-волчьи выть» и раскрывает механизмы и фактуру религиозного взаимопроникновения в крае. «Неудивительно, – писал автор, – если новокрещенный татарин, живущий в одной деревне с некрещенными, уклоняется в мухамеданство, или православный русский, живущий вместе с раскольниками, переходит в раскол: здесь как тот, так и другой стушевываются в большинстве своих единоплеменников с одинаковыми с ними племенными и житейскими интересами, с одинаковыми привычками и умственным развитием» [Известия по Казанской епархии, 1874, с. 204].

Писатель сетовал, что русские в условиях многонационального окружения легко перенимают религиозные практики черемисов, которые по развитости религии стоят на несравненно более низкой ступени. В подтверждение своего тезиса Ф. Земляничкиный приводит занимательные факты. Так, в ряде местностей русские переставали работать в пятницу, начинали отмечать языческие праздники, охладевали к постам и т. д. Относительно их участия в жертвоприношениях у автора также имелись сведения. При этом приверженность «священным дням», бросалась в глаза наблюдателю особенно: «за празднование пятницы стоят крепко» [там же]. Дело доходило до того, что в отношении нарушителей этих нововведений могли последовать коллективные санкции вплоть до жестоких избиений и порчи имущества.

Схожий пример находим в другом месте. В 1869 году священник одной из казанских церквей Александр Алексеевский на страницах епархиальной печати делился воспоминаниями о начале своей службы в чувашском приходе. В центре повествования – давление прихожан на пастыря с целью принудить «вместе жить», т. е. к лояльности в вопросах соблюдения своих традиций, в том числе, религиозных. «Вместе жить значит: потакать, смотреть на все чувашские проказы сквозь пальцы, молчать, хотя бы они в виду твоём совершали идольские жертвы, а знать только, что собирать с них хлеб и деньги, и только», – сетовал клирик [Известия по Казанской епархии, 1869, с. 486]. Но сам священник Алексеевский упорно сопротивлялся. Не в пример своему диакону, не обременявшему себя подобного рода дилеммами, а ставившего во главу угла, прежде всего, безбедное и спокойное существование в окружении своей полуязыческой паствы. «Так вел себя у них любимый ими бацька отец дьякон. Он, бывало, о чем ни говорит с чувашиним, а в заключение непременно прикажет: ну, бича (братец), ничего: кире мет моли, только кожу нам неси; или, видя у чувашенина сына – подростка, скажет ему: мень туvas опле окся парм, венчать туvas; от лестных этих слов чувашенин делается сам не свой:

не знает, что делать пред диаконом, где посадить, как, чем угостить его» [Известия по Казанской епархии, 1869, с. 487]. Напротив, ортодоксальность отца Александра и его активная миссионерская позиция обернулись мстительностью со стороны прихожан и даже покушением на убийство. Таким образом, как видим, условия жизни духовенства нередко предопределяли противоречивый характер его отношения к тем или иным сторонам религиозной жизни прихода.

ФАКТУРА

Таков был общий фон проблемы. И тем не менее анализ архивных источников показывает, что в целом виде религиозных отклонений в среде епархиального приходского духовенства было крайне мало. Судя по всему, данный факт в целом укладывался в общероссийскую тенденцию [Никитин, 2021]. Религиозные девиации клира по большей части фигурируют в рамках случаев, связанных *со случайностями, недоразумениями, лживыми доносами, халатностью, финансовыми противоречиями и т.д.*, но практически никогда – с сознательным уклонением от православного вероучения под влиянием процессов, обозначенных выше. К примеру, в 1870 году обер-прокурор Синода Д. А. Толстой сообщал о распространенной в Казанской епархии практике отлучек духовенства в Казань по выходным дням и в канун церковных праздников [Известия по Казанской епархии, 1870]. Учитывая особенности транспортного сообщения в рассматриваемое время, такие поездки превращались в длительное путешествие. Закономерно, что в этих случаях паства оставалась без воскресной или праздничной литургии и сопутствующего духовного окормления. Однако такие нарушения вполне объяснимы – решение скапливавшихся приходских дел в епархиальном центре в дни, свободные от хозяйственных забот. Но обуславливались они, как видим, внешними обстоятельствами, не будучи детерминированы какими-либо мировоззренческими трансформациями в среде причтов¹.

Впрочем, другой пример представляется не столь однозначным. В 1874 году в селе Татмышеве в семье крестьян родился ребенок, довольно слабый здоровьем. Родители «страха ради смертного» и сообразно церковным предписаниям поспешили побыстрее окрестить младенца. Но приходской священник Александр Ясницкий не стал в тот день совершать таинство и наказал крестьянам прийти в следующее воскресенье. Однако ребенок вскоре

умер и крещение не состоялось. Такое отношение священника к церковному таинству вызвало возмущение родителей. Вскоре об инциденте стало известно епархиальному начальству, и отец Ясницкий был наказан заключением в монастырь.

Неизвестно, было ли поведение священника обусловлено слабым религиозным рвением или же за этим стояли причины иного плана: недомогание, занятость и т. п. Источники, к сожалению, об этом не сообщают. Однако отдельным представителям духовенства действительно было присуще поверхностное, нерадивое, а в ряде случаев, и кощунственное отношение к своим обязанностям². Так, в 1863 году настоятель храма села Багильдино Иоанн Акрамовский сообщал архиерею о предосудительном поведении в церкви диакона Артемия Десницкого. «Диакон во все продолжение времени совершавшегося таинственного служения, – писал священник, – стоя на клиросе с пономарем Иваном Доброхотовым, вместо того, чтобы единственно заниматься чтением и пением, могущих в предстоящих слушателях возбудить внутренний дух к умирительному благоговейству и страху Божию, занимался смехотворством и шептанием... Что же было диаконом Десницким найдено во время совершения литургии достойным осмеяния, я недоумеваю»³. Подобное поведение в храме даже среди крестьян не считалось нормальным. Корреспонденты этнографического бюро В. Н. Тенишева, проводившие исследование в уездах Казанской губернии, отмечали, что последние в большинстве стараются держаться в церкви чинно. Исключение составляла только молодежь, не имевшая «страха Божия»: шепчутся, смеются, толкаются [Русские крестьяне, 2017].

Впрочем, повседневное течение приходской жизни во всем ее многообразии не было избавлено и от обычных недоразумений, когда священно- и церковнослужители попадали под подозрение исключительно по недомыслию кого-либо из прихожан. В том же 1863 году чиновники Ядринского уезда донесли казанскому губернатору об одном сомнительном религиозном обычае в чувашско-мордовском селе Убеево, к которому якобы сверх меры лояльно относится местный священник Яков Никопольский⁴. Служащие уверяли, что во время

¹ См., например: О пролитии святых Даров (1901) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 133. Д. 12. 24 Л.

² См.: О нерадении по службе диакона села Шутнерова Чебоксарского уезда М. Нелидова (1861) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5623. 64 Л.; О нерадивости священника села Подберезья Свияжского уезда С. Фортунатова // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5611. 64 Л.

³ Всепокорнейшее прошение Цивильского уезда села Багильдина священника Иоанна Акрамовского высокопреосвященнейшему Афанасию, архиепископу Казанскому и Свияжскому // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5919. Л. 11–12.

⁴ Дело о дозволении священником Ядринского уезда села Убеева Яковом Никопольским своим прихожанам из чуваш крещенных придавать земле умерших в шапках // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5902. Л. 26.

христианских погребений чуваша с позволения пастыря надевают покойникам на головы ритуальные шапки. Губернатор передал информацию правящему архиерею. Внимание высокой гражданской и духовной власти к вышеописанному инциденту вскоре обернулось разбирательством. Однако тщательный обыск показал, что указанного обычая в той местности не существовало, а умершим бедные родственники иногда под головы клали шапки – за неимением подушек. На этом основании священник от наказания был освобожден¹.

Большинство же прочих известных нам случаев, было связано с противоречиями внутри причтов. Они являлись результатом конкуренции клириков между собой и часто выражались в необоснованных обвинениях, оговорах, лживых доносах и т. п. Преступление или проступок, иногда мнимые, нередко приводили к дискредитации священнослужителя. Такая печальная картина вновь возвращает нас к проблеме доносительства, предметно рассмотренной в одной из наших публикаций [Хохлов, 2022].

Финансовые средства в ряде случаев могли стать тем мотивом, ради которого клирики шли на канонические нарушения или «закрывали глаза» на сомнительные практики своей пасты. Однако высвечивание этих пороков нередко происходило только при определенных условиях. В 1863 году священник села Аркатово Лаишевского уезда Василий Ядрин был обвинен в венчании несовершеннолетних. Судя по материалам дела, он совершал это за особую плату не один год и на регулярной основе. Однако до поры такая практика не вызывала претензий в причте, поскольку клирик делился с остальными членами доходами. Когда же он перестал это делать, епархиальной администрации тут же все стало известно².

Подобные случаи были далеко не единичны. В 1862 году причетник церкви села Косякова Свияжского уезда Иван Воскресенский обратился с жалобой благочинному на своего священника Феопелита Тихомирова³. Согласно заявлению, отец Тихомиров, будучи жизни нетрезвой, постоянно испытывал нужду в средствах. На этом основании клирик, случалось, шел на поводу обычаев входивших в его приход крещеных татар. За определенную плату он позволял им совершать языческие похороны без отпевания. Проблема заключалась только в том, что продолжалось это длительное время, а Воскре-

сенский за молчание получал часть незаконных средств. Тем не менее обострившиеся угрызения совести однажды побудили причетника раскрыться.

Случалось, инциденты с религиозным подтекстом становились следствием целенаправленно распускавшихся слухов. В 1862 году в причте церкви села Смолдиярово Лаишевского уезда возник конфликт⁴. Дьячок Михаил Малиновский обвинил своего настоятеля в утайке доходов от причта. В ответ последовали обвинения в колдовстве. Якобы из-за порчи, наведенной причетником, в селе занемогла женщина. Епархиальная власть отнеслась к сообщению с особым вниманием. Впрочем, в рапорте архиепископу Малиновский раскрыл подлинную суть дела. Оказалось, один из их причетников состоял в незаконной связи с местной крестьянкой. Адюльтер стал известен обманутому мужу, и, по крестьянскому обычаю, он жестоко расправился с женой. Женщина от побоев серьезно заболела. Жена же обвиненного в присвоении приходских средств священника, воспользовалась случаем, пустила по селу слух, будто бы причина болезни женщины – магические действия Малиновского. Таким образом, матушка решила отомстить правдолюбивому сослуживцу мужа и сделать дальнейшее пребывание причетника в селе в глазах прихожан неприемлемым.

Иными словами, необоснованные обвинения зачастую мотивировались корыстными интересами или взаимной неприязнью, прежде всего, самих членов причтов. Особая роль принадлежала благочинным как лицам, обладавшим полномочиями и монопольным правом донесения о приходских делах епархиальным властям. В ряде случаев сложившаяся практика оборачивалась крайностями, которые представляли серьезную проблему для внутрицерковного мира. Вместе с тем справедливости ради следует отметить, что донесения благочинных пестрят сообщениями о неукоснительном следовании причтами предписаниям о соблюдении социальной дистанции с мусульманами, язычниками и старообрядцами, сомневаться в которых не имеется достаточных оснований. Причина такого благополучия отчасти кроется в том, что духовенство перманентно находилось «на виду» у пасты. Его повседневная нравственность могла иметь неоднозначный характер, что так или иначе допускалось прихожанами. Однако богослужебная и ритуальная дисциплинированность отслеживалась последними особо. Корреспонденты бюро В. Н. Тенишева отмечали: «Народ смотрит на нарушение церковных правил и церковных обрядов,

¹ Постановление Казанской духовной консистории // Там же, Л. 24-26.

² Дело о повенчании священнослужителями Лаишевского уезда села Аркатова несовершеннолетнего брака и об обиде священником Василием Ядриным остальных причт доходами // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5880. 14 Л.

³ Дело о противозаконных поступках Свияжского уезда села Косякова Феопелита Тихомирова // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5824. 42 Л.

⁴ Дело о беспорядках по церковным суммам и прочем в селе Смолдиярово Лаишевского уезда // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 5774. 111 Л.

как, напр.: на несоблюдение постов, нарушение праздников работою, неисполнение таинства покаяния и причащения, на напрасное употребление божбы, как на самые тяжкие и непростительные грехи, за которые Бог накажет, покарает явно на этом еще свете при жизни самого. Или он будет сохнут, ни в чем ему не будет ни доли, ни удачи, а умрет не своей смертью, непременно при неимоверных страданиях и судорогах (конвульсиях). А в будущей жизни им будет и того хуже, они будут там мучиться в аду вместе с дьяволами в вечном огне» [Русские крестьяне, 2017, с. 46–47].

Именно обрядовой стороне в христианстве крестьянами придавалось ключевое значение [Мангилева, 1998]. В связи с этим, показателен случай священника села Индырчи Тетюшского уезда Иоанна Можаровского (1873). Уклонение пастыря от молебнов и крестных ходов по определенным дням стало одним из оснований доноса на него возмущенных прихожан архиерею¹. Таким образом, охранительная внимательность паствы удерживала не в меру пластичных клириков от явных нарушений.

Добавим к этому еще один немаловажный штрих – жесткость канонов и церковного и государственного законодательства, в имперский период предметно регулировавших вопросы вероотступничества. В том, что именно он имел важное предохранительное и дисциплинирующее значение, сомневаться не приходится – источники прямо обозначают страх духовенства перед наказанием со стороны властей как действенный механизм предотвращения различных духовных девиаций².

Действительно, согласно каноническим установлениям Церкви, вероотступничество занимает центральное место в ряду преступлений и проступков, которые влекут за собой суровое наказание. Исходя из сказанного, реестр наказаний за вероотступничество наиболее тщательной проработкой как в терминологическом, так и содержательном плане. Так, преступления и проступки против веры в канонической системе подразделяются на *отречение, ересь и раскол, общение с иноверцами, волшебство, клятвопреступление, нарушение обета девства, опущение богослужений в праздничные дни, неблагоговейное обращение с церковными местами, повреждение священных книг, творений святых отцов и учителей церкви, изображение «на земле» крестного знамения, пост в воскресные и субботные дни, нарушение постов, еретическое гнушение мясом и вином* [Милованов, 1888, с. 54].

При этом сама категория *веры* трактуется как двусоставная: вера как качество, присущее человеку и связанное с трансцендентным, и *исповедание веры* – обращенная вовне, индивидуальная религиозная активность [Милованов, 1888]. «Отсюда и отречение от веры может быть двоякое, – пишет И. М. Милованов. – То оно является как смена религиозных воззрений, как перемена религии вследствие сознания превосходства другой и недостатков первой или прежней; неперменным последствием чего бывает и смена исповедания веры. В другое время в факте отречения от веры сказывается только отсутствие исповедания оной при наличности внутри сердца веры, как чувства: иначе, человек показывает одно, тая в сердце другое, причем эта показанность оканчивается вместе с мотивом, вызвавшим ее» [Милованов, 1888, с. 55]. На этом основании преступлением считается любой акт смены веры, вне зависимости от того, искренне или притворно это было сделано; временно, краткосрочно или по какой-либо необходимости.

В зависимости от того, какое из религиозных преступлений или проступков было совершено клириком и при каких обстоятельствах, наказание могло подразумевать *запрещение в служении, извержение из сана, а также (в особо тяжких случаях) анафему или отлучение от Церкви*. Собственно применительно к реалиям синодального периода пореформенной эпохи, вероотступничество в широком спектре случаев грозило клирику исключением из духовного звания с дальнейшей социальной маргинализацией. Она распространялась и на членов семьи наказуемого клирика. Система наказаний за вероотступничество имела важное профилактическое значение в ситуации выбора священником, диаконом или причетником поведенческих стратегий.

Тем не менее каноническая категоричность во второй половине XIX века постепенно смягчалась церковным законодательством, что, к примеру, просматривается в Уставе духовных консисторий от 1883 года. Так, согласно ст. 177, вероотступники из числа священнослужителей, даже совершившие столь тяжкие преступления как уклонение в ересь или раскол, в случае чистосердечного раскаяния, могли рассчитывать на снисхождение церковного начальства [Устав духовных консисторий, 1883]. Однако с неизбежным понижением до причетника. Между тем, церковнослужителям безапелляционно грозило исключение из духовного звания (ст. 178) [Устав духовных консисторий, 1883].

Свою лепту вносило и имперское законодательство, до 1885 года жестко регулировавшее вопросы религиозного плана и видевшее в этом,

¹ Дело о священнике села Индырчей Иоанне Можаровском по жалобе на него местных прихожан // ГА РТ Ф. 4. Оп. 1. Д. 6715 30 л.

² Рапорт благочинного Тетюшского уезда села Сумарокова Сергея Сунгурова (1873) // ГА РТ Ф. 4. Оп. 105. Д. 6. Л. 99 об.

прежде всего, идеологическую обусловленность и необходимость. И хотя духовенство находилось, прежде всего, под юрисдикцией церковной системы, принцип примата государства, основанный на идее *jus naturale*, в рассматриваемый период уже прочно укоренился в правовой сфере империи.

В государственном законодательстве круг религиозных вопросов рассматривался в рамках уголовного, а не гражданского права. демонстрирует значимость православия и необходимость соблюдения подданными религиозной ортодоксальности. Включение Церкви в светский контекст государства выразилось в Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных от 1845, 1885 и 1903 годов. Так, в Уложении 1845 года человек, совершивший переход из православия в другое христианское исповедание, препоручался для вразумления духовным властям. Однако при этом виновник отстранялся от контактов со своими малолетними детьми во избежание «совращения» (ст. 198) [Уложение, 1845, с. 69]. Если же дело затрагивало не только его самого, но и становилось частью миссионерской активности, наказание многократно ужесточалось.

Случаи уклонения от исполнения постановлений церкви (богослужения, исповедь, причастие) также передавались на рассмотрение духовным властям с правом назначения епитимьи, тогда как нарушения, связанные с похоронной практикой и ее соответствия православной традиции, могли караться тюремным заключением. Глава третья Уложения «Об оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния» подробно регулировала аспекты поведения в церкви и во время общественных и частных богослужений (включая вербальные). В большинстве таких случаев нарушители из числа священнослужителей автоматически передавались в руки церковных властей с последующим применением к ним санкций, предусмотренных каноническим правом и церковным законодательством. Причетники же могли быть судимы и по гражданским законам.

В Уложении 1885 года вероотступничество стало квалифицироваться как уголовное преступление только в особых случаях [Уложение, 1886]. В силу либерализации правовой сферы упор государством делался на увещание со стороны духовных властей и на различные епитимьи относительно легкого дисциплинирующего плана. В Уложении 1903 года вероотступничество как таковое, в сущности, декриминализуется, а религиозные правила обращают на себя внимание государственного законодателя лишь в той части, где они вступают в заведомое противоречие с уголовными предписаниями общего характера.

Указанная трансформация оказывала влияние и на правоприменительную практику внутри Церкви. Причем не только с участием мирян, но и духовенства. Историческая обстановка существования православной Церкви менялась в силу многочисленности неоднозначных случаев в приходской жизни, а также по причине стремления архиереев и консисторий приноровиться к динамично меняющимся условиям повседневности. А. В. Никитин пишет: «В целом, если церковное начальство не видело в действиях клириков сознательной приверженности к какой-либо ереси, то проступки, даже формально затрагивавшие достоинство веры и преследовавшиеся по общегосударственным законам, не вызывали у него серьезного беспокойства. Примером такого прагматичного подхода может служить дело, возникшее в 1896 г. в Екатеринбургской епархии. Псаломщик Манин был привлечен к ответственности за то, что в пьяном виде на вопросы прихожан о Богородице и святых отвечал «самыми кощунственными словами». Окружной суд постановил подвергнуть церковнослужителя аресту на месяц, а местные жители составили приговор о его удалении из прихода. Консистория удовлетворила это ходатайство» [Никитин, 2021, с. 161–162].

Однако именно синодальная власть, локализованная в столичном Петербурге и, в силу этого, далекая от приходских реалий жизни, демонстрировала ярко выраженную приверженность букве и духу законов. Так, обозначенное решение Екатеринбургской духовной консистории вызвало возмущение старшего секретаря Синода Мудролюбова, проводившего «обозрение» консисторского делопроизводства и подвергнувшего критике снисходительность епархиального начальства [Никитин, 2021].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, религиозные отклонения в структуре девиаций приходского клира Казанской губернии пореформенного времени не занимали значимого места, что в целом свидетельствует о склонности представителей духовенства сохранять приверженность к вероучению и каноническим предписаниям Православной церкви даже в неблагоприятных условиях полуязыческой атмосферы и многонационального окружения. Впрочем, не стоит упускать из виду и то, что догматические погрешности, сделанные священником во время проповеди, наставления или частной беседы с паствой, объективно трудно поддаются фиксации. Вероятно, поэтому они находили слабое отражение в источниках. Единственным мерилom

ортодоксальности клира, несшего церковную миссию в дальних уголках губернии, могли выступать только рапорты благочинных. Однако они находились с подконтрольными им причтами в спорадических контактах и при этом, порой, в довольно специфических отношениях. Естественно, что крестьяне в силу их безграмотности и низкой культуры не могли претендовать на роль компетентных обозревателей событий и явлений жизни прихода. Их активность ограничивалась наблюдением за сугубо внешней стороной приходской религиозной жизни. Вместе с тем, анализ ситуаций, фигурирующих в архивных документах, свидетельствует о том, что некоторые «аномалии»

в среде священно- и церковнослужителей время от времени все же имели место и привлекали внимание духовных властей. Однако, в подавляющем большинстве, они были детерминированы не собственно религиозными искажениями, какими-либо явными неканоническими практиками и т. п., а причинами социально-бытового и психологического плана. Тем самым, в обозначенной части имеется куда больше оснований говорить не о том, насколько в рамках повседневной религиозности духовенство блюло собственную духовную чистоту, а об особенностях доминировавших коммуникативных практик в среде причтов и их окружения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ягафов Я. А. [и др.] Этноконфессиональные меньшинства Урало-Поволжья: монография / Я. А. Ягафова, Е. С. Данилко, Г. А. Корнишина, Т. Р. Молотова, Р. Р. Садикова. Самара: Изд-во ПГСГА, 2010.
2. Известия по Казанской епархии. Казань, 1874. № 7.
3. Известия по Казанской епархии. Казань, 1869. № 16.
4. Никитин А. В. Церковный суд и православное духовенство в России (1864–1918 гг.): дис. ... канд истор. наук. СПб., 2021.
5. Известия по Казанской епархии. Казань, 1870. № 14.
6. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб., Казань: Российский этнографический музей, 2017.
7. Хохлов А. А. Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 173–181.
8. Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998.
9. Милованов И. И. О преступлениях и наказаниях церковных (по канонам древней Вселенской церкви). СПб.: Типография Ф. Елконского и Ко, 1888.
10. Устав духовных консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1883.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Типография 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845.
12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1886.

REFERENCES

1. Yagafova, Ya. A. et al. (2010). E'tnokonfessional'ny'e men'shinstva Uralo-Povolzh'ya: monografiya = Ethnoconfessional minorities of the Ural-Volga region: a monograph. Samara: Publishing house of the PSGA. (In Russ.).
2. Izvestiya po Kazanskoj eparxii (1874) = News of the Kazan Diocese. Kazan', 7. (In Russ.).
3. Izvestiya po Kazanskoj eparxii (1869) = News of the Kazan Diocese. Kazan', 16. (In Russ.).
4. Nikitin, A. V. (2021). Cerkovny'j sud i pravoslavnoe duxovenstvo v Rossii (1864–1918) = Ecclesiastical Court and Orthodox clergy in Russia (1864–1918): PhD in History. Saint Petersburg. (In Russ.).
5. Izvestiya po Kazanskoj eparxii (1870) = News of the Kazan Diocese. Kazan', 14. (In Russ.).
6. Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt'. Nrav'. Materialy «E'tnograficheskogo byuro» knyazya V. N. Tenisheva (2017) = Russian peasants. Life. Mode of life. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev. St. Petersburg, Kazan: Russian Ethnographic Museum, 2017. (In Russ.).
7. Khokhlov, A. A. (2022). Donos v gosudarstvennom уголовном i cerkovnom prave vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: sravnitel'ny'j analiz skvoz' prizmu teorii i praktiki = Denunciation in State criminal and Ecclesiastical law in the second half of the XIX – early XX centuries: comparative analysis, 2, 173–181. (In Russ.).
8. Mangileva, A. V. (1998). Duxovnoe soslovie na Urale v pervoj polovine XIX veka (na primere Permskoj eparxii) = The spiritual estate in the Urals in the first half of the XIX century (on the example of the Perm diocese). Yekaterinburg: UralNAUKA. (In Russ.).
9. Milovanov, I. I. (1888). O prestupleniyax i nakazaniyax cerkovny'x (po kanonom drevnej Vselenskoj cerkvi) = About crimes and punishments of the church (according to the canons of the ancient Universal Church). St. Petersburg: Tipografiya F. Elkon'sky and Co. (In Russ.).

10. Ustav duxovny`x konsistorij (1883) = The Charter of the spiritual consistories. St. Petersburg: Sinodal'naya tipografiya. (In Russ.)
11. Ulozhenie o nakazaniyax ugovny`x i ispolnitel'ny`x 1845 g. (1845). = The Code of Criminal and Executive punishments of 1845. St. Petersburg.: Tipografiya. 2 of the Department of its own E. I. V. Chancery. (In Russ.)
12. Ulozhenie o nakazaniyax ugovny`x i ispravitel'ny`x 1885 g. (1886) = The Code of Criminal and Correctional punishments of 1885. St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хохлов Александр Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент

доцент кафедры антропологии и этнографии

Казанского (Приволжского) федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khokhlov Aleksandr Anatol'evich

Ph.D. (History), Associate Professor

Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography

Kazan (Volga Region) Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.05.2023
24.05.2023
09.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 316.752

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_87



Динамика ценностного профиля студентов (по результатам социологического мониторинга МГЛУ)

М. О. Бессонова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
margobes@mail.ru

Аннотация. В рамках регулярного мониторинга удовлетворенности учебной деятельностью было проведено исследование системы ценностей студенческой молодежи МГЛУ. Согласно проанализированной динамике, наблюдается постепенное смещение ориентаций молодых людей на самих себя и собственное благополучие. Означенные приоритеты студентов в совокупности могут быть результатом влияния внешних факторов последних лет. Вторичный анализ данных выявил сходные тенденции и среди российской молодежи в целом.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, студенческая молодежь, мониторинг, МГЛУ

Для цитирования: Бессонова М. О. Динамика ценностного профиля студентов (по результатам социологического мониторинга МГЛУ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 87–95. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_87

Original article

The Dynamics of Students' Value Profile (based on the results of the MSLU sociological monitoring)

Margarita O. Bessonova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
margobes@mail.ru

Abstract. As part of the regular monitoring of satisfaction with educational activities, a study of the values of MSLU students was conducted. According to the analyzed dynamics, there is a gradual shift in the orientations of young people towards themselves and their own well-being. This behavior can be the result of the influence of external factors in recent years. Secondary data analysis revealed similar trends both among MSLU students and among Russian youth in general.

Keywords: values, value orientations, student youth, monitoring, MSLU

For citation: Bessonova, M. O. (2023) The dynamics of students' value profile (based on the results of the MSLU sociological monitoring). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 87–95. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_87

ВВЕДЕНИЕ

Проблема изучения ценностных ориентаций студенческой молодежи в настоящее время остается одним из динамично развивающихся исследовательских направлений как «фокус общественных социальных устремлений» [Карандашев, 2004; Гегер, 2010; Горшков, Шереги, 2010; Истомина, Никитова, 2015]. Исходя из утверждения, что ценности выступают ориентирами общественного сознания, логично предположить, что они также отражают оценки окружающей действительности, распространенные среди определенных групп людей. Российский социолог Ж. Т. Тощенко отмечает, что ценности могут быть выражены в качестве ориентаций, которые варьируются у различных индивидов [Тезаурус социологии, 2009]. В свою очередь, социально-экономические изменения, сдвиги в обществе, распространение сетей коммуникаций неизменно приводят к переменам в ценностях, разделяемых населением [Инглхарт, Вельцель, 2011].

В этой связи определенный интерес представляют исследования Дж. Твенге, которая выделила «поколение I (iGen)», выросшее в период распространения Интернета. Особенность этой возрастной группы заключается в большем акценте на «материальных ценностях». Другими словами, молодые люди стремятся стать состоятельными, несмотря на более позднее взросление. К их характерным чертам можно отнести новые способы и манеры общения, независимость в общественных и политических взглядах, снижение роли религии, одержимость безопасностью, более высокая психологическая уязвимость [Twenge, 2017]. Концепция интересна тем, что описывает социально-демографическую группу, которая соответствует возрасту современной студенческой молодежи.

Данные теории позволяют понять ценности студенческой молодежи, а также определить возможные причины их изменений.

В ходе мониторингового исследования по изучению характера удовлетворенности студентов Московского государственного лингвистического университета (далее МГЛУ) учебной деятельностью в период 2019-2023 годов¹ в анкету включался «ценностный блок» вопросов, построенный на методиках портретного опросника Ш. Шварца и ценностного опросника Р. Инглхарта. Полученные данные позволяют проанализировать динамику ценностного профиля студентов МГЛУ.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ ОБУЧЕНИЕМ В МГЛУ

Анализ структуры ценностей студенческой молодежи проводился на фоне изучения ее удовлетворенности качеством обучения в МГЛУ. Данное исследование было реализовано на основе идей Р. Инглхарта, который утверждал, что удовлетворенность жизнью (или в данном случае отдельным аспектом жизни индивида) ведет к сосредоточению фокуса внимания не только на собственной персоне, но и на окружающих людях. Согласно методике Ш. Шварца, переориентации индивида от «я» к «не-я» соответствуют ценности, относящиеся к группе «Выход за пределы своего Я», т. е. забота о природе («универсализм») и помощь другим людям («доброта»). Далее рассматривая особенности ценностей, разделяемых разными группами студентов, можно выделить некоторые категории. Респондентам был задан вопрос, в какой степени они удовлетворены качеством обучения в МГЛУ в целом, с возможностью ответа по 5-балльной шкале, где 1 – «совершенно не удовлетворен», 5 – «полностью удовлетворен». Исходя из полученных ответов, можно выделить следующие уровни: «неудовлетворенные» (1-2), «нейтральные» (3), «удовлетворенные» (4-5).

«Удовлетворенные» по сравнению с другими группами в меньшей степени стремятся к приобретению богатства и власти («власть»). Тем не менее для некоторых из них важно, чтобы окружающие люди знали об их успехах («достижения»). Наибольшие различия видны при сравнении ценностей «Сохранение» и «Выход за пределы своего Я». Тех респондентов, кто удовлетворен обучением в университете, можно охарактеризовать как «правильных студентов»: им свойственно стремление обезопасить свое окружение («безопасность»), следовать установленным правилам («конформность») и / или традициям («традиции»), а также проявлять заботу об окружающих людях (рис. 1).

Выход студентов за пределы своего «я» выявляется и при использовании методики Р. Инглхарта. В целом важность указанных ценностей совпадает как среди неудовлетворенных студентов, так и среди удовлетворенных. Однако основное различие двух категорий студенчества наблюдается при сравнении их отношения к ценности «религия» (рис. 2). Если для «неудовлетворенных» или «нейтральных» религия скорее не значима, то «удовлетворенные» оценивают ее по преимуществу высоко. Это дополняет их коллективный ценностный портрет в качестве «правильного» и «положительного»

¹ Выборочная совокупность составила 5 908 студентов (N2019=1800 N2021=2111 N2023=1997) с относительной ошибкой в среднем 1,9% (при доверительной вероятности $\gamma=0,95$).



Рис. 1. Ценности студентов МГЛУ в зависимости от степени удовлетворенности обучением в МГЛУ, 2023 г. (по методике Ш. Шварца)

молодого человека, возможно, с целью создания образа «идеального студента».

Таким образом, ценности, разделяемые студентами оказывают влияние уровнем их удовлетворенности обучением в университете. Так, традиционные ценности, безопасная и правильная модель поведения, а также высокая оценка их достижений окружающими наиболее характерны для «удовлетворенных» студентов.

ПРОФИЛЬ ОБУЧЕНИЯ

При анализе ценностей с точки зрения профиля обучения можно отметить схожий ценностный портрет студентов лингвистических и нелингвистических направлений. Однако наблюдается и некоторое смещение «лингвистов» в сторону ценностей «Выход за пределы своего Я» (рис. 3). Возможно, оно связано с погружением

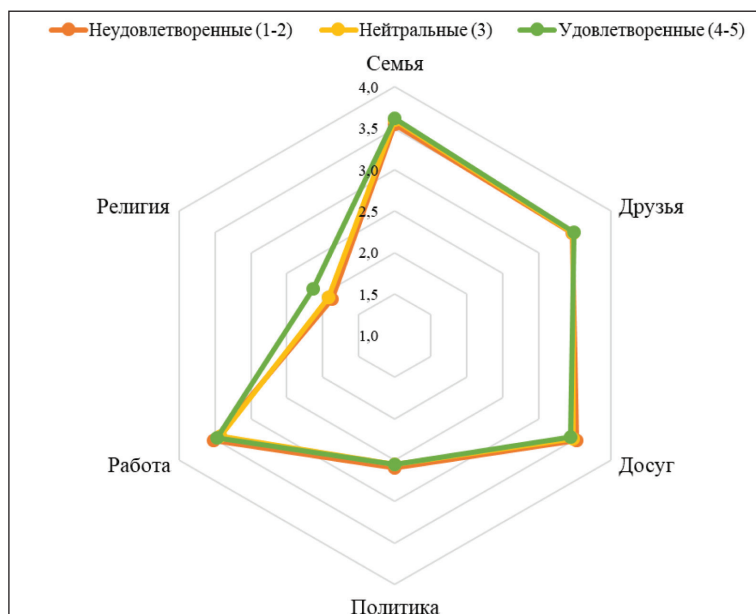


Рис. 2. Ценности студентов МГЛУ в зависимости от степени удовлетворенности обучением в МГЛУ, 2023 г. (по методике Р. Инглхарта)



Рис. 3. Ценности студентов МГЛУ в зависимости от профиля обучения, 2023 г.
(по методике Ш. Шварца)

в культуру стран изучаемых языков и стремлением больше узнать о жизни других людей. В то же время ценности «Открытость изменениям» несколько более свойственны студентам нелингвистических направлений – они стараются оставаться уникальными («самостоятельность»), пробовать новое и не боятся рисковать («стимуляция»). Тем не менее было бы безосновательно делать однозначные выводы о кардинальных различиях в ценностных портретах студентов двух профилей обучения, поскольку разница между средними значениями разделяемых ценностей незначительна.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ (2019–2023 годы)

Рассматривая динамику средних значений каждой ценности, в первую очередь, можно выделить ценности «власть» и «безопасность», значения которых в 2023 г. более высокие, чем в 2019 и 2021 гг. Менее существенный рост наблюдается у ценностей «гедонизм» и «достижения».

Ценности «стимуляция» и «универсализм», напротив, постепенно теряют свою значимость для студентов (таблица 1). События, которые происходили в последние несколько лет, могли отразиться на изменении ценностных ориентаций и постепенном смещении фокуса студентов на собственные интересы. Иными словами, в ситуации турбулентности в мире безопасность для них более важна, нежели приключения и возможности риска,

собственное благосостояние более существенно, нежели забота о природе.

Определенная динамика прослеживается у «традиций». Несмотря на то, что среднее значение ценности в 2019 и 2023 годах находится на одном уровне, в 2021 году произошло снижение показателя (рис. 4). В 2021 году население начало постепенно адаптироваться к изменяющимся реалиям современного мира в результате пандемии. Возможно, события 2020 г. повлияли на то, что студенты в некоторой степени пересмотрели собственные ценности и приоритеты и это привело к снижению интереса к религиозным и семейным обычаям. Можно предположить, что из-за карантинных мер и режима «самоизоляции» в 2020 года студенты были вынуждены проводить много времени дома в связи с переходом на дистанционное обучение. Это не могло не отразиться на взаимоотношениях внутри семьи.

Тем не менее в 2023 г. данный показатель стал несколько выше значения 2019 г. Возможно, это объясняется тем, что, во-первых, были сняты все эпидемиологические ограничения и студенты могли вернуться к привычному образу жизни и наладить отношения с родственниками. Во-вторых, следует упомянуть тенденцию, согласно которой в условиях нестабильности население зачастую обращается к религии и духовным практикам.

Таким образом, средние значения разделяемых студентами университета ценностей были сгруппированы, согласно концепции Шалом Шварца («Выход за пределы своего Я»,

Таблица 1

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В 2019–2023 ГГ.
(по методике Ш. Шварца)

	Волны (год)			Относительная разница 2023 г. по сравнению с 2019 г. (в %)
	2019	2021	2023	
Самостоятельность	3,57	3,60	3,62	1
Власть	3,08	3,37	3,45	12
Безопасность	3,28	3,48	3,54	8
Гедонизм	3,79	3,83	3,88	2
Доброта	3,71	3,70	3,69	0
Достижения	3,56	3,61	3,64	2
Стимуляция	3,38	3,31	3,24	-4
Конформность	3,23	3,19	3,25	1
Универсализм	3,86	3,75	3,61	-6
Традиции	2,65	2,55	2,68	1

«Сохранение», «Самоутверждение», «Открытость изменениям»). Несмотря на то что абсолютная разница не превышает 0,3 пункта, на графике 4 наблюдается постепенное смещение ценностей в сторону групп «Самоутверждение» и «Сохранение». Так, если в 2019 году ценности «Выход за пределы своего Я» лидировали, то в 2023 году

первую позицию занимает «Самоутверждение». Это подтверждает сделанный ранее вывод, что сегодня молодые люди, в первую очередь, заботятся о себе и собственном благополучии.

Таким образом, можно провести сравнительный анализ ценностных портретов студентов за разные годы (табл. 2).

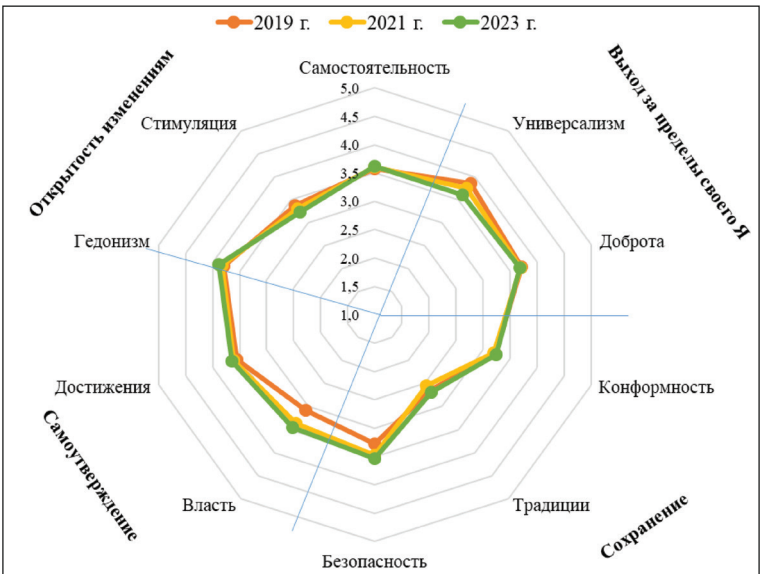


Рис. 4. Динамика ценностей студентов МГЛУ в ходе трех волн мониторинга 2019–2023 годов (по методике Ш. Шварца)

Таблица 2

ДИНАМИКА И ИЕРАРХИЯ ТОП-ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В 2019–2023 гг.
(по методике Ш. Шварца)

	2019 г.	2021 г.	2023 г.
1	Универсализм	Гедонизм	Гедонизм
2	Гедонизм	Универсализм	Доброта
3	Доброта	Доброта	Достижения
4	Самостоятельность	Достижения	Самостоятельность
5	Достижения	Самостоятельность	Универсализм
6	Стимуляция	Безопасность	Безопасность
7	Безопасность	Власть	Власть
8	Конформность	Стимуляция	Конформность
9	Власть	Конформность	Стимуляция
10	Традиции	Традиции	Традиции

Таблица 3

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В 2019–2023 гг.
(по методике Р. Инглхарта)

Ценности	Волны (год)			Относительная разница 2023 г. по сравнению с 2019 г. (в %)
	2019	2021	2023	
Семья	3,62	3,61	3,61	0
Друзья	3,47	3,44	3,48	0
Досуг	3,39	3,42	3,46	2
Политика	2,32	2,45	2,56	10
Работа	3,34	3,39	3,46	3
Религия	1,98	1,89	2,05	4

Так, студент МГЛУ в относительно спокойный период 2019 года, в первую очередь, проявляет заботу об окружающей среде и других людях, но не забывает и о собственном удовольствии. Тем не менее материальное благосостояние не является для студента доминирующей ценностью. Молодым людям важнее проявить себя, выделиться и быть уникальными и уважаемыми другими. В 2021 году, когда ограничения из-за эпидемиологической ситуации 2020 года стали привычными, значимость природы для студентов несколько снизилась, и лидировать стала ценность «гедонизм». Возможно, в период самоизоляции многие студенты

задумались о собственной жизни и стали пробовать новые направления деятельности (например, хобби или онлайн-курсы). Кроме того, это помогало выглядеть более серьезной и активной личностью в глазах окружающих, о чем свидетельствует рост значения «достижений». В период, когда возникла тотальная угроза здоровью населения, студенты стали больше задумываться о собственной безопасности и меньше «искать приключения». У студентов 2023 года еще больше снизилось желание рисковать, а забота о себе и собственном благосостоянии приобрела более весомую значимость (в 2021 и 2023 годы по сравнению с 2019 годом

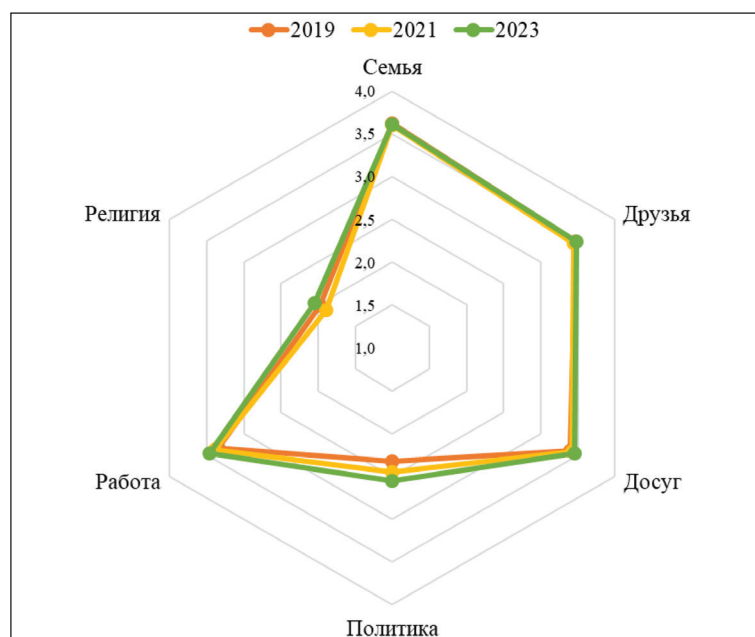


Рис. 5. Динамика ценностей студентов МГЛУ в ходе трех волн мониторинга 2019–2021 годов (по методике Р. Инглхарта)

наблюдается доминирование «власти» и «безопасности» над ценностью «стимуляция»).

Интересная тенденция наблюдается при сравнении динамики ценностей «достижения» и «универсализм». В 2023 году личный успех стал важнее, чем забота о природе. Как отмечал Р. Инглхарт, рост значимости личной и экономической безопасности ведет к снижению важности постматериалистических ценностей таких, как «универсализм» [Inglehart, 1977].

Сходная тенденция прослеживается при анализе ценностей по методике Р. Инглхарта. Такие ценности, как «семья» и «друзья», важны для студентов независимо от года опроса (и, соответственно, внешних факторов).

В подтверждение предположения о влиянии внешних факторов можно привести динамику ценностей «религия» и «политика» (табл. 3).

Ценность «религия» в период 2019–2023 годов является наименее значимой по сравнению с другими ценностями. Тем не менее наблюдается та же тенденция, что и у ценности «традиции» по методике Ш. Шварца – рост в 2023 году после снижения в 2021 году.

Ценность «политика» характеризуется наибольшим приростом с 2019 по 2023 годы. В 2023 году ее значимость почти также высока, как и у ценности «друзья» (рис. 5). Возможно, это связано с непосредственным влиянием решений государства на жизнь молодежи. Так, например, государство было вынуждено принять ряд ограничительных мер в связи с эпидемиологической

ситуацией в 2020 года. Это изменило привычный образ жизни, в том числе и формат обучения студентов. События 2022 года также не могли не сказаться на изменении ценностных ориентаций молодежи, возможно, поэтому студенты стали более высоко котировать ценность «политика».

Другие показатели, например, средние значения ценностей «досуг» и «работа» выросли не так значительно. Однако это может свидетельствовать о постепенном росте значимости этих ценностей для студентов университета. Это также перекликается с ранее описанной тенденцией к смещению фокуса среди молодежи на самих себя и собственное будущее.

Вышеописанные результаты анализа подтверждаются исследованием ВЦИОМ 2022 года, направленным на выявление ценностей современной молодежи. Так, наиболее важными сторонами жизни молодые люди отмечали те, которые непосредственно касаются их семейного окружения (здоровья, безопасности, материального положения). Социальные ценности такие, как участие в общественной и политической жизни и / или волонтерская деятельность, были отмечены как менее значимые по сравнению с другими группами установок. Кроме того, более 60 % опрошенных 18–24 лет (что соответствует возрасту студенческой молодежи) в качестве цели жизни видит достижение высокого уровня благополучия, около половины – спокойную жизнь и заботу о своей семье, треть респондентов выбрала активное участие в жизни общества и страны в целом [Ценности

молодежи, 2022]. Согласно исследованию ВЦИОМ, такие нравственные установки свойственны молодежи России в целом и, по данным мониторинга, студентам МГЛУ в частности.

Результаты аналитического обзора Циркон «Ценностные ориентации современной молодежи» 2021 г. также выявили, что современная молодежь (в том числе и студенческая) отдает приоритет ценностям индивидуализма, а не коллективизма [Ценностные ориентации современной молодежи, 2021]. Так, молодые люди стремятся к достижению личного успеха, к стабильности в семье и в частной жизни. В меньшей степени они ориентируются на общественные интересы. Согласно данному отчету, такие ценностные ориентации молодежи характерны более для России, нежели для других европейских государств.

Кроме того, рассматривая поведение молодежи в динамике, можно отметить, что присутствие молодых кадров на рынке труда стало заметнее за последние несколько лет. Многие студенты начинают совмещать учебу и работу, что свидетельствует о повышении уровня важности ценности «работа».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты мониторинга удовлетворенности учебной деятельностью студентов

МГЛУ показали, что их ценностные ориентации соответствуют тенденциям, характерным для российской молодежи в целом. Анализ ценностей в динамике позволил выделить постепенный переход студентов от ценностей «Выход за пределы своего Я» к «Самоутверждению» и «Сохранению».

Вероятно, череда непредвиденных политических событий с начала 2020-х годов, изменивших привычный уклад жизни населения, способствовала возникновению определенного чувства неуверенности студентов в своем будущем. Молодежь можно охарактеризовать как наиболее подверженную внешнему воздействию социально-демографическую группу, поэтому нестабильная ситуация привела к некоторому сдвигу в системе ценностей молодых людей.

Социолог Р. Инглхарт описывал данную тенденцию. Он утверждал, что в обществе, находящемся в состоянии турбулентности, первоочередными становятся базовые потребности, обеспечивающие выживание и безопасность индивида. Другими словами, в настоящее время молодые люди, в том числе и студенты МГЛУ, стремятся, в первую очередь, к финансовой стабильности и достижению личного успеха для поддержания высокого собственного уровня жизни и безопасности своего ближнего окружения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
2. Гегер А. Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 132–141.
3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
4. Истомина К. В., Никитова С. Г. Социальные предпосылки формирования ценностных ориентиров в высшем образовании // Власть. 2015. Т. 23. № 11. С. 80–83.
5. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под редакцией Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
7. Twenge J. M. iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood // NY: An Imprint of Simon & Schuster, Inc., 2017.
8. Inglehart R. The Silent Revolution. Changing Values and Political Studies Among Western Publics // New Jersey: Princeton University Press, 1977.
9. Ценности молодежи // ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>.
10. Ценностные ориентации современной молодежи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований // ЦИРКОН. 2021. URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskii-obzor.pdf>.

REFERENCES

1. Karandashev, V. N. (2004). Metodika Shvarca dlya izucheniya cennostej lichnosti: koncepciya i metodicheskoe rukovodstvo = Schwartz's methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance. St. Petersburg: Rech. (In Russ.)
2. Geger, A. E. (2010). Revealing individual and group values in youth groupings. Relevant methodic solutions. Sociologicheskie issledovaniya, 1, 132–141. (In Russ.)
3. Gorshkov, M. K., Sheregi, F. E. (2010). Molodezh Rossii: sociologicheskij portret = Youth of Russia: sociological portrait. Moscow: CSPiM. (In Russ.)
4. Istomina, K. V., Nikitova, S. G. (2015). Socialnye predposylki formirovaniya cennostnyh orientirov v vysshem obrazovanii = Social prerequisites for the formation of value orientations in higher education. Vlast, 11(23), 80–83. (In Russ.)
5. Toshchenko, Zh. T. (2004). Tezaurus sociologii: tematicheskij slovar-spravochnik = Thesaurus of Sociology: a thematic dictionary-reference. Moscow: YUNITI-DANA. (In Russ.)
6. Inglehart, R., Welzel, K. (2011). Modernizaciya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya = Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.)
7. Twenge, J. M. (2017) iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood. NY: An Imprint of Simon & Schuster, Inc.
8. Inglehart, R. (1977). The Silent Revolution. Changing Values and Political Studies Among Western Publics. New Jersey: Princeton University Press.
9. Cennosti molodezhi = Values of youth (2022). VTSIOM. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>. (In Russ.)
10. Cennostnye orientacii sovremennoj molodezhi. Analiticheskij obzor rezultatov mezhdunarodnyh i rossijskih issledovanij = Value orientations of modern youth. Analytical review of the results of international and Russian studies (2021). CIRKON. <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoj-molodezhi-analiticheskij-obzor.pdf>. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессонова Маргарита Олеговна

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bessonova Margarita Olegovna

Postgraduate student of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.06.2023
06.06.2023
09.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 316.73

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_96



Концептуальные положения культуры управления сквозь призму умеренного холизма

С. В. Моряков

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
vpr5514@yandex.ru*

Аннотация. В статье представлен вариант изучения культуры управления, который базируется на логике умеренного холизма (социального реализма). Проведен анализ пониманий культуры управления и отражены существенные характеристики изучаемого явления в виде основных идеализированных типов. Представлено авторское видение изучаемого феномена и его уточненное определение. Раскрыта вариативность содержания культуры управления члена организации.

Ключевые слова: культура управления, индивид, холизм, управленческая культура, организация

Для цитирования: Моряков С. В. Концептуальные положения культуры управления сквозь призму умеренного холизма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 96–102 DOI: 10.52070/2500-347X_2023_3_852_96

Original article

The Conceptual Provisions of Management Culture through the Prism of Moderate Holism

Sergey V. Moryakov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
vpr5514@yandex.ru*

Abstract. The article presents a variant of the study of management culture based on the logic of moderate holism (social realism). The analysis of management culture understandings is carried out and essential characteristics of the studied phenomenon in the form of the main idealized types are reflected. The author's vision of the studied phenomenon and its clarified definition is presented. The variability of the content of the management culture of a member of the organization is revealed.

Keywords: management culture, individual, holism, management culture, organization

For citation: Moryakov, S. V. (2023). The conceptual provisions of management culture through the prism of moderate holism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 96–102. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_96

ВВЕДЕНИЕ

Управление является неотъемлемой составляющей динамики социальной жизни. Прагматичный рациональный подход к пониманию социального регулирования свободен от субъективной составляющей упорядочивания социальных отношений. В нашей статье речь пойдет о такой необходимой составляющей управленческого процесса, как *культура управления*. Мы представим вариант изучения этого феномена исходя из логики умеренного холизма, иногда его еще называют социальным реализмом. Умеренность холистской установки исключает идею существования некоторых самостоятельных индивидуальных сущностей, полностью определяющих процесс управления в организации.

Структура социокультурного взаимодействия, увиденная сквозь призму социологического мировоззрения, имеет три взаимосвязанных аспекта: 1) личность, которая выступает субъектом социального взаимодействия; 2) общество как результат массы социальных взаимодействий и отношений индивидов и 3) культура как совокупность значений, ценностей, смыслов и норм, которыми обладают взаимодействующие субъекты. (Через их социальные действия раскрываются значения и смыслы культуры).

Субъектно-объектные отношения в культуре – это неразделимая триада. Каждый из указанных элементов не может существовать без двух других [Сорокин, 1992]. Исходя из данной концептуальной посылки, мы получаем основание выделить в отдельную предметную область культуру управления. Она предстает как синтез личности и культуры. Перечисленные элементы культуры становятся интегрированными во внутриличностные структуры и посредством активности индивидов объективизируются во вне в ходе взаимных управленческих воздействий, превращаясь в управленческую культуру [Передня, Филимонов, 2022]. Представления об управлении, ожидания по поводу результатов взаимовлияния, методы, приемы управления, обоснованные мнения о допустимом и желательном для управляющих и управляемых, все это в процессе социализации образует важную часть личностного наполнения.

Социокультурный мир един и неделим. Однако мы сконцентрируемся лишь на описанном предмете, из дидактических соображений станем изучать его обособленно, параллельно подразумевая тройственную природу социального бытия. На ней зиждется социум как феномен.

Цель статьи – создание концептуальной модели культуры управления. Она включает в свое

смысловое поле индивидов как представителей социальных общностей, постоянно воспроизводящих управленческие взаимодействия. При этом одно из основополагающих требований к концепции, это принципиальная возможность использовать построенную модель для получения эмпирических данных, отражающих состояние культуры управления членов конкретной организации.

ТИПОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КУЛЬТУРЕ УПРАВЛЕНИЯ

Проведем анализ и выделим существенные характеристики исследуемого множества пониманий культуры управления. Представим их в виде основных идеализированных типов как непосредственных заместителей эмпирического множества реальных объектов во всем их многообразии.

Во-первых, культура управления часто предстает в исследованиях как маркер уровня достижений в области социального регулирования. Назовем это «эталонным подходом». В качестве примера приведем определение А. Н. Хижняк: культура управления – это «совокупность достижений в организации и осуществлении процесса управления, организации управленческого труда, использовании технологий управления, а также система требований, предъявляемых к управлению и работникам, обусловленных нормами и принципами общественной морали, этики, эстетики, права» [Хижняк, Светлов, 2015 с. 282].

Во-вторых, культура управления представлена как этическое должностное, обусловленное стремлением человека к добродетели. В качестве примера здесь подойдет объяснение культуры управления как существующей на уровне индивида этики, основанной на управленческих знаниях, навыках, умениях субъектов и объектов управления. Все названные профессиональные принципы лишь потенциально могут реализоваться в ходе управленческой деятельности конкретной организации. Они обладают творческой силой и нравственным потенциалом, под влиянием которых находится любой участник управленческого процесса [Передня, 2022]. Так, в современном обществе не принято, то есть по умолчанию признано не этичным управлять посредством использования физического насилия. Пощечины, хватание за плечо с последующим разворотом подчиненного и толчком, придающим импульс для выполнения порученного или исправления сделанного – все это считается заведомо неприемлемым. Хотя еще относительно недавно такой вариант воздействий на подчиненных был весьма распространен, казался обыденным, действенным и вполне

этичным. Так отец мог говорить повзрослевшим детям: «Вы меня извините, что бил вас, я в каждый удар любовь вкладывал» На что мог последовать ответ: «– Ну и правильно, что бил, благодаря этому дурь из нас и вышла»¹.

В-третьих, существует представление о культуре управления как комплексной агрегации входящих в нее культур. Ярким представителем такого подхода к предмету является Н. А. Королева. По ее мнению, культура управления – соединение особенностей проявления культуры личности, предпринимательства, профессиональной, деловой и организационной, корпоративной культуры, которые логически образуют категориальную систему, взаимно соотносясь как общее, особенное и единичное [Королева, 2010].

Приведенный перечень вариантов концептуализации культуры управления не является исчерпывающим. Он служит обобщению основных подходов к изучаемому явлению. Множественность подходов проистекает из разнообразия трактовок самого понятия «культура». Культура – историческая категория, которая с течением времени вобрала в себя различные смыслы.

Представленные типы изучаемого феномена, на наш взгляд, имеют ограниченные возможности эмпирической интерпретации. основного понятия, а следовательно, ограниченные возможности для построения валидной методики изучения культуры управления, как в обществе, так и в его структурных составляющих.

СОЦИАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ

Логика умеренного холизма² (социального реализма) при изучении культуры управления исключает идею доминирования индивида в какой-либо организации [Гофман, 2005]. Даже если индивид занимает руководящую должность, он не может исчерпывающе определять процесс управления какой-либо организацией.

Важно понимание всех вариантов представлений индивидов относительно того как должно осуществляться управление. «Трактовка индивида как последнего, далее неделимого носителя мотивов, интересов и обоснованных убеждений об уместных способах действия, то есть тех оснований действия, которые предположительно

и отличают последнее от событий физического мира, детерминированных физическими причинами, вела к целому ряду логических и содержательных трудностей, истинный масштаб которых стал очевиден только во второй половине XX века» [Девятко, 2003, с. 46].

Умеренно холистский подход к концептуализации культуры управления основан и ориентирован на получение единиц анализа культуры управления личности по элементам структуры изучаемого феномена.

Предлагая свою концепцию культуры управления, отметим, что само анализируемое понятие появилось в терминологическом лексиконе российских менеджеров. Исходно оно относилось лишь к коммерческим организациям. Затем этот феномен стал актуален для организаций всех сфер общества. Наша задача закрепить, расширить сферу использования этого явления на весь спектр профессиональных организаций во всем их многообразии. Кроме того, понятие «культура управления» в некоторых источниках употребляется также в значении «управленческая культура» [Краснопир, 2013; Минаков, Ханова, 2018,]. Отдельно следует упомянуть таких исследователей, как Т. П. Макарова, Н. М. Горяйнова, В. Н. Горяйнов, Ж. С. Позднякова, которые оперируя понятием «управленческая культура», рассматривают его не как надындивидуальный феномен, а на уровне отдельного индивида, тем самым фактически осуществляют анализ культуры управления [Макарова, 2016; Горяйнова, Горяйнов, Позднякова, 2020]. Признавая право каждого исследователя на собственную точку зрения, мы разделяем позицию авторов, которые исходят из того, что «управленческая культура» и «культура управления» принципиально разные явления [Филимонов, Маматов, 2022].

В самом деле, их взаимное отождествление концептуально не обоснованно. Наряду со сказанным, стоит упомянуть об организационной культуре, которая включает набор представлений о способах деятельности и нормах поведения, разделяемых членами организации, и корпоративной культуре, в основе которой лежит осознание принадлежности индивидов к социальной организации. Эти социальные феномены лежат в несколько иной плоскости социологического знания. В рамках темы, избранной автором статьи, они не подлежат рассмотрению.

Принимая во внимание и максимально используя все ценное, что получено исследователями в ходе осмысления культуры управления, мы предлагаем свое видение изучаемого феномена. На наш взгляд, **культура управления** – совокупность ценностей, убеждений и норм

¹ Данный монолог воспроизводят актеры Б. Ступка и С. Гармаш в фильме «Дом», снятый в 2011 году в жанре социальной драмы. Режиссер Олег Погодин.

² Термин «умеренный холизм» использован в ходе выступления с докладом А. Б. Гофманом, на Международном конгрессе франкоязычных социологов в городе Тур, Франция, 6 июля 2004 года.

интериоризированных индивидами в процессе социализации. Они выражаются в уровне управленческого профессионализма, коммуникации и поведении. Степень профессионализма индивидов, в свою очередь, выявляется в процессе исполнения ролей управляющего и управляемого.

Люди – существа коллективные, поэтому управление присутствует во всех сферах общественной жизни. Весь объем культурных образцов, освоенных индивидом, социально значим. В совокупности они образуют культуру личности.

Если эти культурные образования начинают использоваться для конструирования представлений о том, как должно быть организовано управление, то тогда они образуют культуру управления. Субъективный взгляд отдельных индивидов на то, каким должен быть управленец как профессионал своего дела, и каким должен быть исполнитель, каким образом они должны коммуницировать в процессе приема передачи управленческих воздействий, через какие модели, шаблоны, отдельные поведенческие акты допустимо выражать свою волю при исполнении социальных ролей участников управленческого процесса. Процесс формирования культуры управления – это, по сути, процесс образования моделей поведения в профессиональной деятельности.

Такой подход к определению культуры управления поддерживает преемственность, существующую между наработками многих авторов [Филимонов, Маматов, 2022; Проказина, 2022; Саблуков, 2022; Ерохин, 2020; Ладатко, 2006]. Означенный подход к предмету, с одной стороны, как бы вбирает в себя его смысловые константы, с другой – обеспечивает большую ясность и определенность. Они необходимы для понимания культуры управления как отдельного теоретического конструкта. Все это позволяет получить прочную основу для выхода на эмпирический уровень культуры управления, например, на разработку и использование моделей выборки респондентов, определения методов сбора данных и пр. [Невский и др., 2021].

В таблице 1 представлена матрица соотношений ценностей, убеждений и норм, с представлениями

о профессионализме, коммуникации и поведении в процессе управленческих взаимодействий.

Поясним вариативность содержания культуры управления члена организации, исходя из компоновки ячеек предложенной матрицы.

1. Профессионализм. Например, знания как *ценность* и основа профессионализма. В ценностном аспекте он может вбирать в себя максимум знаний о том, как управлять и как достигать успеха, ориентируясь на просоциальную (организационную) целесообразность. В другом случае профессионализм может выражаться через знания и умения демонстрировать лояльность, практику угодничества по отношению к старшим руководителям, способности к улавливанию конъюнктуры и быстрой подстройки под нее. *Убеждения* могут включать в себя концепты «руководитель – значит, ответственен», либо «руководитель – значит, всегда есть возможность на кого-то переложить ответственность». *Нормы* могут выражаться через стратегию достижений. Профессионализм, позволяет организации чего-либо достичь, преобразовать, улучшить. Или через стратегию избегания. Профессионализм позволяет избежать внешних проверок, минимизировать их последствия, не допустить наказаний, сокращений, лишений и т. п.

2. Коммуникация. В *ценностном* аспекте она может строится на свободе выбора, доверии, взаимопонимании среди членов организации. В противном случае она зиждется на стремлении «убежать» от свободы, ожидания указаний извне, выстраивание отношений на основе недоверия и подозрительности, перепроверок и дополнительного контроля. *Убеждения* сводятся к тому, что все сотрудники организаций по умолчанию нацелены работать конструктивно инициативно, или же все изначально не настроены на работу. Изменить такую ситуацию можно только угрозами прессингом, подавлением и нагнетанием страха. Как следствие, *нормами* становятся в одном случае внутренние источники контроля, в другом – внешние. Работает внутренняя система запретов, или внешняя. Доминирует представление о том, что полная и правильная информация о содержании деятельности, в том числе и о положении

Таблица 1

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

	Ценности	Убеждения	Нормы
Профессионализм			
Коммуникация			
Поведение			

дел в организации содержится, либо внутри самой организации, либо генерируется извне и поступает от внешних источников.

3. Поведение. *Ценным* представляется самостоятельное создание условий для изменений и развития по принципу «решили и сделали» в противоположность варианту «сказали, – тогда сделаем».

Конструктивна также опора на сильных и инициативных сотрудников, создание возможностей для их профессионального и личностного роста. В противном случае возникает другая ценностная картина. Поведение мотивировано идеей безопасности, сильные члены организации могут представлять угрозу, ценность их низкая, профессионализм и личностный рост не желательны. Поведенческие установки могут быть связаны с тем, чтобы «хорошо было здесь и сейчас». Часто такой эмпиризм называют позицией временщика, или «стремлением жить одним днем», и не важно, что потом положение дел может заметно ухудшиться. В другом случае доминирует представление о допустимости того, что сейчас трудно и относительно плохо, зато потом в результате планомерной работы будет хорошо.

Нормирование в поведенческой составляющей управленческой культуры, может выражаться в формулировании альтруистических служебных целей.

В таком случае реализуется желание управлять, чтобы отдавать. Это соответствует норме. Нормальной может быть обратная ситуация, тогда миссия – *отдавать больше, чем брать* меняется на противоположную.

Нормативным становится желание получать, миссия сводится к тому, что бы брать больше, чем отдавать. В этом случае концепт «мне должны», порождает желание управлять, чтобы получать, и это считается нормой. Вместе с этим весь поведенческий компонент культуры управления связан с умением предвидеть социальные и нравственные последствия принимаемых решений.

Каковы соотношения описанных содержательных моментов, какова природа их происхождения и средства их порождающие? Например, степень сопоставимости социализационных воздействий, полученных в ходе формального образования, и в процессе самообразования? Известно, что

в информационном обществе значительная часть ценностно-нормативного багажа индивида приобретается в ходе самообразовательной деятельности [Передня, 2003]. Об этом можно с определенностью сказать лишь после эмпирического изучения культуры управления и на основе анализа первичных данных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемый подход к концептуализации культуры управления сводится к следующим постулатам: 1) индивиды в процессе социализации усваивают помимо прочего, ценности, нормы, образцы поведения, принципы социального управления; 2) из ценностно-нормативного набора и убеждений личности возникают профессионализм, особенности коммуникации и поведение индивидов, которые имеют тенденцию проявляться в процессе управленческих взаимодействий; 3) выраженная вовне культура управления членов организации приводит к определенному синтезу индивидуальных сознаний и поведений, происходит эффект агрегирования, в результате которого образуется управленческая культура; 4) управленческая культура, однажды возникнув, уже не сводится к породившим ее индивидуальным культурам управления, обретает известную автономию и в определенной мере живет своей собственной надындивидуальной жизнью; 5) при этом наблюдается взаимное влияние личностных и организационных начал в части организационной культуры связанной с управлением. Генерация новых поколений, особенности и вариации социализационных процессов постепенно видоизменяют культуру управления индивидов, что в свою очередь оказывает влияние на весь ход управления в социальной общности.

В прикладном смысле необходимо уметь использовать ценностно – нормативную систему личности и ее убеждения для рационализации управления.

Культура управления – это своего рода оснастка социальных взаимодействий в сфере регулирования социальной жизни. Она может быть представлена на уровне всего общества, однако целесообразнее ее изучать в локализованном варианте, на уровне отдельных организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
2. Передня Д. Г., Филимонов О. В. Управленческая культура как надындивидуальное образование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2 (847). С. 168–152.

3. Хижняк А. Н., Светлов И. Е. Основы эффективного менеджмента. М.: ИНФРА-М, 2015.
4. Передня Д. Г. Управленческая культура и культура управления: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 123–129.
5. Королева Н. А. Культура управления и принцип комплексности в разработке ее функционирования // Аналитика культурологии. 2010. Вып. 3 (18). С. 167–181.
6. Гофман А. Б. Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2005. Вып. 1. С. 18–25.
7. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
8. Краснопир С. Н. Приоритетные направления развития управленческой культуры офицера // Военная мысль. 2013. Вып. 5. С. 64–71.
9. Минаков И. П., Ханова Р. В. Культура управления: понятие и сущность // Социально-гуманитарные знания. 2018. Вып. 10. С. 105–108.
10. Макарова Т. П. Модель формирования управленческой культуры студентов – будущих государственных служащих в образовательном процессе вуза // Вестник Российской международной академии туризма. 2016. Вып. 2. С. 113–118.
11. Горайнова Н. М., Горайнов В. Н., Позднякова Ж. С. Современная управленческая культура: краткий феноменологический и историко-социологический анализ // Управление в современных системах. 2020. Вып. 4 (28). С. 73–79.
12. Филимонов О. В., Маматов С. А. Влияние управленческой культуры на содержание культуры управления в органах внутренних дел России // Социально-гуманитарные знания. 2022. Вып. 5. С. 8–11.
13. Проказина Н. В. Управление в условиях неопределенности: новые подходы к развитию управленческой культуры // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Вып. 5. С. 80–97.
14. Саблуков А. В. Управленческая культура в информационном обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 1 (846). С. 130–135.
15. Ерохин Е. Г. Управленческая культура офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2020.
16. Ладатко Л. В. Этика и культура управления. Ростов-н/Д: Феникс, 2006.
17. Невский С. А. и др. К разработке модели выборки в изучении общественного мнения о деятельности российской полиции / С. А. Невский, О. В. Яковлев, Т. М. Бормотова, Ю. Н. Мазаев // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. Ч. 4 (59). С. 412–420.
18. Передня Д. Г. Самообразование курсантов высших военно-учебных заведений МО РФ и его институциональное регулирование (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2003.

REFERENCES:

1. Sorokin, P. A. (1992). Chelovek. Civilizaciya. Obshestvo = Man. Civilization. Society. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
2. Perednya, D. G., Filimonov, O. V. (2022). Management culture as a superindividual essence. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(847), 168–152. (In Russ.)
3. Khizhnyak, A. N., Svetlov, I. E. (2015). Osnovy effektivnogo menegmenta = Fundamentals of effective management. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
4. Perednya, D. G. (2022). Management Culture and Culture of Management: to the Question of Distinction of Concepts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(846), 123–129. (In Russ.)
5. Koroleva, N. A. (2010). Kul'tura upravleniya i princip kompleksnosti v razrabotke ee funkcionirovaniya = Management culture and the principle of complexity in the development of its functioning. Analitika kulturologii, 3(18), 167–181. (In Russ.)
6. Goffman, A. B. (2005). Does Society Exist? From psychological reductionism to epiphenomenalism in the interpretation of social reality. Sociological Studies, 1, 18–25. (In Russ.)
7. Deviatko, I. F. (2003). Sociologicheskie teorii deyatelnosti i prakticheskoi racionalnosti = Sociological theories of agency and practical rationality. Moscow: Avanti plus. (In Russ.)
8. Krasnopir, S. N. (2013). Prioritetnye napravleniya razvitiya upravlencheskoj kul'tury oficera = Priority directions of development of managerial culture of the officer. Voennaya mysl', (5), 64–71. (In Russ.)
9. Minakov, I. P., Khanova, R. V. (2018). Kul'tura upravleniya: ponyatie i sushchnost' = Management culture: the concept and essence. Social'no-gumanitarnye znaniya, 10, 105–108. (In Russ.)
10. Makarova, T. P. (2016). Model' formirovaniya upravlencheskoj kul'tury studentov – budushchikh gosudarstvennykh sluzhashchikh v obrazovatel'nom processe vuza = Model of formation of managerial culture of students – future civil servants in the educational process of the university. Vestnik of the Russian international academy for tourism, 2, 113–118. (In Russ.)

11. Goryainova, N. M., Goryainov, V. N., Pozdnyakova, Zh. C. (2020). Modern administrative culture: short phenomenological and historical and sociological analysis. *Upravlenie v sovremennykh sistemakh*, 4(28), 73–79. (In Russ.)
12. Filimonov, O. V., Mamatkov, S. A. (2022). Vliyanie upravlencheskoj kul'tury na sodержanie kul'tury upravleniya v organakh vnutrennikh del Rossii = Influence of managerial culture on the content of management culture in the internal affairs bodies of Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 5, 8–11. (In Russ.)
13. Prokazina, N. V. (2022). Management in Conditions of Uncertainty: New Approaches to the Development of Managerial Culture *Central Russian Journal of Social Sciences*, 5, 80–97. (In Russ.)
14. Sablukov, A. V. (2022). Managerial Culture in the Information Society. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1 (846), 130–135. (In Russ.)
15. Erokhin, E. G. (2020). Upravlencheskaya kultura oficera v voinskom podrazdelenii Vooruzennykh sil Rossijskoi Federacii = Management culture of the officer in a military unit of the Armed Forces of the Russian Federation: abstract of PhD in sociology. Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)
16. Ladatko, L. V. (2006). *Etika i kultura upravleniya = Ethics and Culture of Management*. Rostov-on-Don: Feniks. (In Russ.)
17. Nevsky, S. A., Yakovlev, O. V., Bormotova, T. M., Mazaev Ju. N. (2021). On the Development of a Sampling Model in the Study of Public Opinion on the Activity of the Russian Police. *Mission Confessions*, vol 10, part 4 (59), 412–420. (In Russ.)
18. Perednya, D. G. (2003). Samoobrazovanie kursantov visshih voenno-uchebnih zavedenii MO RF i ego institucionalnoe regulirovanie (sociologicheskii analiz) = Self-Education of Cadets of Higher Military Educational Institutions of the Defense Ministry of the Russian Federation and its Institutional Regulation (Sociological Analysis): abstract of PhD in Sociology. Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Моряков Сергей Владимирович

адъюнкт кафедры социологии

Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Moryakov Sergey Vladimirovich

Postgraduate student of the Department of Sociology

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	04.05.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	05.06.2023	accepted for publication



Социально-психологический климат организации: опыт диагностики

А. В. Саблуков

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
asablukov@mail.ru*

Аннотация. В статье продемонстрирована возможность применения модифицированной методики «Диагностика температуры социально-психологического климата финансовой организации». В качестве основных направлений социальных изменений на основе результатов диагностики были рекомендованы следующие: обеспечение двусторонних вертикальных коммуникативных потоков; разработка миссии и организационной культуры, проводимая совместно с рядовыми работниками.

Ключевые слова: социально-психологический климат организации, диагностика, уровень неудовлетворенности, факторы социально-психологического климата

Для цитирования: Саблуков А. В. Социально-психологический климат организации: опыт диагностики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 103–109. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_103

Original article

Socio-Psychological Climate of the Organization: Experience in the Diagnostics

Alexander V. Sablukov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
asablukov@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to show the possibilities of using the modified “Diagnostics of the temperature of the socio-psychological climate of a financial institution” methodology. As the main directions of social change based on the results of diagnostics, the author recommends the management of the next fields: provision of bilateral vertical communication flows; development of mission and organizational culture together with ordinary workers. The work will be of interest to specialists and a wide range of readers.

Keywords: temperature of socio-psychological climate, organizations, diagnostics, level of dissatisfaction, factors of socio-psychological climate

For citation: Sablukov, A. V. (2023). Socio-Psychological Climate of the Organization: Experience in the Diagnostics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 103–109. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_103

ВВЕДЕНИЕ

В период расцвета научно-технической революции (60–80-е годы XX века) получили распространение теоретические и эмпирические исследования, направленные на изучение групповых феноменов (настроений, сплоченности, социально-психологического климата) и возможности их корректировки для решения управленческих задач. Данные процессы происходили одновременно как в российских, так и в зарубежных науках, объектом которых является человек. Проблематика, связанная с изучением социально-психологического климата организации, по-прежнему является актуальной, чему способствует целый ряд факторов.

Во-первых, наблюдается обострение экономической конкуренции на различных рынках внутри одной страны, между странами, внутри отраслей. Означенная конкуренция вызвана ежесекундной борьбой производителей за потребителя.

Во-вторых, наблюдается рост конкуренции в финансовой сфере между традиционными организациями и инновационными финансово-технологическими компаниями. Конкуренция обостряется в связи с предложениями продуктов новых финансовых технологий на основе цифровизации («финтех») [Филиппов, 2019]. Следовательно, создание социально-психологического климата (далее СПК), благоприятного для эффективной деятельности финансовых организаций, является важным аспектом управления ими. Тем более что отрасль, созданная заново после реформ 90-х годов, заметно выросла за последние 30 лет. По данным Росстата, в 2021 году в сфере «Финансы и страхование» трудились 1316 тыс. человек [Труд и занятость в России, 2021]. Однако СПК в организациях, оказывающих финансовые услуги, изучен очень мало, а методик диагностики его состояния – еще меньше, опубликованы буквально единичные работы [Щербакова, 2010].

В работах отечественных исследователей – В. И. Антонюк, И. П. Волков, А. Л. Журавлев, Е. С. Кузьмин, Н. И. Лапин, А. Н. Лутошкин, Г. А. Моченов, В. Б. Ольшанский, Б. Д. Парыгин, К. К. Платонов, А. А. Русалинова, А. Л. Свенцицкий, Л. И. Уманский, В. М. Шепель, Е. В. Шорохова и др. – представлено теоретическое объяснение сущности социально-психологического климата, его структуры, факторов, влияющих на его формирование, его функций. В этих работах СПК общности понимается как отражение условий, в которых находится малая или средняя производственная структура (т. е. первичный или вторичный коллектив). СПК выражается в форме различных социально-психологических явлений, например, эмоциональный настрой или

настроение, удовлетворенность или неудовлетворенность условиями жизнедеятельности коллектива, неформальные межличностные отношения субъектов профессиональной деятельности и т. д. Различия в подходах, дискуссия вокруг терминов подробно проанализированы в работах В. И. Антонюк и соавторов, Ж. И. Кана, В. В. Жовтоножко [Антонюк, 1979; Кан, 2012; Жовтоножко, 2016]. Оригинальные теоретические подходы и методики измерения социально-психологического климата предложены в работах таких зарубежных исследователей, как Н. Андерсон, С. Г. Айзексен, М. Вест, Х. Гилмор, Д. Гэвин, Р. Лайкерт, Ф. Лутенс, Р. Л. Симс, Р. А. Снайдер, К. Р. Томпсон, Б. Шнайдер, А. Фернхэм, Г. Эквэлл, М. Экхарт, Т. М. Эмэбили и др.

С. К. Рошин отмечает, что разброс во мнениях западных ученых доходит до того, что рассматриваются либо «люди без организаций», либо «организации без людей» [Рошин, 1979, с. 104]. Особого внимания, с его точки зрения, заслуживают теоретические разработки СПК Д. Катца, Р. Л. Кана, Р. Пейна и Д. С. Пью, сделанные в рамках системного подхода [там же, с. 115]. На основе сравнительного анализа Д. Д. Демидова, И. Н. Дубина и А. А. Попель выделяют достоинства опросников, разработанных Г. Эквэллом (ССQ), Т. Эмэбили (KEYS), адекватных для измерения организационного климата, способствующего (или не способствующего) социальному творчеству сотрудников [Демидова, 2019; Попель, 2016]. Социально-психологический климат, безусловно, относится к явлениям общественной психологии, которые характеризуют ту или иную общность как нечто целостное, возникающее в результате взаимодействия и общения людей в ходе совместной деятельности [Дудина, 1986; Каширин, 2015]. СПК представляет собой систему, содержащую в себе различные слои, компоненты и выполняющую различные регулятивные функции.

МЕТОДИКА

Методологической основой исследования СПК организации в теории выступают принципы отражения, детерминизма, принцип единства сознания и деятельности, структурно-функциональный подход к предмету. В исследовании также использовались методы интервьюирования, анкетирования, традиционного анализа документов, наблюдения (невключенного). Разработанная методика «Диагностика температуры СПК финансовой организации» является модификацией методики «Диагностика температуры СПК», использованной ранее при изучении профессиональных коллективов, занятых высококвалифицированным умственным трудом [Антонюк, 1979; Моченов, 1980]. Означенная методика

содержит в себе элементы исследовательского и диагностического подхода. Последний включает в себя дополнительные по отношению к исследованию этапы: 1) определение должного или эталонного состояния социального объекта; 2) сравнение реального и должного состояния социального объекта 3) идентификация состояния объекта исследования с определенным классом или типом социальных явлений [Сурмин, 2004; Щербина, 2004].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Исследования показывают, что состояние СПК в малой производственной группе (первичный коллектив) и в организации в целом (вторичный коллектив, средняя производственная группа) оказывает непосредственное влияние на процесс и результаты совместной деятельности, на экономические показатели труда (производительность труда, эффективность), на способность людей к новаторским разработкам, на их желание придумывать новое.

В статье рассматривается лишь часть СПК организации, включающая в себя только отрицательные эмоциональные переживания. Они связаны с непосредственными условиями жизнедеятельности общности. Следовательно, под СПК малой производственной группы (первичного коллектива), или организации (вторичного коллектива, средней группы) мы будем понимать довольно стойкий, длительно действующий, отрицательный эмоциональный настрой (настроение), общий для многих членов общности. Он возникает в условиях совместной деятельности и непосредственного общения людей путем взаимодействия и взаимовлияния, а также механизмов передачи эмоций, в частности, заражение, подражание, внушение [Дудина, 1995].

При решении конкретных управленческих задач данные, характеризующие неудовлетворенность членов коллектива условиями их жизнедеятельности, оказываются более информативными, чем данные, характеризующие их удовлетворенность [Антонюк, 1979].

При анализе СПК организации с помощью экспертов были отобраны 28 факторов, которые действуют непосредственно на выполнение функций финансовой организации, например: численность работников, их квалификация, качество обслуживания клиентов, рекламная деятельность компании, своевременность выпуска новых услуг и др. Они отражали состояние менеджмента, маркетинга, системы стимулирования, взаимоотношений между руководством и подчиненными, взаимоотношений между рядовыми сотрудниками. Критериями отбора выступали: 1) характер

труда (умственный); 2) специфика предметной деятельности данной организации.

По каждому фактору–условию СПК рассчитывалась степень неудовлетворенности, как индивидуальной, так и групповой. Она измеряется в условных единицах и может варьировать от 0 до 1. Чем ближе уровень неудовлетворенности фактором к 1, тем хуже обстоят дела по данному фактору и тем сильнее люди стремятся изменить ситуацию с этим фактором [Дудина, 1995; Моченов, 1980]. На основе степени неудовлетворенности по каждому из выявленных факторов–условий была рассчитана общая неудовлетворенность финансовой организации по всему набору из 28 факторов.

Этот показатель называется в методике «температурой СПК». Она измеряется в условных единицах от 0 до 1. При этом за 1 принята температура, при которой все работники высказали крайнюю неудовлетворенность всеми основными условиями профессиональной деятельности. Температура СПК равна 0, когда ни один из работников не высказал никакой неудовлетворенности ни по одному из основных условий деятельности. Показатель «Температура СПК» является достаточно обобщенным и характеризует: 1) комфортность условий, в которых осуществляется основная производственная деятельность коллектива; 2) характер взаимоотношений между членами коллектива (частота конфликтов и наличие их реальных носителей).

Температура СПК может быть низкой, средней и высокой, интерпретация каждого диапазона с точки зрения характера его благоприятности для деятельности организации представлена в работах О. М. Дудиной, Г. А. Моченова [Дудина, 1995; Моченов, 1980]. Наиболее неблагоприятным для выполнения основных производственных функций коллектива является такое состояние СПК коллектива, которое характеризуется высокой температурой.

Эмпирическим объектом исследования стала развивающаяся финансовая организация на этапе формирования – инвестиционная компания, оказывающая брокерские услуги с помощью информационно-коммуникативных технологий. По просьбе заказчика мы сохраняем анонимность и назовем компанию «А-Инвест».

При интерпретации результатов исследования следует иметь в виду, что качество менеджмента большинства российских финансовых компаний, включая «А-Инвест», адекватно требованиям рынка и в среднем выше качества менеджмента в других отраслях. Данные показатели обусловлены высокой конкурентностью финансовой отрасли, высокими барьерами для входа на рынок.

Расчеты показали, что температура СПК организации составляет 0,21. Это означает, что сотрудники стремятся к существенным изменениям в основных факторах-условиях своей деятельности. Отвечая на наши вопросы в ходе интервьюирования и анкетирования, они говорили о том, что эти изменения очень желательны. Во взаимоотношениях между сотрудниками иногда возникают разногласия и трения, но в коллективе отсутствуют сотрудники, которые сознательно провоцируют конфликты.

В организации были обнаружены факторы, вызывающие различную степень неудовлетворенности. Они были выявлены по уровню неудовлетворенности, начиная от максимального к минимальному. Те факторы, которые занимают в ранжированном списке с 1-го по 10-е место, требуют первоочередных мер от руководства.

Изменения в сфере этих факторов-условий дают весьма значительный эффект при решении управленческих задач. Учет всех показателей СПК дает возможность руководителю определить наилучший порядок принятия решений по улучшению выявленных факторов-условий (опираясь на практические рекомендации социологов). Эти факторы приведены ниже (см. табл. 1).

На основе материалов исследования были предложены основные направления оптимизации: 1) обеспечение двусторонних вертикальных коммуникативных потоков между руководством и рядовыми сотрудниками в направлении как сверху-вниз, так и снизу-вверх; 2) разработка миссии / стратегии компании и осознанное формирование организационной культуры; 3) оптимизация организационной структуры компании; 4) оптимизация маркетинговой деятельности

Таблица 1

**РАНЖИРОВАННЫЙ СПИСОК ФАКТОРОВ-УСЛОВИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ СПК «А-ИНВЕСТ»**

Ранг фактора в наборе	Факторы	Уровень неудовлетворенности по фактору-условию	Характеристика зоны неудовлетворенности
1	Критерии премирования и формы и способы объяснения причин и размеров премирования	0,69	Сверхвысокая
2	Информированность сотрудников о перспективах развития компании	0,64	Сверхвысокая
3	Размеры и состояние помещений для работников	0,61	Сверхвысокая
4	Соответствие размера базового оклада и личного вклада в работу отдела	0,60	Высокая
5	Порядок взаимодействия сотрудников компании	0,54	Высокая
6	Организация информирования сотрудников при выполнении текущей работы	0,50	Высокая
7	Информирование официальным непосредственным руководителем подчиненных о делах, проблемах, перспективах развития отдела	0,41	Высокая
8	Перспективы повышения базового оклада в рамках занимаемой должности	0,39	Средняя
9	Рекламная деятельность компании	0,38	Средняя
10	Организационная деятельность официального непосредственного руководителя	0,33	Средняя

компании. Руководству компании были изложены подробные рекомендации по осуществлению названных мер. В первую очередь, порядок направлений совершенствования СПК обусловлен тем, что компания переходит от первых этапов «выживания» и «младенчества» к этапу «юности». Он сопровождается резким ростом объема услуг и направлений профессиональной деятельности [Ивашковская, 2004].

Обеспечение каналов обратной связи между руководством и рядовыми сотрудниками позволит коллективу совместно выработать общее понимание миссии компании. Последняя связана с отбором ценностей, которые организация собирается культивировать, и с формированием организационной культуры как наиболее мощного и долгосрочного ресурса конкурентоспособности, фактора устойчивости к риску. Финансовые организации нуждаются в высокоразвитой культуре, так как они, с одной стороны, работают в условиях высоких рисков, а с другой – должны быть достаточно гибкими и инновативными. Предложенная нами программа оптимизации менеджмента компании «А-Инвест» была поддержана руководством и реализована в дальнейшем.

ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из трендов в исследовании СПК коллективов является переход к анализу коллективов, занятых высококвалифицированным умственным трудом не только в сфере научно-технического творчества, но и в сфере услуг, в частности, в финансово-банковской сфере. Потребление ее услуг несет повышенные риски для клиентов. Они связаны как с «неосвязаемостью» услуги вообще (выражение Ф. Котлера), так и с особенностью услуги финансовой. Ее качество зависит от высокой изменчивости рынка, от асимметрии информации в финансовой сфере, от личности сотрудника финансовой организации (от таких ее качеств, как компетентность, интеллект, ценностные ориентации и т. д.). Исследование СПК финансовых организаций представляется актуальным, но такие работы пока единичны. Так, в работе В. П. Щербаковой было установлено, что на деловой климат коммерческого банка влияют новые традиции, позитивное общение, внимание со стороны руководства банка, возможность карьерного роста, отношения ответственной зависимости, а также целеполагающие, индивидуализирующие и стимулирующие условия [Щербакова, 2010].

По-прежнему дискуссионными являются определения «климата» малой и средней производственной групп, сохраняется разноречивой

в терминологии. Представляется, что понимание (организационного) климата как совокупности различных условий, предлагаемое Д. Д. Демидовым и И. Н. Дубиной [Демидова, 2019] не отражает сущности этого явления. Ведь условия, которые создает организация для работников, взятые сами по себе, без отражения в той или иной форме людьми, не могут определяться как «климат» (все равно какой термин употребляет тот или иной автор: организационный, социально-психологический, психологический).

Представленная нами методика «Диагностика температуры СПК финансовой организации» продемонстрировала свои возможности, позволив:

- 1) диагностировать зависимость состояния климата от этапа жизненного цикла организации;
- 2) обратить внимание руководства на необходимость работы с миссией организации, ее профессиональной культурой;
- 3) разработать практические рекомендации, направленные на решение проблем организации.

При анкетировании в организации необходимо обеспечить анонимность ответов респондентов. Поэтому нужны дальнейшие методические исследования, которые позволили бы выявить, возможна ли анонимность в режиме онлайн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного исследования можно заключить, что использование модифицированной методики «Диагностика температуры СПК финансовой организации», оправдало себя. Расчет показал, что температура СПК инвестиционной компании «А-Инвест» составляет 0,21 и находится в диапазоне средней температуры. Данные показатели свидетельствуют о том, что сотрудники инвестиционной компании стремятся к заметным изменениям некоторых факторов, ухудшающих состояние СПК и мешающих работе. Были выявлены 10 факторов, требующих первоочередных управленческих решений.

В качестве долгосрочных направлений деятельности компании были рекомендованы 4 направления, в том числе обеспечение двусторонних вертикальных коммуникативных потоков между руководством и рядовыми сотрудниками, а также разработка миссии / стратегии компании и осознанное формирование организационной культуры совместно с трудовым коллективом. Предложенная нами программа оптимизации менеджмента компании «А-Инвест» была поддержана ее руководством и реализуется в настоящее время.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филиппов Д. И. Финансовые инновации в условиях развития цифровой экономики // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 8. С. 1503–1520.
2. Труд и занятость в России – 2021: стат. сб. Росстат. 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm
3. Щербакова В. П. Социально-психологические особенности формирования делового климата в коллективе банка: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2010.
4. Антонюк В. И. [и др.]. Проблема социально-психологического климата в советской социальной психологии / В. И. Антонюк, О. И. Зотова, Г. А. Моченов, Е. В. Шорохова // Социально-психологический климат коллектива. Теория и методы изучения. М.: Наука 1979. С. 5–25.
5. Кан Ж. И. Анализ теоретических подходов к проблеме социально-психологического климата // Вестник Костанайского государственного педагогического института. 2012. № 2. С. 45–48.
6. Жовтоножко В. В. Исторический анализ термина «социально-психологический климат» в отечественной науке // Власть. 2016. №3. С. 163–166.
7. Рошин С. К. Об исследованиях социально-психологического климата в США // Социально-психологический климат коллектива. Теория и методы изучения. 1979. С. 103–117.
8. Дубина И. Н., Демидова Д. Д. Оценка организационного климата для креативно-инновационной деятельности предприятий: методика и инструментарий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4. № 2. С. 184–190.
9. Попель А. А. Основные инструменты измерения комфортности организационного климата для социальной креативности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 125–130.
10. Дудина О. М. Социально-психологический факт: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1986.
11. Каширин В. П. Тренды современной науки: проблемное поле социально-психологических исследований // Акмеология. 2015. № 1 (53). С. 50–56.
12. Антонюк В. И., Моченов Г. А. Исследование социально-психологического климата научных и инженерных коллективов // Социально-психологический климат коллектива. Теория и методы изучения. М.: Наука, 1979. С. 146–155.
13. Моченов Г. А. Роль социально-психологического климата в процессах нововведений // Социальные факторы нововведений в организационных системах. М.: ВНИИСИ, 1980.
14. Сурмин Ю. П., Туленков Н. В. Теория социальных технологий: учебное пособие. К.: МАУП, 2004.
15. Щербина В. В. Социолого-диагностические технологии // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консультирование. М.: Независимый институт гражданского общества, 2004.
16. Дудина О. М. Психология бизнеса. М.: Профиздат, 1995.
17. Ивашковская И. В., Константинов Г. Н., Филонович С. Р. Становление корпорации в контексте жизненного цикла организации // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 4. С. 19–34.

REFERENCES

1. Filippov, D. I. (2019). Financial innovations in terms of development of digital economy. *Kreativnaya ekonomika*. 8 (13), 1503–1520. (In Russ.)
2. *Trud i zanyatost' v Rossii – 2021* (2021). Rosstat. (In Russ.)
3. Shcherbakova, V. P. (2010). *Sotsial'no-psikhologicheskiye osobennosti formirovaniya delovogo klimata v kollektive banka* = Socio-psychological features of the formation of the business climate in the bank team: PhD in Psychology. Tambov. (In Russ.)
4. Antonyuk, V. I., Zotova, O. I., Mochenov, G. A., Shorohova, E. V. (1979). *Problema sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v sovetskoy sotsial'noy psikhologii* = The Problem of the Socio-Psychological Climate in Soviet Social Psychology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Kan, Zh. I. (2012). *Analiz teoreticheskikh podkhodov k probleme sotsial'no-psikhologicheskogo klimata* = Analysis of theoretical approaches to the problem of socio-psychological climate. *Vestnik Kostanayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2, 45–48. (In Russ.)
6. Zhovtonozhko, V. V. (2016). A historical analysis of the term of socio-psychological climate in Russian science. *Vlast'*. 3, 163–166. (In Russ.)
7. Roshchin, S. K. (1979). *Ob issledovaniyakh sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v SSHA* = About the studies of the socio-psychological climate in the USA. *Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kollektiva. Teoriya i metody izucheniya* (pp. 103–117). (In Russ.)
8. Demidova, D. D., Dubina, I. N. (2019). Methods and tools for the assessment of an organizational climate for creative and innovative activity of firms. *Bulletin of Kemerovo State University Series Political Sociological and Economic sciences*, 4(2), 184–190. (In Russ.)

9. Popel', A. A. (2016). Main tools for measuring comfort in organizational climate for social creativity. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 3 (43), 125–130. (In Russ.)
10. Dudina, O. M. (1986). Sotsial'no-psikhologicheskii fakt: filosofsko-metodologicheskii analiz = Socio-psychological fact: philosophical and methodological analysis. PhD. Moscow. (In Russ.)
11. Kashirin, V. P. (2015). Trends of modern science: the socio-psychological research problem. Akmeologiya, 1(53), 50–56. (In Russ.)
12. Antonyuk, V. I., Mochenov, G. A. (1979). Issledovaniye sotsial'no-psikhologicheskogo klimata nauchnykh i inzhenernykh kolektivov = Study of the socio-psychological climate of scientific and engineering teams. Sotsial'no-psikhologicheskii klimat kolektiva. Teoriya i metody izucheniya (pp. 146–155). Moscow: Nauka. (In Russ.)
13. Mochenov, G. A. (1980). Rol' sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v protsessakh novovvedeniy = The role of the socio-psychological climate in the processes of innovation. Sotsial'nyye faktory novovvedeniy v organizatsionnykh sistemakh. Moscow: VNIISI. (In Russ.)
14. Surmin, YU. P., Tulenkov, N. V. (2004). Teoriya sotsial'nykh tekhnologiy = Theory of social technologies: textbook. Kiev: MAUP. (In Russ.)
15. Shcherbina, V. V. (2004). Sotsiologo-dagnosticheskiye tekhnologii = Sociological and diagnostic technologies. Upravleniye chelovecheskimi resursami: menedzhment i konsul'tirovaniye. Moscow: Nezavisimyy institut grazhdanskogo obshchestva. (In Russ.)
16. Dudina, O. M. (1995). Psikhologiya biznesa = Psychology of business. Moscow: Profizdat. (In Russ.)
17. Ivashkovskaya, I. V., Konstantinov, G. N., Filonovich, S. R. (2004). Stanovleniye korporatsii v kontekste zhiznennogo tsikla organizatsii = The formation of a corporation in the context of the life cycle of an organization. Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta, 4(2), 19–34. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Саблуков Александр Валентинович

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sablukov Alexander Valentinovich

Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor
Professor of the Department of Sociology of the Institute of International Relations
and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	16.03.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	23.03.2023	approved after reviewing
принята к публикации	06.04.2023	accepted for publication

Научная статья

УДК 316.77

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_110



Эволюция идей этничности в социологической науке

А. С. Согомонян

*Научно-исследовательский центр Военной академии РВСН имени Петра Великого, Балашиха, Россия
s_a_s13@mail.ru*

Аннотация. Цель данного исследования – выявление парадигм этничности в социологической науке. Применяемые методы исследования – анализ, синтез, сопоставление и обобщение. Результаты теоретического анализа могут использоваться в научно-исследовательской деятельности, в области развития этносоциологического знания.

Ключевые слова: этнос, этничность, этногенез «конструктивизм», «примордиализм», «инструментализм», межэтнические взаимодействия

Для цитирования: Согомонян А. С. Эволюция идей этничности в социологической науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 110–116 DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_110

Original article

The Evolution of the Ideas of Ethnicity in Sociological Science

Andrei S. Sogomonyan

*Scientifically-Research Center of the Peter the Great Strategic Missile Troops Academy, Balashikha, Russia
s_a_s13@mail.ru*

Annotation. The purpose of this study was to analyze the existing paradigms of ethnicity in sociological science. The applied research methods are analysis, synthesis, comparison and generalization. The results of the theoretical analysis can be used in research activities, in the field of the development of ethnosociological knowledge.

Keywords: ethnos, ethnicity, ethnogenesis “constructivism”, “primordialism”, “instrumentalism”, interethnic interactions.

For citation: Soghomonyan, A. S. Evolution of the ideas of ethnicity in sociological science. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 3(852), 110–116. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_110

ВВЕДЕНИЕ

Актуализация проблемы этничности в научном дискурсе впервые была обозначена и в первую очередь связана с изменениями в политическом пространстве западного общества с середины XIX и до начала XX веков. В означенный период активно создавались новые и распадались сложившиеся империалистические колониальные государства. Системообразующим ядром в идее формирования новых государств становилась концепция нации или этноса как производного межпоколенческой связи людей, проживающих долгое время на данной территории в течение продолжительного времени, чьи общность в исторической судьбе, языке, религии и культуре обуславливали их общее происхождение и право на территориальное обособление.

Впервые лексическая конструкция «этничность» появилась в трудах Л. Уорнера и П. Лунта в 1942 году и получила широкое распространение в дискурсе западных антропологов [Скворцов, 1997], а первое определение термина этничность появилось лишь в 1972 году в Оксфордском словаре английского языка [Рыбаков, 2001]. Феномен этничности интерпретировался в рамках множества социальных и психологических теорий, например, дискриминации, социальных изменений, этнической идентичности, межгрупповых отношений и других. Данные теории развивались в русле трех основных подходов к анализу сущности этничности: примордиалистском, инструменталистском и конструктивистском.

КОНЦЕПЦИЯ ПРИМОРДИАЛИЗМА

Подход к исследованию этногенеза, при котором существование этнической общности объясняется совокупностью предписанных, исходных черт, объединяющих ее членов, является основным признаком концепции «примордиализма». Исследуемые примордиалистами черты различных этносов имеют объективную основу, обусловленную влиянием либо природно-географического фактора, либо социального. Таким образом, этничность, выражающаяся в культурной мозаичности социума, понимается ими как фундаментальный базис идентичности индивида – объективный, статичный и безусловный (П. Берге, Ю. В. Бромлей, К. Гирц, Л. Н. Гумилев, Э. Смит, С. М. Широкогоров).

Учение об аскриптивном характере черт этнической общности возникло в период активного развития идей национализма в Германии в XIX веке, получив окончательно оформление в XX веке. Наличие двух основных исходных

посылок о детерминантах возникновения этноса – природы и социума, обусловили разделение сторонников примордиалистской концепции на два самостоятельных направления – социобиологическое и эволюционно-историческое. Сторонники социобиологического направления указывают на влияние климатогеографических факторов в формировании групповой сплоченности. При этом сильные внутригрупповые связи, по их мнению, носят необъяснимый аффективный характер. Придерживавшийся сходной позиции П. Берге также связывал феномен этничности с генетической предрасположенностью индивида к альтруизму в отношении референтной группы – «непотизму» [Берге, 2014]. Еще одним важным понятием в социобиологическом дискурсе выступает «реципрокность» – «наличие явных и латентных взаимных обязательств участников социальных взаимодействий». Иными словами, в тех случаях, когда обращение за родственной помощью является невозможным, «...особую роль приобретают сети взаимопомощи, образованные по близкородственному и дружескому признакам» [Реутов, Реутова, 2019, с. 109]. Применительно к феномену этничности это означает возникновение внеродовых взаимодействий, позволяющих сообществам консолидироваться на основе оказываемой взаимопомощи. В отечественной науке наиболее заметный след в развитии идей социобиологического направления оставили труды Л. Н. Гумилева, считавшего этнос явлением исключительно биологического происхождения, развитие которого обусловлено пассионарным толчком: «этнос – это замкнутая система дискретного типа – корпускулярная система. Она получает единый заряд энергии и, растратив его, переходит либо к равновесному состоянию со средой, либо распадается на части. Это как раз тот механизм, при помощи которого человек влияет на природу, воспринимает ее составляющие и кристаллизует их в свою культуру» [Гумилев, 1990, с. 60].

Идеи возникновения и развития этничности как результата социогенеза активно разрабатывались в рамках эволюционно-исторического направления. Феномен этничности интерпретируется ее сторонниками как закономерный результат эволюции социума, а формирование самого этноса не может рассматриваться вне исторического контекста. Подобной точки зрения придерживались Э. Смит, К. Гирц, Ю. В. Бромлей, С. М. Широкогоров. В частности, в трудах Э. Смита этничность представлена характеристикой социальной организации, позволяющей четко обозначить границы между культурно разнородными группами людей. Дискретность социума Э. Смит связывал

с осознанием индивидов, принадлежащих к одному сообществу, общностью своего исторического прошлого и отрицал биологическую детерминанту этногенеза [Смит, 2004]. Подход К. Гирца предполагал изучение этничности через интерпретацию содержания культур и «символических аспектов коллективного действия», выраженных в особенностях отправляемых религиозных ритуалов, применяемых социальных практик и существующих обычаев этнического сообщества [Гирц, 2004]. Признавая силу кровного родства между членами сообщества как совокупности биологических организмов, ученый тем не менее считал социальный компонент в поддержании групповой солидарности наиболее важным. В отечественной науке наибольшую популярность среди сторонников данного направления получили труды Ю. В. Бромлея и С. М. Широкогорова. С. М. Широкогоров, во многом опираясь на неоромантические воззрения И. Г. Гердера [Счастливец, 2010] дал определение этноса как «...группы людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающихся ею от таковых других» [Широкогоров, 1923, с. 105]. Ю. В. Бромлей в дальнейшем развил идеи С. М. Широкогорова, отраженные им в труде «Очерки теории этноса». В своем сходном определении этноса Ю. В. Бромлей, выделяет ряд характерных для этноса признаков. При этом он указывает, что ни один из этих признаков по отдельности не является дифференцирующим один этнос от другого – лишь их комплекс позволяет выделить конкретный этнос из исходного социального множества [Бромлей, 2008].

Однако примордиалистская концепция во второй половине XX века утратила статус этнологической парадигмы в силу своей недостаточной объяснительной. Этнические процессы, протекающие в реальности более диффузного в культурном отношении общества и трансформации понятия «идентичность» в общественном дискурсе, заставили научное сообщество по-новому взглянуть на проблемы этничности и межкультурного диалога. Тезис об онтологически реальных общностях, объединенных культурным единством и обеспечивающих своим членам базис для воспроизводства идентичности, оказался несостоятельным в силу особенностей трансформации общественного сознания. Она последовала под влиянием глобализационных процессов в постколониальный период развития истории. Он знаменовал новый этап этногенеза. Переход от статичного к динамичному социуму постмодерна привел к изменению индивидуального сознания и постепенному

отходу от акцента на этнической (национальной) принадлежности человека. (Ранее она мыслилась как атрибут «предначертанной судьбы»). Возрастающее участие государств западного мира в формировании «нового человека» также заставило задуматься о природе детерминированности этничности в современных реалиях, что в конечном итоге привело к появлению подходов, рассматривающих этничность как результат социального конструирования.

ИНСТРУМЕНТАЛИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

В конце 60-х годов XX века в Соединенных Штатах, для объяснения особенностей формирования общественного мнения в контексте появления движений против сегрегации и дискриминации в научной среде шел активный поиск новых идей. Феномен этнических взаимодействий по-новому концептуализировался. Так, например, в научный обиход вошло понятие «плавильный котел», абстрактно объяснявшее возможность слияния (смешения) расовых и национальных меньшинств с господствующей титульной расой (этносом). Предполагалось, что ассимиляция меньшинств в общей массе титульной расы (этноса) за счет длительности и частоты социальных контактов, в конечном счете, приведет сначала к усвоению ими типично «американских» ценностей белого населения США, а затем и к потере идентичности. В дальнейшем от этой концепции пришлось отказаться, и на смену ей пришла концепция «салата», где при разнородности состава отдельный ингредиент сохраняет свою сущность. Подобный подход к созданию диффузного, но вместе с тем разнородного в культурном отношении общества получил название мультикультурализма, что означало, по научному убеждению С. Хантингтона тенденцию к усилению скорее этнической идентичности, нежели национальной значимости [Хантингтон, 2003].

Примерно в это время в зарубежной общественной мысли стала зарождаться «утилитарная» идея этничности, как инструмента реализации социальных интересов. Инструменталистское направление понимания этничности характеризуется интерпретацией этнической группы как общности людей, объединенных интересами. При этом, сама этничность выступает средством их достижения. К наиболее видным представителям данного направления относятся Н. Глейзер, Д. Мойнихан, Дж. Ротшильд, С. Олзак, А. Коэн, К. Янг, Д. Хоровиц.

А. Коэн в своих исследованиях делает акцент на роли этничности в структурировании социума как утилитарного инструмента в политической

и экономической сферах. По его мысли этничность обусловлена не особенностями психологии личности, не ее когнитивными и коммуникативными потребностями, но стремлением как индивидов, так и социальных групп реализовать свои экономические и политические интересы [Рыбаков, 2001].

Центральной темой в трудах Д. Хоровица является этничность как концепт социального устройства, основанного на конечном результате межгрупповых сравнений. Подобное категорирование может привести по мнению ученого к навешиванию ярлыков на отдельные общности. Как это было, например, в эпоху колонизации стран третьего мира европейскими империалистами. Вербализованные в колониальном общественном дискурсе восприятия межэтнических различий, основанные на представлениях одних этнических групп о других с позиций «отставания» или «прогрессивности», служили инструментом разделения населения на враждующие лагеря, которыми проще было управлять [Хоровиц, 2000]. Ярким примером является результат политики апартеида в ЮАР, когда коренное население было разделено европейцами на искусственно определенные социальные группы с разным уровнем привилегированности проявления.

В общем, позиции инструменталистов в отношении понятия «этничность» и этногенеза в целом во многом близки к конструктивистской теории этничности, что позволяет в дальнейшем сделать выводы относительно их объективности.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧНОСТИ В РАМКАХ КОНСТРУКТИВИСТСКОГО ПОДХОДА

Подход сторонников конструктивизма к интерпретации понятия «этничность» основывается на представлении об особой роли правящих и интеллектуальных элит государства в формировании идентичности ее народа. Инструментами формирования идентичности выступают средства массовой информации, контролируемые государством, административный ресурс правящих элит, усилия творческой и научной интеллигенции, определяющей концепт и содержание культурного кода. Таким образом, в воображении индивидов, являющихся населением страны, формируется представление об их общности как нации, имеющей унифицированный культурно однородный образ – социальный конструкт.

Отправной точкой в формировании концепции конструктивизма стали идеи П. Бергера и Т. Лукмана, отраженные в их совместном труде «Социальное конструирование реальности». Ученые представляют социум как «результата

упорядочивания исходного множества индивидов с помощью объективных, деперсонифицированных взаимосвязей между ними, а также возможностей отдельных индивидов конструирования типизированных схем-конструктов и надделения их смыслом» [Бергер, Лукман, 1995].

Опираясь на труды П. Бергера и Т. Лукмана, Б. Андерсон предложил концепцию «воображаемого сообщества» – нации-конструкта, учленов которой, вне рамок непосредственного взаимодействия, при отсутствии возможности социальных контактов всех-со-всеми, тем не менее, сформированы представления о ментальном сходстве между собой. По мнению Б. Андерсона, все сообщества, которые в численном отношении больше деревни, и жители которых постоянно вступают в контакты друг с другом, являются воображаемыми. Ученый отмечает сложность семантической репрезентации понятия «нация» и определяет ее как «...воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [Андерсон, 2001, с. 30]. Ограниченность нации обусловлена наличием вокруг нее консолидированных по схожему принципу сообществ, а ее суверенный характер связывается со стремлением ее членов к автономии. Ее залогом выступает суверенитет государства, в котором проживает нация. Переход от народностей к нации Б. Андерсон связывает с книгопечатанием и унификацией языка общения народа – с появлением литературного языка, в свою очередь являющегося результатом усилий творческой элиты. Она определяет культурный код этноса и объединяет вокруг единой коммуникативной системы народности в пределах государства.

Профессор В. К. Белозёров также обращает внимание на то, что использование в политическом и научном дискурсе понятий «народ» и «нация» в действительности часто детерминировано ангажированными соображениями, интересами политической борьбы [Белозёров, 2019].

В трудах Э. Хобсбаума особая роль в создании национального мышления отводится историкам, так как рассматривать этничности вне исторического контекста невозможно – именно «прошлое – есть то, что создает нацию». Историческое прошлое народа, выраженное в устном творчестве и печатных источниках создает область представлений у индивидов о своей нации, как о сообществе, членов которой связывает общность исторической судьбы [Хобсбаум, 1998]. Таким образом, и Б. Андерсон и Э. Хобсбаум в своих идеях отводят конструирующую роль унифицированным дискурсивным практикам передачи информации, создающей целостный образ воображаемого

сообщества (нации). При этом, как подчеркивает Э. Хобсбаум, контекст конструирования нации тесно связан с достижением определенных политических целей, особо характеризующих современный этап этногенеза.

Позиции конструктивистов в отношении этногенеза примечательны не просто акцентированием внимания на субъектном характере формирования этноса, но и принципиальным отрицанием его примордиальной сущности. Межкультурные различия, этнические границы, интересы этнических групп и прочие, характерные для диффузного в культурном отношении общества, черты, суть результаты субъектного воздействия «социальных инженеров» – агентов конструирования.

В отечественной социальной науке конструктивистское направление представлено такими исследователями как В. А. Тишков, А. Г. Здравомыслов, Ю. М. Бородай, М. О. Мнацаканян, Э. А. Поздняков, Е. А. Варшавер и др. Они делают акцент на множественном характере идентичностей у индивида, которые меняются, дополняются и трансформируются, исходя из условий и контекста ситуации. Исследователи единодушны в том, что национальность индивида является результатом его личного выбора, а не предписанным свойством или качеством, навязанным человеку извне. Однако сама этничность, ее возникновение и генезис опосредованы влиянием социальных агентов.

О важности контекста ситуации при выборе своей идентичности указывает Ф. Барт в своем труде «Этнические группы и границы». Исследователь убедительно доказал, что этническая идентичность не является производной от поддерживаемых границ между различными сообществами, а скорее наоборот – контекст социального взаимодействия формирует матрицу идентификации. В качестве примера Ф. Барт и Г. Халлонд приводят ситуации со сменой идентичности членов племен пуштунов на белуджи и превращения земледельцев фор в скотоводцев баггара. В первом случае это отказ от эгалитарной и выбор более сложной социальной организации. В иерархическом отношении он приводил к смене идентичности за одно-два поколения. Во втором случае экономическая модель хозяйствования скотоводцев для фор выглядела более эффективной, и они встраивались в новый уклад жизни, превращаясь из оседлых земледельцев в кочевников баггара [Этнические группы и социальные границы ... 2006].

Современный этап развития конструктивистской мысли связан с исследованиями Р. Брубейкера, А. Виммера и Ч. Канчан. Р. Брубейкер в противовес идеям Ф. Барта предлагает отказаться от учета привычного в научном понимании феномена

этнических границ и анализировать этничность с позиции интерпретации отдельных ситуаций. При этом, он полагает, что особая роль в развитии этничности принадлежит «этническим предпринимателям» – агентам, использующим этнические интерпретации для достижения своих целей [Брубейкер, 2012]. Исследовательские позиции А. Виммера связаны с отказом от изучения социальных групп и акцентом на изучение этнических границ. Он приводит классификацию ситуаций, в которых этнические границы производятся отдельными социальными акторами, и выделяет около 40 различных индивидуальных стратегий. При этом А. Виммер предлагает отказаться от этнической окраски исследовательских дизайнов, указывая на необходимость исследования контекстов, опосредующих производство этнических границ, либо разграничение зон исследования по культурно-демографическим признакам [Wimmer, 2012]. В своих работах Ч. Канчан исследует, значение сконструированного характера этнической идентичности для анализа причин и последствий этнической мобилизации [Kanchan, 2006]. Она предлагает новую концептуальную основу для размышлений об этнической идентичности и использует ее для теорий взаимосвязи между этнической принадлежностью, политикой и экономикой. Принятие во внимание возможности изменения этнической идентичности, утверждает она, разрушает теоретическую логику, связывающую этническое разнообразие с потенциально деструктивными социальными процессами, такими как дестабилизация демократии, социальные «взрывы», распад государства. И вот что еще более важно: данный подход к вышеозначенному предмету исследования позволяет дополнять имеющиеся знания о взаимосвязи между этнической принадлежностью, политикой и экономикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующие в научном дискурсе подходы к интерпретации понятия « этничность» отличаются многополярностью в сфере феноменологии. Социологическое осмысление понятия «этничность» развивалось в рамках трех основных парадигм: примордиалистской, конструктивистской и инструменталистской. Их концептуальные основания, помимо содержательных особенностей, отличает стремление к категоричному (конструктивизм) и порой редуктивному описанию этничности (примордиализм). Данные тенденции во многом обусловлены влиянием социокультурного контекста, научной и политической конъюктур эпох, в которых они зарождались. Отсутствие

преимущества в эволюции взглядов на этничность дополняется отрицанием состоятельности положений прежних парадигм (конструктивизм), а также внутрипарадигмальными расхождениями (примордиализм).

Некоторые подходы к феномену этничности отличает узость исследовательского поля зрения. Она выражается в стремлении выделить наиболее важный аспект, который бы наиболее выпукло выражал сущностные особенности феномена

этничности (инструментализм). Каждая из парадигм в отдельности не имеет достаточной объяснительной силы, чтобы в настоящее время претендовать на максимальную объективность ее теоретических положений. Комплексный подход к феномену этничности, несводимый к суммированию базовых этнологических парадигм, но к их применению в зависимости от условий социального контекста, представляется наиболее адекватной исследовательской стратегией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сковцов Н. Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.
2. Рыбаков С. Е. Философия этноса. М., 2001.
3. Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. 2014. № 4 (20). С. 89–99.
4. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 106–117.
5. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период / Л. Н. Гумилев; АН СССР, Геогр. о-во СССР. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1990.
6. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / [пер. с англ. А. В. Смирнова и др.]. М.: Праксис, 2004.
7. Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсукова, А. А. Борзунов, Г. М. Дашевский, Е. М. Лазарева, В. Г. Николаев; послесл. А. Л. Елфимов; науч. ред. А. Л. Елфимов, А. В. Матешук. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
8. Счастливцев Р. А. Гердер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / председатель научно-редакционного совета совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010.
9. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Шанхай: Отдельный оттиск из LXVII Известий Восточного факультета Государственного Дальневосточного университета, 1923.
10. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / послесловие Н. Я. Бромлей. 2-е изд., доп. М.: ЛКИ, 2008.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
12. Хоровиц Д. Л. Этнические группы в конфликте: теории, образцы и политика. Беркли: Калифорнийский университет, 2000.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
14. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
15. Белозёров В. К. Понятия «народ» и «нация» в российском и международном политическом и научном дискурсе // Вестник Российской нации. 2019. № 5. С. 118–125.
16. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998.
17. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилыцкова. М.: Новое издательство, 2006.
18. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
19. Wimmer A. The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. University of California, Los Angeles, 2012.
20. Kanchan C. What is Ethnic Identity and Does it Matter? // Annual Review of Political Science. 2006, June. Vol. 9. P. 397–424.

REFERENCES

1. Skvortsov, N. G. (1997). Problemy etnichnosti v sotsial'noi antropologii = Problems of ethnicity in social anthropology. St.Petersburg. (in Russ.)
2. Rybakov, S. E. (2001). Filosofiya etnosa = Philosophy of the ethnos. Moscow. (In Russ.)
3. Berge, P. (2014). Rasa i etnichnost': sotsiobiologicheskaya perspektiva = Race and ethnicity: a sociological perspective. Voprosy natsionalizma, 4 (20), 89–99.
4. Reutov, E. V., Reutova, M. N., Shavyrina, I. V. (2019). Reciprocity in Mutual Aid Networks (on the Data of a Regional Study). Sotsiologicheskie issledovaniya, 3, 106–117. (in Russ.)

5. Gumilev, L. N. (1990) Geografiya etnosa v istoricheskii period = Geography of the ethnos in the historical period. AN SSSR, Geographical society of USSR. Leningrad: Nauka: Leningradskoe otделение. (In Russ.)
6. Smith, E. (2004). Natsionalizm i modernizm: kriticheskij obzor sovremennykh teorii nacij i nacionalizma = Nationalism and Modernism: A critical review of modern theories of nations and nationalism. Moscow: Praksis. (In Russ.)
7. Girts, K. (2004). Interpretatsiya kul'tur = Interpretation of cultures, transl. from English by O. V. Barsukova, A. A. Borzunov, G. M. Dashevskii, E. M. Lazareva, V. G. Nikolaev; afterword by A. L. Elfimov; ed. by A. L. Elfimov, A. V. Mateshuk. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)
8. Schastlivtsev, R. A. (2010). Gerder = Herder. Novaya filosofskaya entsiklopediya: in 4 vols. Ed. by V. S. Styopin. 2nd ed., revised and corrected. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
9. Shirokogorov, S. M. (1923). Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii = Study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Shanghai: Otdel'nyi ottisk iz LXVII Izvestii Vostochnogo fakul'teta Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta.
10. Bromlei, Yu. V. (2008). Ocherki teorii etnosa = Essays on the theory of ethnicity. Afterword by N. Ya. Bromlej. 2nd ed., revised and corrected. Moscow: LKI. (In Russ.)
11. Hantington, S. (2003). Stolknovenie tsivilizatsii = Clash of Civilizations. Moscow: AST. (In Russ.)
12. Khorovits, D. L. (1985). Etnicheskie gruppy v konflikte: teorii, obratzty i politika = Ethnic groups in conflict: theories, patterns and politics. Berkli: Kaliforniiskii universitet.
13. Berger, P., Lukman, T. (1995). Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti = Social construction of reality. Moscow. (In Russ.)
14. Anderson, B. (2001). Voobrazhaemye soobshchestva = Imaginary communities. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole. (In Russ.)
15. Belozorov, V. K. (2019). The concepts of "people" and "nation" in Russian and international political and scientific discourse. Bulletin of Russian nation, 5, 118–125. (In Russ.)
16. Khobsbaum, E. (1998). Natsii i natsionalizm posle 1780 goda = Nations and nationalism after 1780, transl. from English by A. A. Vasil'eva. St.Petersburg: Aleteiya. (In Russ.)
17. Barta, F. (Ed.). (2006). Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii = Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences, transl. from English by I. Pilytsikova. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
18. Brubeiker, R. (2012). Etnichnost' bez grupp = Ethnicity without groups, transl. from English by I. Borisova. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
19. Wimmer, A. (2012). The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multilevel Process Theory. Los Angeles: University of California.
20. Kanchan, C. (2006). What is Ethnic Identity and Does it Matter? Annual Review of Political Science, 9, 397–424.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонян Андрей Самвелович

кандидат социологических наук

заместитель начальника 22 научно-исследовательского отдела

научно-исследовательского центра Военной академии РВСН имени Петра Великого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrew Samvelovich Sogomonyan

PhD (Sociological Sciences)

Deputy Head of the 22 Department of Research and Research Center

Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.02.2023
21.03.2023
06.04.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья

УДК 316

DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_117



Женщины Таджикистана в науке: социально-статистический анализ¹

Х. О. Хушкадамова

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия,
columnist07@mail.ru*

Аннотация. Исследование репрезентирует пример Таджикистана по проблематике участия женщин в науке. Автором применяются разные эмпирические методы – непосредственное наблюдение, контент-анализ публикаций СМИ, биографический метод и статистический анализ официальных данных. Выявляются основные ступени подготовки ученых из числа женщин и девушек. Даются портреты известных женщин-ученых таджикского социума. Рассматриваются факторы, способствующие гендерному разрыву в науке.

Ключевые слова: женщины, гендерный разрыв, насилие, наука, трудовая миграция, образование

Для цитирования: Хушкадамова Х. О. Женщины Таджикистана в науке: социально-статистический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 117–124. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_117

Original article

Women of Tajikistan in Science: Socio-Statistical Analysis

H. O. Khushkadamova

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia, columnist07@mail.ru*

Abstract. The study represents the example of Tajikistan on the issue of women's participation in science. The author used different empirical methods – direct observation, content analysis of publications in mass media of Tajikistan, biographical method, statistical analysis of official data. The main stages of training of scientists from among girls and women. Portraits of famous Tajik women scientists of the Tajik society are given. The factors contributing to the gender gap in science have been identified.

Keywords: women, gender gap, violence, science, labor migration, education

For citation: Khushkadamova, H. O. (2023). Women of Tajikistan in science: socio-statistical analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 117–124. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_117

¹ Некоторые положения исследования были озвучены на «Круглом столе» Тверской региональной ассоциации журналистов «Руководят ли женщины наукой?» 7 апреля 2021 г. См. подробнее: Руководят ли женщины наукой? URL: <http://ombudsman-tver.ru/activities-news/rukovodyat-li-zhenshchiny-naukoy>

ВВЕДЕНИЕ

Участие женщин в науке связано с их положением в других сферах жизнедеятельности таджикского общества. Традиционно именно женщины, занимающиеся наукой, актуализируют тему равноправия мужчины и женщины. Парадокс в том, что от решения разных сегментов женского вопроса зависит уровень участия женщины в науке, от уровня их образования, от их положения в семье. По нашему наблюдению и по данным исследований, проведенных в стране, насилие является серьезнейшей проблемой таджикского общества. Согласно данным статистики, среди лиц, совершающие физическое насилие в отношении женщин, 75,5 % составляют мужья. На втором месте мама и мачеха, соответственно 14,5 %. На третьем месте бывшие мужья – 12,7 % [Женщины и мужчины Республики Таджикистан, 2020]. В центре внимания средств массовой коммуникации страны (СМИ, социальные сети) главными проблемами наравне с темой положения женщины в обществе, выступают, в частности, гендерная составляющая насилия, тема миграции, особенно выезд мужчин за пределы страны. Ситуация такова, что каждый пятый трудоспособный гражданин Таджикистана самостоятельно выезжает на работу в другие страны. Трудовая миграция в 2019 году составила 530,9 тыс. человек и уменьшилась по сравнению с 2013 годом на 33,6 %. «Из числа трудовых мигрантов мужчины составляют 85,5 % и женщины – 14,5 процента» [Женщины и мужчины Республики Таджикистан, 2020, с. 118].

Приведенная статистика, несомненно, связана с поставленной нами проблемой. Женщины, желающие заниматься наукой, могут быть и среди жертв насилия, и среди жен трудовых мигрантов, и среди лиц, выезжающих на заработки. Следовательно, такой статистики нет. Существуют и примеры внезапной эмиграции женщин, их фактического бегства из страны. Иногда, уезжая с целью продолжения учебы в аспирантуре или докторантуре в Россию и другие страны, женщины не возвращаются обратно на родину. Бывает так, что приезжая на учебу, они параллельно вынуждены зарабатывать на жизнь, и в итоге не доходят до защиты своих научных работ. Как бы ни сложилась судьба женщин, связывающих свою жизнь с наукой, эти злободневные вопросы таджикского общества беспокоят в первую очередь именно их, женщин из науки. Их активность в данной сфере облегчает и их положение. Традиционно в науку приходят девушки, которые были отличницами в средней школе. Основы участия тренда женщины в науке создаются в школе и вузе.

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОЛНОГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Образование считается главным фактором в преодолении, во-первых, болезненных явлений женской судьбы, которые еще в недавнем истории таджикского общества считались пережитками прошлого: незаконные (незарегистрированные) полигамные и ранние браки; во-вторых, проблемы нового времени: жены-вдовы при живых мужьях, высокий уровень разводов; в-третьих, высокий уровень насилия [Хушгадамова, 2020]. Исследования, проведенные в стране при поддержке международных организаций, показывают, что охват девочек образованием ниже, чем мальчиков; с особой отчетливостью гендерный разрыв увеличивается после 9 класса. Ему способствуют следующие факторы: гендерные стереотипы о роли женщин; ограниченные материальные возможности семей; 9-летнее неполное среднее образование, которое считается обязательным базовым бесплатным образованием.

Гендерному разрыву противостоит желание самих девушек учиться. А оно тоже формируется с детства в семье и в дошкольных образовательных учреждениях. «В Таджикистане, где 89 % населения вне образования, занятости или обучения в возрасте 15–24 лет составляют девушки, более 84 % детей в возрасте от 3 до 6 лет не получают базовых услуг дошкольного образования. Несмотря на увеличение инвестиций и ориентацию на дошкольное образование, показатели зачисления в дошкольные образовательные учреждения в Таджикистане не изменились и остались на уровне 15,9 % без значительных изменений с 2014 года. Более 70 % учителей дошкольного образования не имеют необходимой квалификации для поддержки развития и обучения детей младшего возраста» [Ранее образование, 2019]. Выделяются в этом сегменте преграды следующего характера: недостаточное распределение государственных ресурсов, непрерывный демографический рост, зависимость от внешнего финансирования и отсутствия экономической возможности у родителей, особенно в сельских и отдаленных районах.

Страна пытается приблизиться к полному охвату начальным и неполным средним образованием (1–9-е классы, возраст от 7 до 15 лет). Однако уровень полного среднего образования (10–11-е классы) еще не достиг 90 % [Программа среднесрочного развития, 2016]. Экспертами оптимистично оценивается динамика роста этого показателя. Хотя по данным статистики, доля девушек в учреждениях образования, начиная с 1991/1992 учебного года до 2018/2019 учебного года, остается

неизменной. Республика Таджикистан считается страной, в которой уровень образования старших поколений выше, чем уровень образования молодежи.

Контент-анализ публикаций «Освещение в государственных СМИ процесса учебы по президентским квотам»¹ показал, что выбранная тематика данного исследования – одна из преимущественных среди других сегментов образования в таджикском обществе [Хушгадамова, 2020]. Квота дает девушкам возможность продолжить образование в высших учебных заведениях. И число желающих приобрести его растет.

Следовательно, они и приходят в науку, став не только квалифицированными специалистами, но и смело вступают на научную стезю². В Уголовном Кодексе РТ предусмотрена ответственность за воспрепятствование к получению обязательного общего (девятилетнего) образования. Уголовно наказуемо также неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. На государственном уровне предоставляется материальная помощь в форме грантов и стипендии девушкам-студенткам, аспиранткам, а также девушкам-сиротам. Девушки из сельских регионов и девушки-сироты обеспечиваются благоустроенным общежитием на период обучения в вузах города Душанбе. При Комитете по делам женщин и семьи при Правительстве РТ действует учебный центр для девушек-сирот [Кудусов, 2016]. Как показывают данные исследований, снижение гендерного неравенства в сфере образования остается основным приоритетом политики государства. Следовательно, принятые меры минимизировали существующие проблемы в сфере гендерного образования. Только к 2015 году страна достигла показателей 1991 года по гендерной составляющей высшего образования – 28,8 % специалистов от общего числа молодежи с высшим образованием составляли девушки. В это время еще сильно было влияние советского периода в сфере образования, в том числе равного доступа к образованию. Данные показывают преимущества в сфере образования и культуры, здравоохранения и гуманитарных наук. Они составляют более

73 % [Препятствия в сфере образования, 2016]. Таким образом, девушки сами выбирают или их наставляют обучаться в традиционно женских областях. Данные 2018/2019 учебного года показывают, что студентки профессионально-технических учебных заведений почти исключительно изучали здравоохранение (64 %) и образование (28 %), в то время как 47 % будущие специалисты мужского пола участвовали в других программах. По данным исследований в этом же учебном году 82 % студенток в высших профессиональных учебных заведениях изучали одну из двух специальностей – образование или экономику. Одинаковая доля студентов мужского пола в это же время изучала экономику; образование; промышленность, транспорт; здравоохранение и т. д. [Таджикистан, Страновая гендерная оценка, 2021]. Такой подход к выбору областей обучения приводит к профессиональной сегрегации.

УЧЕНЫЕ-ПРЕПОДАВАТЕЛИ И АСПИРАНТЫ ВУЗОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Преподавание в высших учебных заведениях – та тропинка, которая дает возможность преподавателю реализовать себя и как ученому, повысить свой социально-профессиональный статус. В педагогической деятельности апробируются проведенные им исследования, возникают горизонтальные связи с коллегами, что для ученого немаловажно. Следовательно, духовная и материальная мотивация способствуют усилиям, которые направляет преподаватель на повышение своего профессионального уровня.

Численность преподавательского состава учреждений высшего профессионального образования Таджикистана по данным 2019 года составляло 11 681 человек. Из них мужчин – 7 725 человек, женщин – 3 956 ч. В 2014 году – 9 167 человек, женщин – 3 257 человек, мужчин 5 910 человек. [Женщины и мужчины Республики Таджикистан, 2020]. В советские времена доля девушек среди студентов высших учебных заведений составляло 49,7 %. Даже в 1991/1992 учебном году под влиянием советского времени доля девушек, обучавшихся в вузах, составляло не более 33,6 %. Однако годы войны сильно ударили по статусу девушек и женщин во всех сферах. В 1996/1997 учебном году количество девушек-студенток снизилось до 25,8 % по стране. В 2018/2019 их количество возросло всего почти на 2 % и составляло 36,4 % [Хушгадамова, 2020]. Последний показатель предоставил возможность республике, наконец, выйти на уровень 1991 года [Альтернативный отчет, 2019].

¹ В выборку вошли 187 сообщений сайта НИАТ «Ховар» и 203 публикации республиканской газеты «Чумхурият» за период с 3 октября 2008 года до 18 мая 2019 года.

² Председатель Комитета по науке, образованию, культуре и молодежной политике Парламента рассказала, насколько наука доступна для женщин в Таджикистане. См. подробнее: <https://khovar.tj/rus/2021/02/predsedatel-komiteta-po-nauke-obrazovaniyu-kulture-i-molodoyozhnoj-politike-parlamenta-rasskazala-naskolkonauka-dostupna-dlya-zhenshin-v-tadzhikistane/?ysclid=ijtpemzx735894051>

Таблица 1

**ЧИСЛЕННОСТЬ УЧЕНЫХ-ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ ПО РЕГИОНАМ ТАДЖИКИСТАНА,
ПО ДАННЫМ 2019 ГОДА¹ (человек)**

Регионы	Преп. вузов	Ж.	М.	К. н.	Ж	М.	Д. н.	Ж	М
Хатлон	1 999	572	1 427	260	66	194	40	4	46
Согд	2 196	990	1 206	679	281	398	77	12	65
ГБАО	316	182	134	40	14	26	2	1	1

¹ Таблица 1 подготовлена автором, по данным Сборника «Женщины и мужчины Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2020.

Республика Таджикистан состоит из различных областей. Они взаимно не совпадают почти по всем параметрам: социально-экономическому, географическому, культурно-языковому и демографическому. Следовательно, в уровне образования между регионами также сохраняются различия. Исследования, проведенные в стране, показывают, что в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) 84 % женщин имеют среднее или высшее образование. Данная статистическая цифра «является самым высоким показателем среди регионов Таджикистана». Далее следуют Согдийская область (69 %), Душанбе (63 %), Хатлонская область (53 %) и Районы республиканского подчинения (РРП) (39 %) [Таджикистан. Страновая гендерная оценка 2021, с. 5].

Статистический анализ выявил следующие интересные факты и цифры: в 2014–2016 годы в вузах Хатлонской области не было женщин-докторов наук. В 2017–2018 годы по 1 человеку. В 2019 году, как показывает таблица, их количество достигло 4. Кандидатов наук из числа женщин в 2014 году было 41, мужчин – 142. В 2015 году – 47, в 2016 – 44, в 2017 – 42, в 2018 – 58. В Согдийской области в 2014 году количество мужчин-кандидатов наук составляло 370, в 2019, согласно данным таблицы – 398. Женщины-кандидаты наук в 2014 – 184, 2019 – 281. В Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) женщин с ученой степенью кандидата наук в 2014 году было 13 чел. В 2019 году их количество возросло на одного человека и составляло 14 чел. Мужчины-кандидаты наук в 2014 году – 38 человек, в 2019–40. До 2016 года докторов наук-женщин в области вообще нет, мужчин в 2014 году было 8, в 2015 году – 8, в 2016 году – 10. В 2019 году мужчин и женщин докторов наук в области насчитывается 1:1. Хотя число девушек-аспирантов по сравнению с другими областями страны только в этой автономной области, как показывает таблица 2, до 2018 года было больше мужчин. Приведенная статистика

свидетельствует о том, что аспирантам не удастся вовремя защитить диссертацию. Получить ученую степень становится проблематичным, потому что в вузе не действует Ученый совет. Защитить свои научные изыскания соискатели научных степеней могут в советах при вузах или научно-исследовательских институтах столицы, однако для этого требуется иметь дополнительные материальные возможности. Финансовые средства нужны для частых поездок в Душанбе²¹

Традиционно, когда женщины добиваются определенных успехов, в том числе в науке и образовании, эти успехи становятся достоянием той или иной сельской местности. В итоге, совокупность позитивных факторов стимулирует девушек пойти по их стопам их родителей. Показательна следующая статистика: «...более 85 процентов опрошенных женщин и мужчин считают важным, чтобы их дочь получила университетское образование» [Таджикистан. Страновая гендерная оценка, 2021, с. 6].

В целом, анализ данных последних нескольких лет свидетельствует, что количество аспирантов увеличилось по сравнению с 90-ми годами. Если в 1991 году аспирантами Национальной академии наук числились всего 148 молодых людей, то в 2020 году их число возросло до 1200 человек, что почти в 8 раз превышает предшествующий показатель [Официальный сайт Президента Республики Таджикистан, URL].

Девушек-аспирантов в 2000 году по стране насчитывалось всего 22 человека, в 2019 году только в НАНТ в аспирантуре учились 58 девушек на

² В 2022 году в Институте гуманитарных наук им. академика Баходура Искандарова Национальной Академии Наук Таджикистана, который расположен в городе Хороге Горно-Бадахшанской автономной области, начал действовать совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.9.2. Литература народов мира (филологические науки), 5.9.6. Языки народов Зарубежных стран (памирские языки) (филологические науки). Специалисты по упомянутым специальностям из этой области также теперь могут воспользоваться этой возможностью.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ АСПИРАНТОВ ПО РЕГИОНАМ ТАДЖИКИСТАНА¹

РЕГИОНЫ	Гендер	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Хатлон	Ж.	39	35	40	25	15	21
	М.	97	88	76	49	32	30
	Всего	136	123	116	74	47	51
Согд	Ж.	75	61	47	41	36	27
	М.	89	74	65	56	40	24
	Всего	164	135	112	97	76	51
ГБАО	Ж.	54	70	37	28	13	5
	М.	27	18	13	15	10	8
	Всего	81	88	50	43	23	13
Душанбе	Ж.	496	484	461	467	352	234
	М.	774	842	837	825	791	409
	Всего	1270	1326	1298	1292	1143	643

¹ Анализ проведен, по данным Сборника «Женщины и мужчины Республики Таджикистан». Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2020.

соискание PhD.² По словам Президента НАНТ академика Ф. Рахими, ныне (апрель 2023 года) в академии работают 2 тыс. 100 человек, из них 716 – женщины. 130 девушек и женщин являются обладателями ученых степеней и категорий [Хомид, 2023]. Таким образом, женщины в НАНТ составляют 40 %. 150 женщин заняты в сфере точных и естественных наук, 100 – в сфере гуманитарных наук. В целом, почти 300 женщин в академии заняты исследовательской работой³.

Начиная с 2020 года в стране реализуется программа «Двадцатилетие изучения и развития естественных, точных и математических наук в сфере науки и образования». Следовательно, ставится цель увеличить долю женщин в этих отраслях. СМИ заполняют свои страницы статистикой по этой теме. Так, уже в феврале 2021 года национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар» сообщает: «В период с 2017 года по 31 января 2021 года свои кандидатские диссертации защитили 208 девушек, в том числе 107 из них в возрасте до 35 лет, по медицинскому направлению – 40, техническому – 26 и по общественным специальностям – 142. Больше всего девушек в науке занимаются в юридическом, экономическом и филологическом

направлениях»⁴. Проводятся специальные мероприятия в рамках этой акции. На постоянной основе проходит конкурс «Наука-просвещение»⁵, цель которого – привлечение молодежи к изучению естественных, точных и математических наук, новых технологий и поиск новых талантов в этих сферах. Только за последние два года в конкурсе, как отмечает вице-президент НАНТ Гулчехра Кохирова, участвовали 40 % девушек⁶. Такой сегмент науки, как изобретательство, тоже начинается пополняться за счет девушек, причем на мировом уровне. За последние пять лет число женщин-изобретателей достигло 210 человек. В 2022 году 5 человек из них стали лауреатами и обладателями золотых медалей, двое получили серебряные медали.⁷

Участие женщин в науке считается мировой проблемой. Выявлены и главные препятствия на таком уровне: стереотипы и предубеждения в обществе. И в этой связи ежегодно 11 февраля в мире посвящается науке. В самом Таджикистане 14 апреля – День таджикской науки. Публикации об участии женщин в науке часто появляются в СМИ, особенно в преддверии 8 марта и в эти знаменательные дни.

⁴ Председатель Комитета по науке, образованию, культуре и молодежной политике Парламента рассказала, насколько наука доступна для женщин в Таджикистане. НИАТ «Ховар». 11 февраля 2021 года.

⁵ Перевод автора с таджикского языка: Фурӯғи маърифат.

⁶ Оламбеги Некадам, Бонувон. Аз сиёсат то ихтироҷкорӣ: «Чумхурият»-2 марта 2023 года.

⁷ Там же.

² Председатель Комитета по науке, образованию, культуре и молодежной политике Парламента рассказала, насколько наука доступна для женщин в Таджикистане. НИАТ «Ховар». 11 февраля 2021 года.

³ Оламбеги Некадам. Бонувон. Аз сиёсат то ихтироҷкорӣ: «Чумхурият». 2 марта 2023 г.

ОБРАЗЦЫ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ

Модель репрезентации образцов для подражания в публичном пространстве очень популярна в современном таджикском обществе. Приводятся примеры из жизни женщин, внесших огромный вклад в науку. Невозможно не отметить роль информационных агентств Таджикистана, особенно НИАТ «Ховар», сайт которого послужил основной площадкой для данного исследования. Издания используют две формы презентации женщин-ученых в своем контенте: обращение к советскому прошлому и создание портретов женщин-ученых в новом Таджикистане. Так, Сорочон Юсупова – первая женщина-ученый в области геологии. Она посвятила свою жизнь изучению и нахождению полезных ископаемых в Таджикистане. Ее именем названы геологические учебные заведения.

Софья Хакимова, советский ученый-медик, в возрасте 33 лет получила степень доктора медицинских наук (первая из таджичек), член-корреспондент Академии медицинских наук СССР, член-корреспондент РАМН. Заслуженный деятель науки Таджикской ССР; Мухиба Якубова – известный в мире ученый-биолог Таджикистана, единственная женщина-академик, которая и ныне занимается изучением физиолого-биохимических и генетических механизмов, обеспечивающие и регулирующие жизнедеятельность растений.

Изучение биографий женщин-ученых показало, что данная сфера знания приобретает популярность и в новом Таджикистане. Женщины-таджички достигают высот в одном ряду со своими европейскими коллегами¹.

Это директор Института астрофизики Национальной академии наук Таджикистана (НАНТ), доктор физико-математических наук Гулчехра Кохинова. Ее биография, отличается от обычных биографий женщин-ученых. За ее значительный вклад в исследования малых тел солнечной системы решением Международного астрономического союза в 2014 года в ее честь малая планета № 24533 названа «Kokhirova»². Из четырех вице-президентов НАНТ одно место занимает эта женщина-ученый с мировым именем. Она также является председателем Отделения физико-математических, химических, геологических и технических наук НАНТ. Направление исследований Кохиновой Г. И. тоже не

обычное для женщин – малые тела солнечной системы, их физические и динамические свойства, их происхождение и взаимосвязи.

Таджикистан – страна гор, ледников и, следовательно, источник питьевой воды. В современных условиях особую актуальность приобретает их освоение. Чтобы изучать их, надо отказаться от кабинетного стиля работы и добраться до них, пощупать их пульс. Гляциологу Дилором Джалоловой (30 лет) удалось пять раз совершить восхождение к ледникам, в том числе в Киргизской Республике, и ознакомить со своими научными достижениями своих коллег на Международной конференции высокого уровня «Вода для устойчивого развития, 2018–2028 годы» в 2017 году. Ее основная тема – влияние изменения климата на деградацию ледников Зеравшанской долины. Девушек в Центре изучения ледников всего несколько, однако история Дилором – демонстрация того случая, когда количество, переходя в качество, привлекает в эту необычную сферу девушек от 18 до 30 лет. Докторант ФТИ имени С. Умарова Национальной академии наук Таджикистана (НАНТ) Шохина Халифаева благодаря президентской квоте успешно построила свою научную биографию.

Как показывают истории молодых женщин-ученых, в новой тридцатилетней Республике Таджикистан появляются образцы для подражания. Считается, что этот стимул дает возможность преодолеть сохраняющуюся веками конфронтацию между женственностью и наукой. По нашим наблюдениям, при назначении женщин в руководящие органы страны учитывается ученый статус кандидата на ту или иную должность.

В депутаты Парламента страны избраны 32 ученых из различных сфер. Из них 28 % составляют женщины: член-корреспондент АН, пять докторов наук и три кандидата наук. Первая женщина таджичка – доктор технических наук. Автор более 300 научных работ, в том числе 7 монографий, 12 изобретений, лауреат премии АН РТ имени С. Умарова, серебряный призер Международного симпозиума женщин-изобретательниц в городе Сеуле (Южная Корея) Мансури Дилрабо Сайдулло, Заместитель Председателя Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, депутат от единого общереспубликанского округа (член Народной Демократической Партии Таджикистана) VI созыва [Хушгадамова, Березина, 2022]. Председатель Совета женщин Академии наук Мухиба Махмаджанова³ считает, что хотя гендерный баланс пока не достигнут в стране, приток женщин

¹ Таджикские девушки, выбравшие редкие направления в науке, рассказали, почему это важно и престижно. НИАТ «Ховар». 11 февраля 2021 г. URL: <https://khovar.tj/rus/2021/02/tadzhikskie-devushki-vybravshie-redkie-napravleniya-v-nauke-rasskazali-pochemu-eto-vazhno-i-prestizhno/>

² Вице-президенты НАНТ. Кохинова Гулчехра Исроиловна. URL: <https://anrt.tj/ru/prezidium-an-rt/rukovodstvo-an-rt/vitse-prezidenty-an-rt>

³ Мухиба Махмаджанова: «Научной работой сегодня заниматься престижно». В республике отмечают День таджикской науки. НИАТ Ховар-14 апреля 2019 года.

и девушек в фундаментальную науку значительно увеличился. Сегодня почти во всех институтах в магистратуре девушки обучаются в точных дисциплинах. В 2014 году из общего числа магистрантов 20 % составляли девушки. По данным 2018 года, этот показатель составил почти 50 %. При этом в некоторых институтах эта цифра достигла 60–70 % в пользу девушек. Хотя создана соответствующая нормативно-правовая база для гендерного равноправия, в частности в научной сфере, следующие факторы выступают препятствиями для увеличения числа женщин и улучшения их положения в науке: социально-экономическая составляющая жизни страны, общий уровень научно-технического развития социума, культурно-религиозные традиции. Очень многое зависит от преодоления стереотипов, имеющих гендерную окраску. По данным Института статистики ЮНЕСКО, в странах Центральной Азии численность женщин в науке имеет тенденцию к росту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наука с первого взгляда выглядит легкой профессией с женским лицом. Однако за этими маркерами в таджикском обществе стоит выполнение домашних обязанностей, забота о членах большой семьи и бессонные ночи за компьютерами. И возможно именно характер таджичек – обладание терпением, желание заботиться о других и вести любое начатое дело до конца вкупе с политической государством, направленной на достижение гендерного равенства, в том числе в науке, приводит их к высоким результатам. Тем не менее требуется уделить внимание каждой женщине-ученой, которая выбирает этот тернистый путь, каждой девушке, которая заканчивает аспирантуру. Несмотря на то что доля женщин со средним или высшим образованием в Таджикистане немного больше доли мужчин, в сфере высшего образования все еще сохраняется гендерное неравенство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Женщины и мужчины Республики Таджикистан. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2020.
2. Хушкadamова Х. О. Гендерное пространство образования в Таджикистане // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 3 (840). С. 224–236.
3. ЮНИСЕФ Таджикистан. Раннее образование детей в Таджикистане: бюллетень. Душанбе, 2019. URL: <https://www.unicef.org/tajikistan/ru>
4. Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан в 2016–2020 годы: утверждена Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 28 декабря 2016 года № 678. Душанбе, 2016.
5. Куддусов Дж. Препятствия в сфере образования взрослых/неформального образования для женщин и девочек в Таджикистане. Душанбе, 2016.
6. Всемирный банк. Таджикистан: страновая гендерная оценка. 2021.
7. Альтернативный отчет коалиции общественных объединений Республики Таджикистан «От равенства юридического – к равенству фактическому» по реализации Пекинской платформы действий +25. Душанбе, 2019.
8. Послание Президента Республики Таджикистан, «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан / Пресс-служба Президента РТ. URL: www.prezident.tj/ru/node/25006
9. Хомид Х. Неруи тавоно ва пешбари чома. Омӯзгор. 13 апреля, 2023 URL: <http://omuzgor-gazeta.tj/?p=3700>
10. Хушкadamова Х. О., Березина А. В. Политическое представительство женщин в Таджикистане и Иране // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 84–93.

REFERENCES

1. Zhenshiny i muzhchiny Respubliki Tadjikistan = Women and men of the Republic of Tajikistan (2020). Dushanbe, Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan. (In Russ.)
2. Hushkadamova, H. O. (2020) Gender Education Space in Tajikistan. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences. 3 (840), 224–236. (In Russ.)
3. UNICEF Tajikistan (2019). Rannee obrazovanie detej v Tadjikistane: byulleten' = Early Childhood Education in Tajikistan: Bulletin. <https://www.unicef.org/tajikistan/ru> (In Russ.)

4. Programma srednesrochnogo razvitiya Respubliki Tadjikistan v 2016–2020 gody: utverzhdena Postanovleniem Madzhlisi namoyandagon Madzhlisi Oli Respubliki Tadjikistan ot 28 dekabrya 2016 goda № 678 = Medium-term development program of the Republic of Tajikistan in 2016–2020: approved by the Resolution of the Majlisi Namoyandagon Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan dated December 28, 2016 No. 678. Dushanbe. (In Russ.)
5. Kuddusov, Dzh. (2016) Prepyatstviya v sfere obrazovaniya vzroslyh/neformal'nogo obrazovaniya dlya zhenshchin i devochek v Tadjikistane = Obstacles in adult/non-formal education for women and girls in Tajikistan. Dushanbe. (In Russ.)
6. The World Bank (2021). Tadjikistan, Stranovaya gendernaya ocenka = Tajikistan: Country Gender Assessment (In Russ.)
7. Al'ternativnyj otchet koalicii obshchestvennykh ob'edinenij Respubliki Tadjikistan «Ot ravenstva yuridicheskogo – k ravenstvu fakticheskomu» po realizacii Pekinskoj platformy dejstvij +25 = Alternative report of the coalition of public associations of the Republic of Tajikistan “From legal equality to de facto equality” on the implementation of the Beijing Platform for Action +25 Dushanbe, 2019. (In Russ.)
8. Official website of the President of the Republic of Tajikistan / Press service of the President of the Republic of Tajikistan (2021). Poslanie Prezidenta Respubliki Tadjikistan, «Ob osnovnykh napravleniyah vnutrennej i vneshnej politiki respubliky» = Message of the President of the Republic of Tajikistan, “On the main directions of the domestic and foreign policy of the republic” www.prezident.tj/ru/node/25006 (In Russ.)
9. Khomid, Kh. (April 13, 2023) Nerui tavono va peshbari romea. Omuzgor. <http://omuzgor-gazeta.tj/?p=3700> (In Russ.)
10. Hushkadamova, H. O., Berezina, A. V. (2022) Political Representation of Women in Tajikistan and Iran. Sotsiologicheskie issledovaniya, 9, 84–93. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хушқадамова Халимахон Отамбековна

доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры индоиранских и африканских языков
Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hushkadamova Halimahon Otambekovna

Doctor of Sociology (Dr. habil), Associate Professor
Professor of Indian, Iranian and African Languages Department
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	20.04.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.05.2023	approved after reviewing
принята к публикации	22.05.2023	accepted for publication



Субъектность социально адаптирующихся на рынке труда российских агломераций: синтетический переход «субъект–объект»

И. В. Шишков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ilyashishkoff@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется субъектность социальных адаптантов на рынке труда российских агломераций. Исследуются процессы виртуализации и глобализации, их связь с социальной адаптацией на рынке труда. Анализ различных подходов к субъектности позволяет выбрать интерсубъективный как оптимальный для социальной адаптации в текущих условиях. Адекватный подбор субъектности позволяет фасилитировать и интенсифицировать социальную адаптацию на рынке труда.

Ключевые слова: социальная адаптация, субъектность, среда адаптации, рынок труда, мультипарадигмальность

Для цитирования: Шишков И. В. Субъектность социально адаптирующихся на рынке труда российских агломераций: синтетический переход «субъект–объект» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 3 (852). С. 125–131. DOI 10.52070/2500-347X_2023_3_852_125

Original article

Agency of Socially Adjusting People at Russian Megalopolis' Labour Market: Synthetical Transference "Subject–Object"

Ilya V. Shishkov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ilyashishkoff@gmail.com

Annotation. The article analyzes the agency of socially adjusting people at Russian megalopolis' labour market. The virtualization and globalization processes, their connection to social adaptation at the labour market are looked into. Differentiating between various approaches to agency allows us to pick the intersubjective as the optimal for social adaptation at the labour market under current conditions. The adequate choice of agency makes it possible to facilitate and intensify social adaptation at the labour market.

Keywords: social adaptation, agency, adaptation environment, labour market, multiparadigm

For citation: Shishkov, I. V. (2023). Agency of socially adjusting people at Russian megalopolis' labour market: synthetical transference "subject–object". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 3(852), 125–131. 10.52070/2500-347X_2023_3_852_125

ВВЕДЕНИЕ

Динамическая природа рынка труда порождает необходимость непрерывного анализа его состояния и прогнозирования его предстоящих изменений. Понимание этого стимулирует интерес со стороны органов власти, корпоративных субъектов и исследователей к его различным аспектам. Грамотное прогнозирование открывает возможность оптимальной подготовки к трансформациям рынка труда, в особенности мегаполисов, в границах которых концентрируются существенные человеческие и экономические ресурсы.

В качестве одного из актуальных аспектов исследования рынка труда российских агломераций выделяется социальная адаптация. Процесс социальной адаптации позволяет не только эффективно пополнять рабочую силу и поддерживать экономическую стабильность, но также укреплять стабильность и устойчивость социальной структуры в целом, обеспечивать ее самовоспроизводство. Изучение особенностей субъектности социальной адаптации имеет связь с наблюдаемыми последствиями цифровизации, экономической нестабильности, связанной с политико-экономическими факторами, воздействующими на рынок труда всех мегаполисов России. При правильной интерпретации связанных с этим изменений возможно сконструировать стратегии компенсации и снижения негативных проявлений для российского общества, поддержания стабильного и единого функционирования социальных систем.

Протекающие на данный момент трансформационные процессы затрагиваются в исследованиях С. Кемпа, Н. Ю. Фокиной, Дж. Вайсман. Они подчеркивают витальность виртуализации и глобализации для преобразования социальной структуры. Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Зиммель, Т. Парсон, П. Бурдьё, Э. Гидденс и др. заложили основу мультипарадигмальности. Она сопутствует субъектности отношений в социологии. Идеи перечисленных исследователей применимы также к социальной адаптации в современных условиях. (Широкий спектр применения означенных идей обусловлен их фундаментальным характером.)

Кроме того, в исследовании мы обращаемся к эмпирическим материалам, представленных в форме статистических докладов, подтверждающих нашу аргументацию и нашу логическую цепочку.

Проблема исследования заключается в том, что трансформирующиеся условия рынка труда в российских агломерациях имеют возможность к деструктивному воздействию на социально-экономическую сферу и к искажению социальной реальности ввиду структурных изменений для отношений

«субъект–объект», на основе которых подбираются модели социальной адаптации на рынке труда и кристаллизации социальной структуры.

Цель исследования – выявление изменений субъектности социально адаптирующихся на рынке труда российских агломераций и выработка оптимального подхода к ее выбору.

Соответственно, новизна заключается в анализе и интерпретации зависимостей субъектности адаптантов от современных условий среды социальной адаптации на рынке труда, а также в авторской аргументации оптимального выбора категории отношений согласно конъюнктуре рынка и в авторских рекомендациях.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ АДАПТАЦИИ

Преобразование среды адаптации наемных работников к рынку труда российских агломераций неразрывно связано с протекающими в социуме масштабными процессами. ключевыми среди которых допустимо назвать цифровизацию социальных отношений и глобализацию-регионализацию. Под их воздействием прослеживаются изменения в «человеческих ресурсах», рабочей силе. Например, крупнейшие российские агломерации все так же остаются центрами притяжения для заработков как на государственном, так и на региональном уровнях (*РИА Новости. 17.04.2023*). Динамика прироста человеческих ресурсов обозначает потребность в эффективной социальной адаптации новых сотрудников на рынке труда во избежание зарождения конфликтных ситуаций ввиду структурных отличий, носителями которых являются адаптанты и адаптирующие.

Кроме того, в современном российском обществе наблюдается тенденция к виртуализации социальных взаимодействий, что также действительно для трудовых отношений. Интенсификация цифровизации в период пандемии COVID-19 и закрепление переноса части взаимодействия в виртуальную среду предприятиями оставили след на трудовой среде адаптации. Для молодых наёмных сотрудников виртуальная среда адаптации представляется неотрывной от реального социального пространства, проводя более 7 часов в сутки в Интернете [Кемп, 2023], поэтому процесс адаптации в значительной степени проецируется в цифровую среду.

Следовательно, обращение к сопутствующим изменениям в субъектности адаптационных отношений целесообразно для дальнейшей оптимизации всего процесса социальной адаптации на рынке труда.

Несмотря на резкое снижение влияния глобализации на Российскую Федерацию, ее существенные социально-культурные и экономические проявления сохраняются. Относительно рынка труда агломераций это особенно справедливо ввиду того, что в них отмечается концентрация предпринимательской деятельности, которая, как правило, стремится к «корпоративизации» по «западным образцам» ради укрепления собственной конкурентоспособности. Подобная имитация приводит к переносу глобалистских поведенческих паттернов, образцов социальной структуры, на локальный уровень [Фокина, 2022]. Побочным эффектом так же становится вероятность зарождения конфликта при столкновении представителей локальной и типически глобальной социальной структуры в период адаптации к видоизмененной социальной среде.

Данные и другие трансформационные процессы, влияющие на социальную среду адаптации, стимулируют спрос на переоценку субъектности при социальной адаптации на рынке труда агломераций.

ПРЕОБРАЗУЮЩАЯСЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ПРИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Анализ субъектности акторов, принимающих участие в социальных процессах, своими корнями восходит к эпохе классической социологии. Однако, несмотря на множественные попытки социологов достигнуть консенсуса в вопросах социальной субъектности, данная тема сохраняет свою актуальность до сих пор.

Вероятно, Э. Дюркгейм и К. Маркс стали одними из первых ученых, которые уделили существенное внимание проблеме субъектности в рамках социологии. Э. Дюркгейм, французский социолог конца XIX – начала XX веков, выдвинул предположение, согласно которому общество выстраивается посредством иерархической системы, структурности, которая обладает эмерджентными функциями саморегуляции и воспроизводства [Durkheim, 1982]. В его холистической и других структурно-функциональных концепциях стабильность и сплоченность социальных систем – результат взаимодействия норм, обычаев, практик, институтов, процессов, которых общности и индивиды действуют в качестве носителей этих элементов.

Руководствуясь такой логикой, очевидно, что адаптант представляет собой только условного субъекта, опосредованно способствующего перестроению социальной структуры и не обладающего значительным влиянием на эти процессы. Главная роль принадлежит структурной «сумме частей»,

совместно проявляющих эмерджентные свойства и синергию. Именно посредством этих «укорененных» элементов социальная система функционирует стабильно и едино. С другой стороны, К. Маркс, немецкий экономист и социолог XIX века, также признавая важность социальной структуры, утверждал, что она имеет тенденцию оказывать ингибирующее воздействие на деятельную сторону индивидов и их сообществ [Marx, 2010]. Такой эффект должен быть особенно характерен для идеологической системы как элемента социальной структуры, согласно его теории, что принимает форму, например, внутрисоциальной дифференциации по владению средствами производства.

Придерживаясь взаимно противоположных точек зрения, оба исследователя заложили фундамент представления о природе социальной ткани, о «первичном двигателе» воспроизводства ее структуры. Поэтому разумно полагать, что их рассуждения стали отправной точкой для последующих дискуссий, так как при общей слаженности позитивистских теорий субъектности у них не получилось убедительно прояснить природу более узких аспектов социального. Эти аспекты актуализируются в трудах исследователей, следующих за ними. Применительно к социальной адаптации молодых сотрудников на рынке труда подобные теории не представляются исчерпывающими ввиду факта усложнения социальных систем и их текущих преобразований, которые рассматриваются в данной статье.

Георг Зиммель, немецкий социолог конца XIX – начала XX веков, предпринимает попытку отойти от позитивистской традиции изучения субъектности. Он предлагает обратиться к индивиду как социальному актору в социальном пространстве. В своей работе «Большие города и духовная жизнь» Зиммель подчеркивает роль индивидуальности в структурировании социальных элементов: «...[С]колько бы XIX век ни требовал, наряду с чистой свободой, обусловленной разделением труда, специализации человека, специализации, которая делает отдельного человека до известной степени необходимым и незаменимым, но вместе с тем и более зависимым от дополнения его другими людьми <...> во всем этом слышится один основной мотив: возмущение субъекта против нивелирования его и поглощения общественно-техническим механизмом» [Зиммель, 2022, с. 1].

Для аргументации своих взглядов Зиммель сравнивает социальные пространства крупного города и сельской местности. Он приходит к выводу, что территориальная принадлежность накладывает определенный отпечаток на индивида. Лица, мигрирующие в городское пространство

из сельской местности, сталкиваются с необходимостью адаптации к новой среде, что отражает столкновение индивидуальности (субъектности) с устойчивой социальной структурой.

Данная проблема взаимодействия адаптирующегося индивида, например, наёмных работников на рынке труда мегаполиса, до сих пор остаётся актуальной ввиду миграционной привлекательности агломераций. Встраивание в трудовой коллектив происходит в форме столкновения уже сложившегося в рамках конкретного институционального воздействия (в том числе территориально обусловленного) набора норм и ценностей адаптанта с новым набором, характерным для среды адаптации и ее носителей. Данная дефиниция справедлива также по отношению к трудовым коллективам и другим сообществам. Она актуальна в условиях адаптации к меняющимся условиям рынка труда агломераций в целом. Следовательно, успешная адаптация находится в ригидной зависимости от контроля над собственной индивидуальностью, в чем проявляется субъективный аспект адаптации к социальной среде.

В XX веке американский социолог Толкотт Парсонс предпринимает попытку агрегирования и объединения концепций Э.Дюркгейма и М.Вебера в собственную – в теорию социального действия. В рамках своей концепции Парсонс отрицает саму природу проблемы субъектности, исходя из того, что «социальная система состоит из действий индивидов»¹ [Parsons, Shils, 1976, с. 190]. Все социальные действия в его теории предстают как реактивное поведение, кристаллизующееся на основании норм и ценностей, встроенных в сообщество, представителем которого является индивид, а также на физических и социальных факторах. «Укоренившееся» поведение при повторяющихся взаимодействиях институционализируется в социальную роль. Процесс социализации фасилитирует институционализацию ролей через санкционирование действий в зависимости от их адекватности среде адаптации. В ходе адаптации осуществляется обмен средовыми нормами и ценностями. (Этот обмен происходит между адаптантом и адаптируемым.)

В рамках теории Парсонса социальная структура обязана своим существованием институционализированным реципрокным действиям, которые исходят из намерений индивида.

Вышеописанный социологический метод может служить для объяснения системы отношений «субъект-объект» в процессе социальной адаптации работников к рынку труда. Тем не менее возникает

повод говорить о «размывании» границ между социальной структурой и действиями адаптирующихся, что позволяет анализировать вектор социальной деятельности индивида. Он направлен от актора к структурной эмерджентности. Однако в таком случае накладываются ограничения на интерпретацию обратной зависимости, что сужает перспективу для понимания трансформационных процессов на рынке труда динамично преобразующегося социального пространства агломераций.

Попытка «примирения» субъекта и объекта отчетливо прослеживается в работах П. Бурдьё, французского социолога XX – начала XXI веков. Он актуализирует феномен «габитуса» – системы приобретенных установок, посредством которых индивиды воспринимают социальную реальность. Габитус формируется под воздействием социокультурной среды и в дальнейшем обуславливает социальные действия субъекта [Bourdieu, 2013]. По теории П. Бурдьё, его значение двойственно: во-первых, габитус укоренен в принадлежность к социальной страте и др., и, во-вторых, сформированный габитус задает вектор дальнейшей деятельности человека. Соответственно, воспроизводство социальной структуры находится в прямой зависимости от институциональных особенностей. Воиспроизводящие индивиды предстают продуктами самой социальной структуры.

Логично предположить, что, руководствуясь «габитусной» системой субъектности, отвергающей дихотомию, социальная адаптация на рынке труда выглядит как «интернализация» внешней структуры в габитус адаптирующихся и «экстернализация» взаимодействий акторов-субъектов через социальные отношения в социальном поле. Кроме того, само социальное поле принимает на себя функционал среды адаптации, сочетающие в себе основные сферы адаптации сотрудников на рынке труда. Обращение к социальным полям при исследовании адаптации на рынке труда агломераций также позволяет трактовать не только трудовую, но и рекреационную среду в силу их взаимозависимости из-за стирания маркеров перехода из одной в другую в результате виртуализации процесса труда и рекреации [Шишков, 2022]. Социально адаптирующиеся на рынке труда совмещают в своей деятельности функции потребления и воспроизводства элементов социальной структуры – демонстрируют единство субъекта и объекта.

Намеренно уклоняется от проблематичной дихотомии и британский социолог XX века Энтони Гидденс. Он высказывается в пользу равноценности структуры и агентов (субъектов) в книге «Устроение общества: Очерк теории структуризации». «Дуальность структуры» заключается

¹ Перевод наш. – И. Ш.

в зацикленности конструирования социальной реальности действиями субъектов и ограничении действий субъектов, предусмотренном социальной структурой [Giddens, 1986].

Теория структуриации делает возможным акцентирование внимания как на структурных процессах, направляющих течение социальной адаптации, так и на рефлексивности действий акторов-адаптантов, оказывающих преобразовательное воздействие на среду адаптации. Например, институционализирующаяся корпоративная практика предоставления сотрудникам дополнительного профессионального образования способствует компетентной трудовой деятельности, лучшей самореализации, интернализации принятых норм и ценностей и, следовательно, качественной социальной адаптации на рынке труда. Подобное возможно исключительно при условии рефлексии у адаптирующегося (*Skillbox Media*. 15.06.2022).

Существование мультипарадигмальности при интерпретации субъектности в процессе социальной адаптации подтверждает комплексность проблемы. Проанализировав основные подходы к ее определению, следует выделить классифицировать категории отношений «субъект-объект» в рамках социальной адаптации на рынке труда агломераций.

Классический формат дихотомии «субъект-объект» заключается в активной прямой или косвенной преобразующей деятельности акторов. Она направлена на объект адаптации. Адаптанты, со своей стороны, транслируют структурные элементы для их интеграции в социальное пространство.

Трансляторами-субъектами адаптации сотрудников на рынке труда могут выступать институты (собственно рынок труда, трудовое право, корпоративная культура, муниципальная, региональная и федеральная власть), процессы (профессиональная переподготовка, трудовая деятельность, коммуникации, глобализация, виртуализация), социальные группы (трудовой коллектив, сотрудники организации), индивиды (коллеги, начальство, стейкхолдеры, контрагенты, конкуренты).

Институциональное усвоение достаточно ролевого набора позволит перейти из статуса «объекта адаптации» в статус «субъекта адаптации» и перенять функцию воспроизводства социальной структуры, закрепленной на рынке труда агломерации.

Систему отношений в ходе социальной адаптации, составляющую дуальность «субъект-субъект», следует обозначить в качестве интерсубъектной. В ее границах за социально адаптирующимися и адаптирующими синхронно закрепляется статус акторов-субъектов. В основе процесса социальной

адаптации лежит конфликт – столкновение структурных различий субъектов. Решение – достижение эквилибриума при сочетании структурных элементов или преобладание одного субъекта над другим с замещением набора норм и ценностей. Примером является обусловленное глобалистскими управленческими практиками конструирование корпоративной культуры (корпоративной социальной реальности), в рамках которой на локальном уровне в российских агломерациях привносятся стандартизованные коммуникативно-трудовые поведенческие паттерны, выстроенные по образцу норм, установок и диспозиций, закрепленных в пространстве штаб-квартиры [Фокина, 2022]. С одной стороны, происходит преобразование локальной структуры, носителями которой являются местные сотрудники, с другой, социальная адаптация позволяет внести элементы локальной структуры в транслируемую глобальную. В результате последняя отчасти приобретает «гибридный» характер. В подобных ситуациях в процессе социальной адаптации на рынке труда все принимают на себя роли акторов, т. е. демонстрируют собственную субъектность.

Кроме того, существует вероятность корреляции между категорией отношений социальной адаптации и актуальными социальными трансформационными процессами.

Классическая категория субъектности имеет склонность к проявлению в условиях виртуализации трудовых отношений. Данная тенденция возникает вследствие размывания границ между трудовой средой и средой рекреации при цифровых интеракциях. В совокупности с увеличением продолжительности труда и сокращением времени на рекреацию [Вайсман, 2019] возникает негативное воздействие на трудовую деятельность, на мотивацию к ней. В конечном счете, оно стимулирует или, как минимум, фасилитирует переход к пассивной или деструктивной модели адаптации, к общей дезадаптации. Адаптирующийся сотрудник перестает воспринимать себя в качестве полноценного элемента профессиональной структуры, преобразующего актора, и переключается либо на пассивное минимальное потребление транслируемых элементов структуры, не стремясь ни к интернализации, ни, тем более, к воспроизводству структуры.

В то же время виртуализация способствует формированию фасилитирующих условий для интерсубъектности при социальной адаптации на рынке труда. Институционально подкрепляющиеся временные ограничения трудовой деятельности, стимулирование мотивации к адаптации и фасилитация усвоения норм, ценностей, правил, паттернов поведения в новой среде в сочетании

с удобством цифровизации виртуальных интеракций (схематичность, быстрота отклика, снижение пространственно-временных расходов, доступность и др.) стимулирует уход из статуса объекта адаптации в статус субъекта, который не только становится равноценным актором, но и получает «право» на дополнение структуры и ее воспроизводство.

В целом, несмотря на жизнеспособность обеих систем, мы считаем предпочтительной именно интересубъектную, поскольку она совмещает в себе функцию интеграции сотрудников на рынок труда агломераций, и функцию воспроизводства, «ревитализации» социальной структуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Различные подходы к субъектности социально адаптирующихся (холистическая доминация субъекта над объектом, актор – преобразователь социальной реальности и синтетическая интересубъектность) на рынке труда российских агломераций позволяют сформировать различные

перспективы решения проблемы. Однако именно интересубъективный подход дает возможность выстроить оптимальную адаптационную стратегию благодаря взаимозависимой дуальности социальной структуры и акторов. В результате интерпретации конъюнктуры рынка труда в современных условиях можно утверждать, что выстраивание отношений «субъект–субъект» фасилитирует конструирование модели социальной адаптации сотрудников на рынке труда агломераций и ее целенаправленное регулирование.

Кроме того, мы предполагаем, что наблюдается тенденция к еще более интенсивной цифровизации социальных отношений, к их дальнейшему переносу в виртуальную среду и, соответственно, к зависимости эффективности социальной адаптации от приспособления представителей рабочей силы к означенным процессам. Следовательно, выработка органами власти, корпоративными акторами, исследователями и самими субъектами адаптации институциональных мер должна будет в существенной мере снизить ингибиторные эффекты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kemp S. The changing world of digital in 2023 // OER Commons. 2023, January 26. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/digital-2023/>
2. Фокина Н. Ю. Различия и сходства корпоративной культуры в разных странах: основные типы и связь с социо-культурным фактором // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. Вып. 10. С. 330–337.
3. Durkheim E. The Rules of Sociological Method. New York, Free Press, 1982.
4. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1. Scotts Valley. CreateSpace Independent Publishing Platform, 2010.
5. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. Вып. 3 (34). С. 1–12.
6. Parsons T., Shils E. Toward a General Theory of Action. Cambridge, Harvard University Press, 1962.
7. Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 2013.
8. Шишков И. В. Роль информационных технологий в управлении социальной адаптацией молодых наемных работников // Управление персоналом, социальными и бизнес-коммуникациями: методы, модели, технологии – 2022: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2022. С. 125–128.
9. Giddens A. The Constitution Of Society. Berkley: University of California Press, 1986.
10. Вайсман Д. Времени в обреш. Ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

REFERENCES

1. Kemp, S. (2023, January 26). The changing world of digital in 2023. OER Commons. <https://wearesocial.com/uk/blog/2023/01/digital-2023/>
2. Fokina, N. Y. (2022). Razlichiya i skhodstva korporativnoj kul'tury v raznykh stranakh: osnovnye tipy i svyaz' s socio-kul'turnym faktorom = Differences and similarities of corporate culture in different countries: basic types and connections with socio-cultural factor. Vestnik Altajskoj akademii ehkonomiki i prava, 10, 330–337. (In Russ.)
3. Durkheim, E. (1982). The Rules of Sociological Method. New York: Free Press.
4. Marx, K. (2010). Capital: A Critique of Political Economy (vol. 1. Scotts Valley). CreateSpace Independent Publishing Platform.
5. Simmel, G. (2002). Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' = The Metropolis and Mental Life. Logos, 3(34), 1–12. (In Russ.)
6. Parsons, T., Shils, E. (1962). Toward a General Theory of Action. Cambridge: Harvard University Press.

7. Bourdieu, P. (2013). Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Shishkov, I. V. Rol' informacionnykh tekhnologij v upravlenii social'noj adaptaciej molodykh naemnykh rabotnikov = Role of IT in managing social adaptation of young employees. Upravlenie personalov, socialnymi y business-kommunicaziymi: metody, modely, technology – 2022 (pp. 125–128): Proceedings of All-Russian scientific conference. (In Russ.)
9. Giddens, A. (1986). The Constitution Of Society. Berkley: University of California Press.
10. Wajcman, D. (2019). Vremeni v obrez. Uskorenie zhizni pri cifrovom kapitalizme = Pressed for time: the acceleration of life in digital capitalism. Moscow: Publishing house «Delo» RANEPА. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишков Илья Вадимович

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishkov Ilya Vadimovich

PhD student at Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.06.2023
06.06.2023
09.06.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow State Linguistic
лингвистического университета	University
Общественные науки	Social Sciences
Выпуск 3 (852)	Issue 3 (852)

Ответственный редактор выпуска:
кандидат политических наук М. В. Пупышева

Редактор *В. А. Геронимус*
Компьютерная верстка: *А. В. Алымов*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 12.09.2023
Усл. печ. л. 16,5. Формат 60х90/8
Заказ № 66/23

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание обязательна.